

18+

Виктор Харебов

Сергей Харебов

The Great Pyramids of Giza at night, illuminated by warm lights, with palm trees in the foreground. The pyramids are the central focus, their golden-brown stone blocks catching the light. The Great Pyramid is in the foreground, with the other two pyramids visible behind it. Palm trees are silhouetted against the dark sky on both sides. The overall scene is a dramatic and mysterious night view of the ancient wonders.

Тайны ИНЫХ МИРОВ

ВИКТОР ХАРЕБОВ
СЕРГЕЙ ХАРЕБОВ

ТАЙНЫ ИНЫХ МИРОВ

(Хроники профессора Вейра)

Издательские решения
По лицензии Ridero
2025

УДК 82-3
ББК 84-445
Х20

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Харебов Виктор

Х20 Тайны иных миров : (Хроники профессора Вейра) / Виктор Харебов, Сергей Харебов. — [б. м.] : Издательские решения, 2025. — 388 с.
ISBN 978-5-0067-4517-9

Сборник повестей, ранее опубликованных по отдельности, о путешествиях сквозь время, тайных знаниях древних цивилизаций и гранях реальности, неподвластных науке. В него вошли «Огненная земля», «Круг времени», «Ошибка центуриона», «Глиняная табличка из Элама», «Тайна адмирала», «Путь в Шамбалу», «Союз на лезвии меча» и «Свет луны в пустой чаше». Профессор Вейр — археолог, философ и путешественник во времени — раскрывает забытые миры, где история, миф и неизведанное сплетаются в откровение.

УДК 82-3
ББК 84-445

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0067-4517-9

© Виктор Харебов, 2025
© Сергей Харебов, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

История, как мы ее знаем, — это всего лишь поверхность. Под ней сокрыты иные слои: забытые легенды, смутные воспоминания, тени миров, которые существовали прежде — или могут существовать потом. Этот сборник — не просто собрание фантастических повестей. Это хроника — и не та, что хранится в библиотечных архивохранилищах. Это живая, пульсирующая ткань времени, в которую вмещался человек, осмелившийся переступить границы возможного.

Профессор Эдвард Вейр — не просто герой. Он — свидетель. Археолог, уфолог, философ и исследователь временных разломов, Вейр странствует не по континентам, а по вековым пластам человеческого бытия. Ему довелось стать участником событий, о которых официальная история молчит: войн и откровений, пророчеств и предательств, поисков и потерь. Его не удерживали стены лабораторий, и даже физические законы поддавались его воле, когда научное любопытство сталкивалось с тайной, скрытой за горизонтом эпох.

В этих повестях вы пройдете путь сквозь огненную Землю, где древние шаманские предания скрывают ключ к исчезнувшей цивилизации; очутитесь в лагере римских центурионов, где философия и сила сталкиваются в разгар

великой битвы; окажетесь в гуще альянса на лезвии меча, где судьба мира висит на волоске. Вы расшифруете глиняную табличку из Элама, способную изменить представление о человеческом происхождении; и, быть может, заглянете в пустую чашу, где отражается лунный свет и великая истина о природе просветления. Вас ждут тайны старого адмирала, оставшегося непонятым в собственном веке, и, наконец, — путь в Шамбалу, ведущий не только в недра Земли, но и в сокровенные глубины души.

Все эти истории объединяет не только главный герой, но и глубокий мотив: поиск подлинного знания, стремление выйти за пределы условностей времени и цивилизаций. Профессор Вейр — современный Одиссей, странствующий не по морям, а по материи реальности. Его дневники могли бы стать учебником для будущих поколений, если бы их не пришлось скрывать — слишком неудобной оказывается правда для линейного взгляда на прошлое.

Этот сборник — для тех, кто чувствует, что мир устроен сложнее, чем принято думать. Для тех, кто верит, что древние царства не канули в Лету, а ждут своего часа, чтобы снова рассказать о себе. Для тех, кто готов принять, что история — не цепочка фактов, а многоголосое эхо времени.

Добро пожаловать в «Тайны иных миров». Где-то за страницами этих повестей, в тени хроникона, присутствует тот, кто знает путь.

Быть может, он уже ждал вас...

ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть места на Земле, где прошлое не ушло, а замерло, укрывшись в складках ландшафта и памяти. Огненная Земля, архипелаг туманов и ветров на самом краю мира, – одно из таких мест. Здесь, среди скал и фьордов, звучит язык, не похожий ни на один другой. Язык народа яганов, или ямана, чье происхождение ускользает от объяснений, а традиции хранят шепот доисторических времен.

Издравле яганы вели кочевой образ жизни, скользя между островами на каноэ, охотясь на морских львов и собирая дары холодного моря. Они разводили костры прямо на лодках, укутываясь в жир морских зверей вместо одежды, и создавали мир, в котором человек и природа были неразделимы. Их язык не входит ни в одну из известных языковых семей Южной Америки, а устная традиция передает космогонические мифы, где фигурируют лед, пламя, подземные воды и великие переселения.

Некоторые исследователи предполагают, что яганы могут быть отдаленно связаны с народом рапануи – обитателями острова Пасхи. Сходства в морской культуре, антропологические черты и духовные символы позволяют выдвигать гипотезу о древней миграции из Полинезии на юг, до пределов Огненной Земли. По преданию, сохра-

нившемуся в рассказах яганских шаманов, их далекие предки покинули остров Пасхи по собственной воле — ведомые знанием, унаследованным от звездных навигаторов.

Они ушли не только за горизонт, но и «вниз по миру» — туда, где земля становится холоднее, небо ниже, а тьма — древнее света. Ведомые внутренним зовом, они достигли края света, где льды, ветры и вода соединяются в первозданной мощи. Здесь, среди суровой природы Огненной Земли, они обрели новый дом, сохранив песни, язык и память о небесных дорогах.

Легенды яганов рассказывают о «звездных гостях», научивших их предков следить за движением светил, строить лодки, высекать знаки на камнях и читать знамения ветров. Эти знания не были записаны, но передавались от шамана к шаману — как внутренний ориентир, как чувство пути. Со временем многое было утрачено, но в головах старейшин, в пении у костра и в ритме весла жива память о тех, кто однажды пересек океан, неся свет сквозь века.

Их жрецы предсказали великое оскудение земли и духовное угасание. Тогда часть народа, храня веру в древний завет, отправилась в странствие на юг — по волнам Тихого океана, вдоль побережья Южной Америки, пока не достигла пределов Огненной Земли. Там, где, по их верованиям, располагались Врата Подземного мира. Эти представления находят отклик в морской культуре, облике и символике яганов — удивительно близких к полинезийским корням.

Когда-то старейшины не говорили о переселении с севера, как полагает официальная история, а упоминали приход с юга — из ледяных глубин, из недр Антарктиды. Эти рассказы долго считались поэтическими метафорами. Но однажды одно из преданий вновь было услышано и оказалось слишком подробным, слишком согласован-

ным, чтобы быть только вымыслом. Оно говорило о подземных путях под Антарктидой и народе, вышедшем из мира, сокрытого подо льдом. Легенда ждала того, кто осмелится в нее поверить.

Так начинается путь — не ради славы и не в погоне за сенсацией, а из стремления понять, как возник народ яганов на южной оконечности материка, как сложилась их культура и почему древние мифы до сих пор живут в их сердцах. Это не подвиг, а внимательное вслушивание в голос прошлого. Ведь не все открытия совершаются в лабораториях. Некоторые ждут своего часа в ледяной тишине, на границе мифа и науки — там, где впервые возникает простой, но пугающий вопрос: а что, если легенда — это правда?

ГЛАВА 1. ПРИБЫТИЕ НА КРАЙ СВЕТА

Ветер был тяжелый, соленый, холодный. Он тянулся с океана, нес в себе запах водорослей, сырого камня и далеких штормов. Над обрывами клубился низкий туман – волны, разбиваясь о скалы, поднимали в небо водяную пыль, и весь берег казался утопающим в дрожащем мареве.

Алексей Морозов стоял на краю взлетной площадки, где вертолет только что оторвался от земли и исчез в серой пустоте. Последние звуки материка растворились в ветре. Вокруг оставались только море, небо и холодная земля – Огненная Земля, край света.

Он глубоко вдохнул, и ледяной воздух обжег горло. Где-то внизу глухо гремели волны, перекатываясь через прибрежные камни. Неведомое, древнее дыхание этой земли будто шептало в каждом порыве ветра, в каждом отголоске тумана.

Алексей прибыл на Огненную Землю в составе этнографической экспедиции ЮНЕСКО искать язык – голос племени яганов, живой язык, но словно ускользающий из рук истории. Ученые называли его изолятом: ни одной родственной нити ни в Новом, ни в Старом Свете. Но здесь, в этих первобытных краях, язык был не просто

средством общения — он был частью самой земли, ее древней тайны.

Шаги скрипнули по настилу. К нему приближался человек — высокий, в плотной ветрозащитной куртке, с обветренным лицом и короткой бородой.

— Добро пожаловать в Фин-дель-Мундо, — сказал он, и голос его прозвучал словно из глубины ветра. — Здесь все заканчивается. Или начинается — если повезет.

Алексей поднял глаза и ответил крепким рукопожатием:

— Алексей Морозов. Лингвист.

— Родриго Альварадо, координатор экспедиции, — представился мужчина. — Если не боитесь штормов, одиночества и древних голосов — тогда милости просим.

Они пошли по настилу, ведущему к зданию базы, спрятанному в плотном снегу и тумане. Под ногами скрипели обледеневшие доски, а в ушах все еще стоял шум ветра и плеск разбивающихся волн.

Холод пробирал до костей, но в груди разгоралось странное горячее чувство. Что-то в этих местах дышало вместе с землей. Что-то древнее ждало его впереди.

— Мы не первый год изучаем яганов, — продолжил Родриго, — но до сих пор многое остается загадкой. Люди будто вне времени. Уцелевшие осколки.

Внутри базы было тепло; воздух был пропитан запахом кофе, бумаги и старого дерева. Мягкий рассеянный свет из настенных ламп ложился на стены теплыми пятнами, скользил по стопкам папок и карт. Где-то в углу мерно потрескивал обогреватель.

В одной из комнат Морозову показали материалы: аудиозаписи в пластиковых футлярах, пожелтевшие карты, фотографии с истертыми подписями. Бумаги шуршали под руками, когда Родриго аккуратно перелистывал их, извлекая из глубины ящиков все новые находки.

На стене висела репродукция — старая лодка из коры, покачивающаяся на воде, в которой сидели люди, обна-

женные по пояс, с белыми рисунками на телах. Тени от картины дрожали на стене, будто сама сцена на ней оживала.

— Это их традиционные каноэ. Делали из коры дерева «лангка». Яганы жили у воды, питались морскими животными. Могли часами плавать в ледяной воде.

— Удивительно. Средняя температура тела у них выше нормы на один градус, верно? — уточнил Алексей.

— Именно. Ученые до сих пор гадают почему. А еще — их генетическая связь с аборигенами Австралии.

Морозов взял распечатку с результатами сравнительного анализа ДНК. Некоторые аллели совпадали с австралоидными популяциями. Это шло вразрез с официальной теорией миграции коренных народов Южной Америки.

— Географически их исторический ареал — острова архипелага Воган и побережье канала Бигля, — объяснил Родриго, показывая карту. — А если смотреть глубже, где-то здесь они и могли впервые выйти к побережью.

Алексей провел пальцем по линии, мысленно продолжая ее на юг, в сторону Антарктического полуострова.

— А если представить, что они не пришли с севера, как принято думать, а... наоборот?

Родриго хмыкнул:

— Есть такие мифы. Шаман старого рода рассказывал: «Мы пришли с юга, откуда белый свет льется из-под земли». Поэтично, но непроверяемо.

— Или пока не проверено, — поправил Алексей, задумчиво глядя в окно.

Позже он сидел в комнате с Шануком, сыном шамана. Юноша был лет двадцати, с острым взглядом и точеными чертами лица.

— Ты знаешь старые предания? — спросил Алексей на яганском, пусть и с акцентом.

– Немного. Дед говорил: «Земля открылась, и мы вышли наружу, к солнцу. Раньше было тепло, но тьма пришла. Тогда мы поднялись».

Алексей записал эти слова в блокнот. Он слышал подобные фразы в записях с Папуа и Северной Австралии. Была ли в этом общая память?

– Ты хотел бы пойти туда, где начиналась эта история? – тихо спросил он.

Шанук кивнул. В его взгляде не было сомнений.

Перед сном Алексей пролистывал старые исследования. Он выписал себе факты:

«Языковой изолят: яганский не родственен ни одному из языков мира. Крайняя сложность грамматики: один глагол мог включать до десяти морфем. Культура ориентирована на море: кочевники использовали огонь даже в лодках. Генетические параллели с народами Южной Азии и Австралии. Высокая адаптация к холоду».

В свете этих данных легенда шамана звучала не как аллегория, а как... историческая память. Возможно, яганы – остатки древней популяции, покинувшей южный подземный регион, когда он стал непригоден для жизни. Он набросал стрелку: от южного края Антарктиды – к Огненной Земле, через плавучие льды и архипелаги.

Так родилась гипотеза, которая могла стоить ему репутации – или сделать его первооткрывателем новой главы истории человечества.

На следующее утро он проснулся с ясным решением: отправиться на Белую Землю. Вниз по стрелке. Вниз по памяти.

ГЛАВА 2. ТЕНИ ДРЕВНИХ СВЯЗЕЙ

На третий день после прибытия Алексей Гордеев уже мог различать тонкие интонации яганской речи. Он часами прослушивал аудиозаписи, делал пометки в блокноте, сравнивал конструкции. Но одна мысль не давала ему покоя. Слишком уж знакомыми казались некоторые элементы культуры, слишком живыми были параллели с другим краем света.

Вечером, у костра рядом с лагерем, он наблюдал за обрядом инициации юноши. Племя собралось в полукруге. На лице парня — узоры белой охры. Он двигался в ритме барабанов, а старейшины пели, используя протяжные вибрирующие гортанные звуки. Руки — вытянуты, колени слегка согнуты, движения — плавные, текущие. Алексей затаил дыхание.

Он уже видел нечто подобное на острове Пасхи, в танцах народа рапануи. Та же пластика тела. Те же подвески-обереги в виде миниатюрных моаи-миро. Те же ритмы, сменяющие дыхание.

После обряда он подошел к Родриго, сидевшему у огня с чашкой мате.

— Замечал ли ты, насколько их ритуалы напоминают обряды аборигенов Рапануи? — спросил Алексей.

— Хм... В каком смысле?

— Я говорю о движениях, песнях, раскрасках. Даже способ общения жестами в тишине — все это перекликается с тем, что я наблюдал на фестивале «Тапати Рапануи», посвященном прамати Хота Матуа. И это не поверхностные сходства.

— М-м-м, интересное наблюдение, но, боюсь, здесь нет ничего сверхъестественного. Разные народы могли прийти к похожим формам независимо. Подобные вещи часто случаются.

— Это слишком конкретно. Даже символы на телах — спирали, точки, змеи. Один в один. И в лексике яганов есть корни, которые удивительно похожи на слова из даруг или аранта.

— Алексей... — Родриго вздохнул. — Мы все любим необычные теории. Но ты знаешь, как академическое сообщество относится к таким параллелям. Нужны доказательства.

Алексей молча кивнул, но внутри ощутил упрямую решимость. Его интерес подогревался, как угли в костре.

Позже, в лаборатории на базе, Алексей вместе с Лией Хавьер, генетиком экспедиции, рассматривал данные ДНК.

— Удивительно, — говорила Лия. — Мы нашли у яганов редкие маркеры, схожие с маркерами полинезийских народов, особенно с народом рапануи с острова Пасхи.

— Серьезно? — Алексей от удивления поднял брови. — То есть у них есть следы полинезийской крови?

— Пусть и незначительные, но устойчивые. Это значит, что в какой-то момент в истории произошло скрещивание. Причем достаточно давно, чтобы укорениться.

Алексей задумался.

— Но это логично, если учитывать мореходные способности рапануйцев. Они же колонизировали Гавайи, Новую Зеландию, Туамоту... Что мешало им доплыть и до самой южной оконечности Америки?

— Ничего, — пожала плечами Лия. — Их двойные каноз и навигация по звездам (те вананга о те хоэ) — древнее искусство. Они могли пройти тысячи километров без компаса.

— Тогда, — продолжил Алексей, — рапануйцы могли достичь берегов Огненной Земли задолго до европейцев. Их культура, пусть частично, могла слиться с культурой яганов. Возможно, они даже сыграли роль в той самой миграции, которая позже завершилась на Антарктиде...

Он сделал пометку в дневнике:

«Слияние полинезийского мореходства и американской архаики могло стать катализатором великого перехода. Союз духовного знания и технического мастерства».

Позже Алексей углубился в реконструкции древней географии. Его внимание привлекла гипотеза, согласно которой около 30 тысяч лет назад между южной оконечностью Южной Америки и северной частью Антарктиды существовал узкий сухопутный перешеек. В результате тектонической активности и подъема уровня океана этот перешеек постепенно опустился, образовав современный пролив Дрейка.

— Переход был, — прошептал он. — В буквальном смысле.

Если древние племена (возможно, с участием пришедших с востока полинезийцев) обитали в этом регионе, они могли пересечь сушу в момент катастрофы, спасаясь от ледникового холода или вулканической активности. И найти убежище в пещерах Антарктиды.

На следующее утро он отправился в деревню, где его ждали двое старейшин. Их звали Маука и Лерей. Старики почти не говорили по-испански, но с радостью делились рассказами. С ними был Шанук — в роли переводчика и проводника в мир преданий.

— Спросите их, откуда пришли эти танцы, — попросил Алексей.

Шанук передал вопрос. Лерей, седой и подслеповатый, улыбнулся:

– Танец – из памяти. Его учили те, кто шел по суше, пока земля не исчезла. Потом был только лед.

Маука добавил:

– Мы не делали эти рисунки сами. Их показали духи-ходоки. Мы их не забыли.

– Духи-ходоки? – переспросил Алексей.

– Те, что шли под землей, пока не нашли свет.

Алексей записывал каждое слово. У него уже было десяток подобных рассказов, и все упоминали «прошлую землю», «тьму», «свет», «переход». Он начал видеть в этом не аллегория, а закодированную историю выживания.

Позднее он узнал от местного врача миссии, что у яганов средняя температура тела стабильно держится на отметке 37,5–38 градусов. Это позволяло им свободно купаться в ледяной воде даже зимой. Организм, адаптированный к холоду, как будто созданный для выживания в экстремальном климате.

– Их тела словно заточены под другой климат, – заметил врач. – Холодный. Постоянно холодный.

Эти слова надолго застряли у Алексея в голове. Все вместе – адаптация к холоду, генетическая связь с австралийскими и полинезийскими популяциями, язык-изолят и необычные мифы – складывались в новую гипотезу.

Позже, за столом в базе, он набросал диаграмму. В одной колонке – элементы яганской культуры: круговой танец, охряная раскраска тела, ритмы с переменным акцентом, кочевой образ жизни вдоль побережья. В другой – аналогичные черты у племен Австралии и Полинезии.

Из полевого дневника Алексея Гордеева:

«Огненная Земля. База ЮНЕСКО. Вечер.

Круговой танец у яганов – ритуальный, строгий. Очень напоминает обряды аборигенов в Австралии. Круг – как

знак единства или выхода в иное пространство. Совпадение? Или древняя память?

Охряная раскраска тел. Красная и желтая охра — защита и знак. Как у аборигенов. Как у древней Полинезии. Только вместо постоянных татуировок — временные знаки на коже. Следы другой философии времени?

Ритмы. Слушал записи. Пение — сдвиги акцентов, переменная пульсация, как у старинных племенных барабанов. Живое дыхание, а не ровный счет. Музыка будто цепляется за ветер.

Кочевники моря. Легкие лодки, переходы вдоль берега, поиск пищи. Как ранние полинезийцы. Как австралийцы на северных побережьях. Океан диктует свой закон — всегда в пути.

Пока не могу отделаться от странного чувства: будто все эти народы вспоминают что-то общее. Как тени одной и той же древней тропы, растянутой между континентами».

Сопоставления были убедительными. Особенно поразило его слово пага — в языке яганов оно означало «вход, проход», а в даруг — «земля» или «место». В рапануйском близкий по звучанию корень обозначал «дом» или «остров».

Он начал писать статью, хотя понимал, что ее отвергнут. Но мысль звучала ясно: если культурные и лингвистические параллели устойчивы, то миграция в древности могла быть двухсторонней. Или существовал третий общий праисточник — неведомая популяция, распространившаяся по югу планеты задолго до известных миграций.

Именно тогда он впервые на листе бумаги нарисовал стрелку — не с севера на юг, как в учебниках, а наоборот. Из древнего южного очага, из сердца Белой Земли.

Вечером Шанук снова присоединился к нему.

— Ты рисовал карту? — спросил он, заглянув через плечо.

– Да. Думаю, ваши предки пришли не через Анды, а по суше. По мосту, которого уже нет. А потом – вниз, под лед.

Шанук молча кивнул:

– Дед так и говорил. Мы не пришли. Мы – вернулись.

ГЛАВА 3. ПРЕДАНИЕ ШАМАНА

Вечером, когда над Огненной Землей сгущались фиолетовые сумерки, Алексей сидел у костра, вглядываясь в отблески пламени. Его не отпускала мысль: все, что он слышал и наблюдал, складывалось в странную, почти невозможную картину. Чтобы окончательно сложить этот пазл, ему нужно было поговорить с тем, кто знал больше всех — с шаманом племени яганов.

Шамана звали Таука. Ему было, по приблизительным оценкам, под восемьдесят лет. Высокий, с прямой спиной, с лицом, испещренным морщинами, будто трещинами древней коры, он редко говорил — и почти никогда не на испанском. Шанук согласился сопровождать Алексея и переводить.

Они нашли шамана на склоне холма, где он в одиночестве курил трубку и смотрел на закат над каналом Бигля. Ветер развеивал его накидку из шкур, в волосах поблескивали бусины.

— Мы хотим послушать твою историю, — сказал Шанук на языке племени.

Таука кивнул, не отрывая взгляда от горизонта.

— История старая, — начал он, — ее рассказывают только тем, кто умеет слушать тишину. Это не для празд-

ных ушей.

Алексей придвинулся ближе, открывая блокнот.

— Давным-давно, — говорил Таука, — когда земля еще не знала зимы, наш народ жил под светом, что шел снизу. Мы жили внутри самой земли. Там были реки без льда и леса без звезд. Там была жизнь.

Он замолчал, словно ожидая реакции. Алексей чувствовал, как по спине пробегает холодок. Шаман говорил не метафорами. Его голос звучал как передача знания.

— Почему вы ушли оттуда? — осторожно спросил он через Шанука.

— Великая трещина открылась. Огненная вода вышла из недр и сделала дыхание тяжелым. Свет стал черным. Тогда наши старейшины повели народ наверх — сквозь камни, вверх к холоду. Мы вышли наружу. Там не было тепла, но было небо.

Алексей замер, мысленно отмечая каждую деталь. Тепло под землей. Лес. Внутренние реки. Катастрофа — возможно, извержение? И восхождение наружу...

— А где была та земля? — спросил он.

Таука поднял руку и указал на юг, в сторону Антарктиды.

— Там, где лед прячет старую кровь Земли. Там, где белый свет льется из-под ног.

— Великая Белая Земля, — прошептал Алексей. — Так это не аллегория...

Шаман посмотрел на него впервые за вечер. Его глаза были ясными и спокойными.

— Ты слышал. Что ты сделаешь с услышанным — это уже не наша история.

Позже, в палатке, Алексей долго не мог уснуть. Он набрасывал в блокноте схему: вулканическая активность, подледные полости, термальные источники. Он вспомнил отчеты геофизиков — под Антарктидой действительно существуют зоны с аномально высокой температурой, где

лед тает снизу, образуя озера и пещеры. Некоторые полости достаточно велики, чтобы содержать собственную экосистему.

– А если... – прошептал он. – Если эти полости были населены?

Шанук лежал рядом, завернувшись в одеяло, но глаза его были открыты.

– Я пойду туда, – сказал он вдруг. – Если ты решишь идти, я пойду с тобой. Это – мой дом, если дед не солгал.

Алексей улыбнулся:

– Тогда мы вдвоем, Шанук. И может быть, мы станем первыми, кто найдет то, о чем древние только шептали.

На следующее утро он написал электронное письмо руководству экспедиции ЮНЕСКО с запросом на организацию частной разведывательной миссии на Антарктический полуостров. В письме он изложил научную гипотезу: подледные полости Антарктиды, созданные вулканической активностью, могли в древности быть обитаемы. Предания яганов могут оказаться отражением реальной миграции древнего народа, спасшегося от катастрофы под землей.

Он знал, что письмо вызовет усмешки. Но он уже не мог отступить.

Так родилась экспедиция, которая изменит все.

ГЛАВА 4. ПОДГОТОВКА К ЭКСПЕДИЦИИ

Письмо, отправленное Алексеем в штаб-квартиру ЮНЕСКО, повисло в воздухе, как камень над бездной. Ответа пока не было, но внутри все кипело. Он уже принял решение: экспедиция состоится – с официальным благословением или без него.

В лаборатории при базе он вновь встретился с доктором Лией Хавьер, генетиком, участвующей в исследовании яганской ДНК. На экране монитора пульсировали фрагменты геномов.

– Вот посмотри, Алексей, – Лия показала на один из графиков. – Эти маркеры – митохондриальные. Они характерны для популяций Юго-Восточной Азии и аборигенов Австралии. Причем они не появляются ни у одного другого народа в обеих Америках.

– Значит, контакт был? Или миграция из общего прародительского региона?

– Либо контакт, либо... – она пожала плечами. – Либо мы чего-то не понимаем в хронологии заселения южных континентов.

Алексей задумчиво посмотрел на таблицу:

– А если родина была третьей? Не Азия, не Америка. Что, если она – подо льдом?

Лия приподняла бровь:

— Ты говоришь про Антарктиду?

— Именно. Таука рассказал мне о подземной земле, о «свете снизу» и «огненной воде». Это не метафоры. Это может быть описание вулканически активных подледных систем.

— Алексей... Это звучит фантастически.

— И все же не абсурдно. Вулканы под антарктическим льдом известны. Есть данные NASA и Британской антарктической службы. Некоторые полости достигают десятков километров. Если в них есть термальные источники, возможно, там могла сохраниться жизнь.

Вечером он встретился с Шануком и его младшим братом Туку. Туку был худощав, светлоглаз, с быстрой речью и глазами, в которых сверкала жажда приключений. Алексей чувствовал, что именно он может стать живым мостом между преданием и наукой.

— Мы отправимся туда, — сказал он. — Но мне нужен кто-то, кто не просто знает язык и обычаи, а верит в легенду. Кто готов идти до конца.

Туку взглянул на Шанука, затем — на Алексея.

— А ты веришь, что земля под льдом — настоящая?

— Не просто верю. Я ищу доказательства. И хочу, чтобы ты помог их найти.

Парень кивнул:

— Если ты берешь меня с собой, я иду.

В последующие дни началась подготовка. Алексей связался с коллегами в Пунта-Аренасе, заказал спутниковые карты, сравнил данные о сейсмической активности за последние пять лет. Несколько точек в районе Земли Палмера вызвали особый интерес — фиксировались микро-толчки и тепловые аномалии.

Он нашел двоих добровольцев: Марко Сантос — альпинист и инженер по выживанию, участвовавший в ледовых миссиях в Исландии; и доктор Элин Эверс — микро-

биолог, изучающая экстремофилов. Она мечтала найти следы архаической жизни в недрах Антарктиды.

Они провели собрание в главной комнате базы. На стене висела карта, покрытая стрелками, пометками и точками интереса.

— Мы высадимся на Антарктическом полуострове, — начал Алексей. — Регион между 64-й и 66-й южными широтами. Это зона вулканической активности. Есть шанс, что там находится одна из полостей, упомянутых в предании.

— Как мы попадем внутрь? — спросил Марко.

— Мы воспользуемся дронами и георадарами, чтобы найти возможные полости. Если повезет, мы найдем естественный провал или пещеру.

— А если там никого нет? — уточнила Элин.

Алексей взглянул на нее:

— Тогда мы получим уникальные данные. А если там кто-то есть — мы встретим живую историю.

В один из дней Туку подошел к Алексею с небольшим свертком. Развернув его, ученый увидел амулет из камня и кости, украшенный символами.

— Это знак племени, — сказал Туку. — Его носили те, кто шел далеко. Он поможет.

Алексей молча взял амулет, чувствуя, как за ним стоит не просто жест, а признание.

Так, шаг за шагом, гипотеза превращалась в план. Предание — в маршрут. А вера — в путь, ведущий к границе двух миров: мира науки и мира древней памяти.

ГЛАВА 5. НАЧАЛО ПУТИ

В тишине утреннего ветра на границе снега и океана вертолет, поднявший экспедицию с Огненной Земли, исчез за горизонтом, оставив за собой только гул в ушах и рой снежных вихрей. Алексей стоял на шершавом льду Антарктического полуострова и чувствовал, как все прошлое жизни — академическая рутина, конференции, лекции — отступает, уступая место предчувствию. Здесь, в первозданной тишине юга, начиналось нечто большее.

— Вот она, Великая Белая Земля, — пробормотал Шанук, глядя в бесконечный белый пейзаж. — Та, о которой говорил дед.

Они поставили палаточный лагерь на скальном выступе недалеко от залива, защищенного от ветров. Погода благоволила, хотя все знали — это лишь временное затишье.

Вечером у походного обогревателя Алексей разогрел консервированный суп, а Шанук сидел рядом, держа в руках амулет шамана.

— Ты говорил, что ваши предки пришли с юга, — начал Алексей. — Но старик Таука однажды сказал: «Мы вышли наружу, как семя из земли». Что он имел в виду?

Шанук задумался:

— Мы говорим не «пришли из-за моря», а «вышли». Как из трещины. Изнутри. Дед говорил, что в земле был

мир. Горячий, живой. Но что-то его разрушило. Тогда люди поднялись.

– Значит, не переправа. Не миграция. А восхождение. – Алексей потер подбородок. – Тогда это может быть... физический выход. Из пещер, тоннелей, полостей.

– Если они все еще существуют.

Алексей кивнул:

– И мы попробуем это выяснить.

Следующие три дня прошли в напряженных поисках. Дроны обследовали ледяные поля, георадар пробивал трещины в скальных породах. Марко и Элин отмечали подозрительные аномалии, но ни одна не вела к предполагаемому подземному пространству.

– Здесь все будто замерло, – бурчал Марко, проверяя заряд батарей. – Ни одного четкого сигнала. Ни малейшего намека на пещеру.

– Может, мы не там ищем, – предположила Элин. – Или не так.

Алексей изучал спутниковые снимки, которые получил от коллег в Пунта-Аренасе. Одна зона вызывала у него особое внимание – тень на склоне ледника, которую можно было интерпретировать как провал.

– Мы пойдем туда завтра, – сказал он, указывая координаты.

– Ледник нестабилен, – заметил Марко. – Придется идти налегке.

– Значит, так и сделаем.

Ночью Алексей снова сидел в палатке с Туку. Парень просматривал старые записи деда, сделанные на яганском.

– Вот, – сказал он, указывая на фразу. – «Свет падал сквозь лед, и земля дышала паром».

– Это может быть описание геотермального источника. Свет – это рассеянное солнце, проникающее сквозь тонкий лед. А пар – теплый воздух изнутри.

— А вот еще: «Когда не стало неба, мы нашли небо под землей».

Алексей отложил блокнот:

— Это не просто поэзия. Это навигация. Их язык — код, передающий сведения. И если мы научимся его расшифровывать, то найдем путь.

Туку посмотрел на него:

— Тогда мы должны идти глубже. Туда, где кончается лед и начинается старый свет.

Утром, когда на небе показалась бледная полоска солнца, команда отправилась к координатам. Прокладываемая путь через твердый наст и зыбкие снежные мосты, они подошли к гребню ледника. Впереди — провал, скрытый тенью, усыпанный снежной пылью. Он выглядел как зияющая пасть, дышащая изнутри теплым воздухом.

Марко первым приблизился:

— Есть тяга. И тепло. Лед не тает снаружи — он плавится изнутри.

Алексей взглянул вниз, где исчезал свет:

— Тогда, возможно... это вход. Или выход. Зависит от того, с какой стороны смотреть.

Он посмотрел на Шанука и Туку. Оба кивнули.

Начался новый этап их пути.

ГЛАВА 6. НА ПОРОГЕ БЕЛОЙ ЗЕМЛИ

Антарктика, несмотря на свое кажущееся безмолвие, шумела. Ветер, завывающий над ледяными хребтами, свистел в трещинах и гудел в натянутых растяхках палаток. Алексей сжал зубы, поправляя капюшон, пока ветер рвал тент и срывал снежную крупу с края карниза. Буря налетела внезапно, и все планы на день пришлось отменить.

— Вторые сутки как в изоляции, — бурчал Марко, обстучивая замерзшую антенну спутниковой связи. — Передатчик завис, GPS сошел с ума. Термодатчики не реагируют.

— Даже обогреватели начали барахлить, — добавила Элин. — У нас еще трое суток до минимума запасов по энергии.

— Это испытание, — тихо сказал Шанук. — Сама земля проверяет нас.

Алексей молча кивнул. Еще вчера он чувствовал воодушевление, но теперь в него закрадывалась усталость. Ни одного реального сигнала. Ни намека на вход в подземные структуры. Возможно, он просто вообразил невозможное.

На четвертое утро буря стихла. В воздухе повисла вязкая тишина, как после великого взрыва. Лед блестел под утренним светом, и над горизонтом плыло тонкое солнце.

— Мы возобновим маршрут по юго-западному гребню, — сказал Алексей, показывая линию на карте. — Эта зона кажется наиболее геологически нестабильной. Если где-то и будет провал — то там.

Группа вышла налегке. Впереди шел Марко, проверяя путь ледорубом. Остальные шли след в след.

В какой-то момент Марко, идя по крутому склону, поскользнулся. Он сорвался вниз по ледяной осыпи, и только хруст мягкого снега смягчил удар. Когда остальные подбежали к нему, он уже сидел, потрясенный, но невредимый.

— Что это за черт... — пробормотал он, глядя на скалу перед собой.

Перед ним в скале зиял темный проем. Почти правильной формы — прямоугольный, но с чуть скругленными краями. Его обрамляла темная порода, начисто лишенная наледи.

— Это... не может быть естественным, — выдохнула Элин.

— Ни один лавовый канал не даст такой формы, — пробормотал Алексей. — Это кто-то строил.

Они осторожно приблизились. Внутри — темнота, но теплый воздух ощущался даже на фоне ледяного холода снаружи. Алексей достал налобный фонарь и вошел первым.

Проход вел вглубь скалы, а стены — совершенно ровные, будто выточенные. Они были покрыты гравировками: символами, завитками, угловатыми знаками.

— Это... — прошептал Туку, прижимаясь к стене. — Я знаю этот стиль. Мы рисовали так в детстве, копируя рисунки из пещеры у лагеря дедов. Но эти... они древнее. И глубже.

Алексей замер. Его рука коснулась одного из символов — змеевидного узора с точками. Он уже видел похожее в росписях у шамана Тауки.

– Выходит... легенда права, – произнес он вслух. – Они действительно вышли отсюда.

– Не просто вышли, – поправил Туку. – Их сюда когда-то привели. В эти места. Здесь они жили. И только потом – ушли наверх.

Они углубились в тоннель. Свет фонарей выхватывал арки, уходящие вглубь. Стены дышали сухим теплом. Где-то далеко слышался капающий звук – как бычий шаг вечности.

– Мы на пороге, – прошептал Алексей. – Пороге Белой Земли, о которой говорили только в преданиях.

Марко шел позади, осматривая стену пальцами.

– Это не просто тоннель. Это конструкция. Система. Кто-то владел технологией, способной прорезать камень. И не один век назад.

Они остановились у места, где своды расширились, образуя подобие зала. На центральной стене – гигантская спираль, окруженная символами.

– Это символ перехода, – тихо сказал Туку. – Так дед объяснял. Спираль – путь, который ведет к свету. Но не наружу. К свету внутри.

Алексей поднял глаза. Перед ним раскрывался путь – не только физический, но и символический. И где-то в глубине он чувствовал: все только начинается.

ГЛАВА 7. ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

Прошло два часа с момента, как экспедиция вошла в тоннель. Температура медленно повышалась, стены перестали покрываться инеем. Вместо звона льда и скрежета ветра вокруг звучало лишь капание воды да ровный гул — будто сама земля дышала под ногами.

Алексей шагал впереди, за ним — Шанук, Туку, Элин и Марко. Они миновали узкие коридоры, галереи, природные уступы, пока, наконец, проход не расширился — и за последним поворотом открылся невообразимый пейзаж.

— Боже... — только и смог прошептать Алексей.

Перед ними лежала гигантская полость, такая высокая, что терялась в полумраке под потолком. Свет, рассеянный, но теплый, струился сверху сквозь кварцевые прожилки в породе. Его хватало, чтобы осветить мир под землей. Мир, казавшийся невозможным.

Пышная растительность покрывала уступы, влажные папоротники колыхались под теплым воздухом. По каменным террасам текли прозрачные ручьи, сливаясь в извилистую реку. Вдалеке летало нечто вроде насекомых — слишком больших, чтобы быть мотыльками, но с такими же светящимися крыльями.

— Это... биосфера. — Элин медленно снимала респиратор. — Устойчивая. Тепло, влажность, фотосинтез — все есть.

— Местами даже тропики не такие густые, — добавил Марко, поднимая камеру. — Это рай, спрятанный под километрами льда.

Алексей не мог оторвать взгляд. Его сердце стучало с новой силой. Вот оно. Доказательство. Не миф, не случайность. А цивилизация, возможно, не прервавшая свою линию с незапамятных времен.

— Смотрите, — указал Туку. — Там, у реки, кто-то есть.

Они увидели фигурки людей — пятеро, одетых в ткани из волокон и шкур, с раскрасками на лицах. Один держал копье. Двое подошли ближе, явно настороженно, но без враждебности.

— Не двигайтесь резко, — прошептал Алексей. — Попробуем говорить.

Туку вышел вперед и произнес короткую фразу на яганском. Люди переглянулись. Один из них, мужчина с седыми висками, ответил. Медленно. С паузами. Словно он доставал из глубины памяти язык, забытый наверху.

— Это яганский, — сказал Туку в изумлении. — Но очень древний. Как будто из старых песен.

Он заговорил снова на смеси современных и старых слов. Постепенно незнакомцы начали понимать. Старший жестом пригласил их идти за собой. Путь вел вниз, к поселению, скрытому между скалами и растительностью.

Поселок состоял из округлых домов, сплетенных из растений и обмазанных глиной. Вокруг — дети, женщины, старики. Все с удивлением и одновременно со спокойствием смотрели на пришельцев. Как будто они были не первыми, кто пришел «сверху».

В одном из домов Алексей и Туку разговаривали с главой поселения, которого звали Тоал.

– Мы – дети Ковчега, – говорил он. – Наши предки пришли сюда, когда верхний мир загорелся и задохнулся. Здесь, под камнем, было тепло. Вода – живая. Земля – добрая. Мы остались.

– Сколько поколений прошло? – спросил Алексей.

– Мы не считаем. Только храним. Каждый старейшина передает слово следующему. Ты – первый, кто говорит словами, похожими на слова прадедов.

Туку слушал, затаив дыхание.

– Они помнят, – сказал он. – Все, что дед шептал мне у огня, – правда. Мы не пришли издалека. Мы поднялись изнутри.

Алексей почувствовал, как в груди поднимается волнение. Все годы, статьи, сомнения – все свелось к этой теплой хижине в подземном мире. Он хотел плакать и смеяться одновременно.

– Тоал, – обратился он к старейшине, – вы жили здесь все это время. Вас никто не находил?

– Кто шел с шумом – не доходил. Кто с огнем – терял путь. Только тот, кто слышит шепот камня, находит дорогу.

– Мы не навредим. Мы пришли, чтобы понять.

Старик посмотрел на него и кивнул:

– Тогда слушайте. Слушайте, как дышит Белая Земля.

И они слушали. Слушали легенды, слова, песни, отголоски времени, которые откликались в каждом предании шаманов наверху. Экспедиция не просто нашла новый мир. Она нашла корни.

И дорога вверх уже казалась не такой обязательной.

ГЛАВА 8. ТАЙНЫ ПОДЗЕМНОГО МИРА

Прошло трое суток с момента, как экспедиция вошла в подземный мир. Команда обустроила временный лагерь недалеко от поселения местных жителей. Здесь не требовались обогреватели — воздух был теплым, почти душным. Влажность, мягкий свет, излучаемый кварцевыми куполами под потолком пещеры, и постоянное журчание воды создавали иллюзию пребывания в другом времени, а не просто в другом месте.

— Все объясняется вулканической активностью, — сказал Алексей, стоя на одном из возвышений рядом с Туку и Элин. — Под нами активный очаг. Геотермальная энергия согревает весь этот микромир.

— И свет? — уточнила Элин, поднимая голову.

— Свет — это феноменальный эффект: кристаллические пласты кварца и льда наверху работают как гигантская линза. Сквозь толщу льда проходит часть солнечного излучения. Достаточно, чтобы поддерживать фотосинтез.

Туку внимательно слушал, затем сказал:

— Но дед говорил: «Свет здесь не с неба, а из камня». Наверное, он имел в виду это.

— Возможно. Их поэзия точнее любой научной формулы, — усмехнулся Алексей.

Местные жители с интересом наблюдали за пришельцами, но относились к ним без страха. Шанук, погруженный в диалоги, начинал все лучше понимать их речь.

— Их язык... — говорил он Алексею. — Это старый яганский. Но с уникальными формами. Как если бы яганский продолжал развиваться отдельно тысячу лет, не сталкиваясь с внешним миром.

Один из старейшин, Тоал, показал им хранилище — вырезанную в скале комнату, где хранились предметы прошлого. Среди них были каменные таблички с вырезанными звездами, спиралями, линиями. Алексей сразу понял — это карты.

— Звезды, — прошептал он, проводя пальцем по холодному камню. — Их предки знали небо. Даже отсюда, изнутри.

Тоал пояснил:

— Мы храним не только легенды. Мы храним путь. Путь, по которому шли те, кто спасался от горящего неба. Катастрофа сверху — вот почему мы здесь. Земля тогда была мертва.

Алексей чувствовал, как его гипотеза, некогда спорная и бездоказательная, теперь обретает плоть и голос. Эти люди были живым архивом истории, которой не было в учебниках.

Но однажды вечером случилось нечто, что изменило тон экспедиции. Марко, вернувшись из разведки с георадаром и дозиметром, подошел к Алексею с хмурым лицом:

— У нас проблема. Или открытие — в зависимости от того, с какой стороны посмотреть.

— Что ты нашел?

— Повышенный радиационный фон. Намного выше нормы. Мы дважды перепроверили — счетчики не врут. Вся зона к юго-востоку от поселения буквально фонит.

В походной лаборатории Элин провела серию проб. Спектрометрия показала наличие урана. Много урана.

– Это месторождение, – сказала она. – Причем очень перспективное. Если бы здесь работал геолог-разведчик, он бы уже отправил координаты в корпорацию.

Алексей понял, что их открытие теперь перестало быть только научным или культурным. Оно могло стать экономическим и политическим. А значит – опасным.

В ту же ночь он сидел с Туку у воды.

– Если об этом узнают... – начал Алексей.

– Они придут. С техникой. С буром и грохотом, – продолжил Туку.

– Мы не можем этого допустить. Этот мир – не просто тайна. Он – живой. Он дышит, как мы. Его нельзя вскрывать.

Туку достал амулет деда и положил его на ладонь Алексея:

– Тогда мы должны стать его хранителями.

На следующее утро Алексей отключил передатчики, передающие данные на базу. Он отдал приказ зашифровать координаты и изъять все упоминания о радиоактивном фоне из полевого журнала.

– Мы не врем, – сказал он команде. – Мы защищаем. Иногда лучший способ сохранить знание – не передать его сразу. А укрыть. Как это сделали они тысячи лет назад.

Так научная экспедиция стала тайным стражем затерянного мира. Тайным – пока мир наверху не станет готов услышать его дыхание.

ЭПИЛОГ

Экспедиция, начавшаяся как научное исследование исчезающей культуры, завершилась открытием, которое поставило под сомнение привычные представления о человеческой истории на юге планеты. На основании собранных данных, артефактов и свидетельств, обнаруженных на антарктическом побережье, исследователи выдвинули новую гипотезу, подтвержденную как этнографическими параллелями, так и геологическими данными.

Согласно результатам экспедиции, в далекую доисторическую эпоху, после того как народ яганов достиг берегов Огненной Земли, их путь не завершился. Примерно в тот же период регион подвергся мощному тектоническому сдвигу — землетрясение, зафиксированное в геологических слоях, разрушило прибрежные поселения и стало катастрофой для всего племени. Столкнувшись с гибелью и хаосом, часть яганов покинула родные земли в поисках убежища.

Судя по древним маршрутам и ориентирам, они пересекли пролив и достигли тогда еще частично свободного от льда антарктического побережья — узкой полосы земли, простиравшейся вдоль континентального шельфа. Здесь они нашли временное пристанище.

В этой суровой, но богатой природными ресурсами зоне они нашли временное пристанище. Прибрежные во-

ды изобиловали морепродуктами: моллюсками (в том числе мидиями и сердцевидками), морскими ежами, ракообразными, а также антарктическими крилем и рыбой — чем-то, что позволило народу, привыкшему к морской охоте, быстро адаптироваться.

Однако нестабильный климат и внешние угрозы вынудили их уйти глубже — в систему подземных полостей, сформированных древними вулканическими и тектоническими процессами. Именно там, в полной изоляции от остального мира, началась новая глава в истории яганов. Со временем антарктическая ветвь народа создала уникальную цивилизацию — замкнутую, самобытную, основанную на устных традициях, адаптированных к жизни в подземных условиях.

Своды этих пещер образовывали кристаллические пласты — полупрозрачные природные купола, сквозь которые просачивался слабый рассеянный свет. Он проходил через толщу снега и льда с поверхности, создавая иллюзию вечного сумеречного дня и напоминая об утраченном мире под открытым небом.

Их духовная и культурная память, однако, не исчезла. Сквозь поколения сохранялось знание о прежнем мире — о каноэ, морском ветре, древних кострах и земле, которую они покинули.

Прошли века. И однажды ведомые древним зовом и памятью предков потомки антарктического племени приняли решение вернуться. Часть яганов покинула подземные пещеры и вновь вышла на свет — туда, где когда-то жили их предки. Так они вернулись домой, на Огненную Землю.

Именно этот великий обратный исход лег в основу легенды, которую веками передавали шаманы яганов: о том, что их предки пришли из страны больших белых льдов. Легенды, которую долго считали лишь символом... но которая оказалась отголоском подлинной забытой истории.

Истории, сокрытой течением времени под толщей антарктического льда.

ОШИБКА
ЦЕНТУРИОНА

ПРОЛОГ

Лекция профессора Вейра в Институте доисторических технологий

В аудитории магистрантов Института доисторических технологий за лекторским столом стоял человек, чье имя давно стало легендой в академических кругах — профессор Эдвард Вейр. Его лицо, изрезанное тонкими морщинами, хранило усталость, но глаза оставались живыми — внимательными, как у человека, однажды заглянувшего за грань дозволенного знания. На столе перед ним лежала старая кожаная папка. Из нее выглядывали уголки пожелтевших снимков, фрагменты схем, полевые заметки — следы экспедиции, о которой ходили упорные слухи: о несанкционированных переходах во времени, исчезновении с радаров, загадочном Щите-Ω — прототипе квантового гравимагнитного барьера. Но сам Вейр до сих пор хранил молчание. До сегодняшнего дня.

Он достал из внутреннего кармана небольшой футляр. Раскрыл. Внутри — потускневший серебряный амулет с изображением Медузы Горгоны. Он бережно положил его на кафедру, как реликвию.

— Мы всегда думаем, что знаем прошлое, — произнес он тихо. Голос его напоминал шорох сухого листа. — Мы препарируем его, классифицируем, обсуждаем на конференциях... Но в глубине души надеемся, что оно никогда не постучится в нашу дверь.

Он шагнул ближе к свету.

— Но прошлое — не музей. Оно дышит. Оно может оказаться рядом — не на страницах, а в воздухе. Оно может посмотреть тебе в глаза... и задать вопрос.

Аудитория слегка оживилась. Вейр продолжал:

— Вы спросите, зачем я принес этот амулет? Это не трофей. Это — память. Напоминание. Предупреждение.

Он вновь взглянул на амулет, словно сверялся с ним.

— Люди, о которых вы читаете в учебниках, не были статуями. Они были живыми людьми. Они заблуждались, верили, ненавидели. Я видел их. Я говорил с ними. Я спорил с одним из них — центурионом, римлянином, человеком фанатичной веры в Империю. И, возможно, это был один из самых опасных людей, которых я встречал. Не из-за меча. Из-за убежденности.

Он медленно провел взглядом по рядам студентов.

— Эта история не о машине. Не о Риме. И даже не о времени. Она — о том, что остается от человека, когда исчезают титулы, знамена и стены. Она началась с научного эксперимента. А закончилась — философским потрясением.

Он положил ладонь на папку.

— И если вы думаете, что это просто еще одна академическая легенда?..

ГЛАВА 1. ЩИТ-Ω

Лаборатория квантовых исследований Института доисторических технологий находилась в главном здании института, на девятом этаже. Сквозь ее широкие окна открывался вид на небольшой внутренний парк с круглыми клумбами и старыми деревьями. Днем сюда проникал мягкий свет и легкое дыхание внешнего мира. Тишину иногда нарушали тихое гудение оборудования и потрескивание сверхпроводников в системе охлаждения. Все дышало точностью, контролем и будущим.

У одного из столов, уставленного диагностическими модулями и экранами, сидел профессор Эдвард Вейр — человек с выразительными, глубоко посаженными глазами и чертами лица, которые напоминали выветренный камень. Рядом с ним — его молодой магистрант, инженер и теоретик Крис Кеннетт.

В середине лаборатории, заключенный в сферу из прозрачного полимерного купола, находился предмет, который профессор Вейр назвал Щит-Ω. На деле это был квантовый генератор защитного поля нового поколения — устройство, способное не просто отталкивать физические воздействия, но и создавать невидимую сферическую оболочку вокруг человека. Эта оболочка была абсолютно прозрачной для глаза и непроницаемой

для любого материального объекта. Но главное — в связке с экспериментальным квантовым процессором временного сдвига устройство могло открывать временные окна.

— Поляризация стабилизируется, — сообщил Крис, не отрываясь от экрана. — Щит-Ω держит фазу уже 32 секунды.

— Значит, пора навести на него пушку, — с легкой улыбкой сказал Вейр и повернулся к другой консоли.

Они проверяли все: от энергетической устойчивости оболочки до взаимодействия с потоками плазмы. Сначала использовали механическое воздействие — стрелу, копье, штыковую атаку роботизированного манипулятора. Все отскакивало, скользило, ломалось. Затем — огонь, высокочастотные волны, электромагнитный импульс. Ничто не проходило сквозь сферу.

Позже последовал следующий этап — тест на невидимость. Крис вошел в радиус действия устройства, и спустя секунду его силуэт растворился в воздухе. Камеры ничего не фиксировали. Сканеры выдавали пустоту. Казалось, человек испарился. Но Вейр видел: все работает.

— А теперь ты, призрак, подойди ко мне и нажми на плечо, — сказал профессор, стоя к нему спиной.

Через пару секунд он почувствовал легкое касание.

— Чудесно, — восторженно произнес он. — Мы создали щит-невидимку. Это не просто оборона. Это — маскировка. А теперь, — он посмотрел на контроллер, — осталось проверить поведенческую логику временного блока.

Некоторые сотрудники лаборатории, наблюдавшие через стекло из командного поста, переглядывались. Один из физиков, доктор Мишель Левек, прошептала:

— Если это сработает... это уже не физика. Это новый этап эволюции.

На следующий день был запланирован завершающий эксперимент — включение временного модуля в связке

с полевым щитом. Задача была простая: создать защитное поле, затем активировать на полсекунды временной импульс. Профессор Вейр и Крис Кеннетт находились в центре купола.

Обратный отсчет. 5... 4... 3...

– Поле стабильно, – произнес Крис.

2... 1...

И тут все пошло не так.

Сначала – короткий импульс в электросети. Затем – флуктуация фазового канала. Щит не отключился. Напротив, напряжение усилилось. Контуры Вейра и Криса начали дрожать, размываться, словно волны шли по их телам. Загорелся аварийный индикатор «ВРЕМЕННОЙ ПРОТОКОЛ АКТИВИРОВАН».

– Крис! Отключи процессор! – крикнул Вейр, но звук уже не проходил сквозь активное поле.

Вспышка. Визг воздуха. Мгновение – и лаборатория опустела.

Только вакуумный купол продолжал гудеть, как забытая нота на выдохе вселенной.

А где-то далеко в прошлом... на фоне палящего солнца, на дороге в пустыне появились две фигуры.

ГЛАВА 2. КОНТАКТ В ПУСТЫНЕ

Горячий ветер пустыни ударил в лицо, как раскаленный металл. Профессор Вейр и Крис Кеннетт стояли посреди безмолвного пейзажа: бескрайняя пустыня, пересеченная каменными гребнями, выжженная солнцем земля и далеко впереди — массив скалы, увенчанный чернеющими строениями.

— Это... Масада, — тихо произнес Вейр. — Дворец Ирода, который стал последним оплотом зилотов.

Под ногами скрипел песок. Над головой звенела тишина.

Крис поднял руку, чтобы заслониться от солнца:

— Профессор... вы только посмотрите вниз. Вон там — лагерь.

Ниже, у подножия скалы, располагался огромный военный лагерь. Ровными рядами стояли римские палатки, натянутые на каркас из легкого дерева. Территория была строго распланирована: в центре — преториум, палатка командующего. По периметру — рвы, частокол из острых кольев, сторожевые башни. Красные штандарты с золотыми буквами LEG·X·FRET колыхались на жарком ветру.

Легионеры в сегментной броне маршировали по утоптаным дорожкам, их движения были выверены, меха-

ничны. Стража у внешнего периметра сменялась каждые полчаса. Над лагерем стоял запах пыли, пота, металла и сваренного вина.

— Это Десятый легион, — произнес Вейр. — «Фретенсис». Последняя осада. Последняя кровь.

Но не успел он закончить фразу, как из-за поворота между камней показался римский патруль. Пятеро легионеров, вооруженных копьями и пилумами, шли настороженно. Один из них, очевидно командующий, поднял руку:

— State! Quis estis?!¹

Не дождавшись ответа, один из патрульных легионеров с криком метнул копье. Острие блеснуло в воздухе, но, не долетев до цели, бесшумно отскочило от невидимого защитного поля, окружавшего путешественников, словно ударились о каменную стену. Второй легионер отшатнулся, а центурион, который был во главе патруля, сжал рукоять гладиуса и шагнул вперед. Он был высокого роста и могучего телосложения. На его голове красовался шлем с поперечным гребнем, ноги были облачены в серебряные поножи, и в руке он держал сигнум. Его лицо было иссечено шрамами, взгляд — тяжелый.

— Num di estis... an machina daemonum?² — низким голосом спросил центурион.

Профессор сделал легкое движение рукой и заговорил по-латыни, отчетливо, уверенно:

— Nos non hostes sumus. Ex longinquo futuro venimus...³

Легионеры замерли. Даже ветер, казалось, стих. Центурион медленно вытащил гладиус из ножен, не делая выпадов, — скорее как жест оценки.

¹ Назовитесь! Кто вы?!

² Вы что, боги... или машина демонов?

³ Мы не враги. Мы прибыли из далекого будущего.

– Они нападают, – пробормотал Крис.

– Не нападают. Проверяют, – спокойно сказал Вейр.

Патруль окружил их. Один из легионеров попытался схватить Криса за руку – и отлетел назад, будто ударившись об стену.

– *Di immortales...*¹ – прошептал один из легионеров.

– Кто вы? – продолжал центурион, голос его был тверд. – Ваши доспехи невидимы, оружия не видно. Но я видел, как копьё отскочило от вашей груди, как от черепахи.

Профессор шагнул вперед.

– Мы не воины. Мы странники... из очень далекой земли.

Центурион бросил тяжелый, пристальный взгляд на Вейра.

– Странники без страны. Без страха. Вы говорите как философ, но двигаетесь как маг. Кто ваш император?

– Наш народ не подчиняется императору. Мы верим, что знание выше власти.

– Знание – ничто без силы. Меч Рима доказал это сотни раз.

Профессор молчал.

– Считаю, они шпионы. Притворяются безумцами, но могут быть вестниками мятежников, – произнес один из легионеров.

– Нужно взять их под стражу, – сказал другой.

Солдаты стали искать способ пробить невидимый защитный экран, пытались обойти его, затянуть петлю, кинуть сеть. Все было тщетно: невидимая оболочка отталкивала любые попытки. Один из легионеров вскрикнул, упав навзничь – поле отбросило его, когда он приблизился сзади.

¹ О, бессмертные боги...

Центурион Мар Лициний, не выказывая страха, подошел ближе всего. Он внимательно вглядывался в лица пришельцев.

— Если вы не враги — докажите это. Идите со мной. Я отведу вас к легату Луцию Флавию Сильве. Он решит, кто вы: боги, демоны... или просто обманщики.

Вейр посмотрел на Крису. Тот едва кивнул.

— Мы пойдем, — сказал профессор. — Но касаться нас вам будет нельзя.

— Не беспокойтесь, — с усмешкой сказал Мар. — Ваш призрачный щит будет вашей броней... до ворот преториума.

И они двинулись к лагерю Десятого легиона, под взглядами легионеров, которые смотрели на них так, как древний мир смотрел на то, что пришло из будущего.

ГЛАВА 3. ПЕРВАЯ КОГОРТА

Процессия приближалась к лагерю. Песок под ногами римлян скрипел, оружие звенело на ходу. Над лагерем развевались алые штандарты с надписью LEG·X·FRET, и солнце сверкало на металлических гребнях шлемов.

Профессор Вейр и Крис шли внутри кольца патруля. Впереди — Мар Лициний, центурион первой когорты. Его шлем с поперечным гребнем, сигнум с фалерами и серебряный амулет с изображением Медузы Горгоны — все в его облике говорило о власти, строгости и опыте.

— Ты спокоен, профессор, — пробормотал Крис. — Но они смотрят на нас, будто мы звери на арене.

— Потому что они никогда не видели того, чего не могут понять, — тихо ответил Вейр.

Мар Лициний время от времени бросал на Вейра косые взгляды. В походке, в выражении лица этого чужака было нечто раздражающее — что-то, что не укладывалось в привычные рамки. Скорее всего, Мара злило отсутствие страха или раболепия, которое он привык видеть у пленных. Вейр держался ровно, без вызова, но и без тени покорности — словно сам решал, какому времени и чьей воле подчиняться.

Когда они подошли к центру лагеря, вся строгая симметрия легионерского быта раскрылась перед путеше-

стенниками. Ряды палаток, выстроенные по линиям, как клетки на шахматной доске. Центурионские палатки были крупнее. В центре — преториум: палатка легата — с двойным входом, знаменами, охраной.

— Это ваша резиденция? — с иронией произнес Вейр, окидывая взглядом ряды палаток, выстроенных в безупречном порядке.

— Это Рим, — отрезал Мар. — Упорядоченность — наша суть.

Он замедлил шаг, отвечая легким кивком на знак приветствия постовых.

— А если порядок, который вы приносите, строится на страхе и крови — остается ли это порядком?.. Вы не сомневаетесь... даже когда наказываете невиновных? — вдруг задал Вейр вопрос, словно продолжая предыдущую мысль.

Мар не сразу ответил.

— Рим не может себе позволить сомнение. Мы приносим порядок в мир. А порядок требует жертв.

— Но что, если жертвой становится само человечество?

Мар хмуро промолчал. Затем развернулся и вошел в преториум.

Внутри было прохладнее. Палатка легата оказалась просторной. Драпировки из красной материи, щиты с гравировками, золотой кубок на массивном деревянном столе. На серебряном подносе лежали инжир, виноград, ячменные лепешки, сыр, миска с маринованными оливками. Рядом — кувшин с разбавленным вином и тонкая чаша.

За столом сидел Луций Флавий Сильва, легат Десятого легиона. Его взгляд был тяжел, самодоволен. Он не встал при появлении Мара, лишь сделал кивок.

— Рассказывай.

Мар доложил, затем молча кивнул в сторону входа.

Через несколько мгновений охрана ввела Вейра и Криса.

Легат лениво окинул их взглядом, осматривая одежду, лица, манеру стоять. Его губы скривились.

— Кто вы? Колдуны?

— Ученые, — с достоинством ответил Вейр. — Мы из будущего.

Сильва усмехнулся.

— Будущее принадлежит Риму.

— Лишь в ваших глазах, — спокойно ответил Вейр.

— В моих глазах, странник, вся эта земля — наша. Эти горы, эти деревни, эти пустынные долины. И если вы прибыли не с поклоном — вы враги.

— Мы прибегаем не к мечу, а к знанию.

— Знание — это игрушка философов. Меч — судьба империи, — вмешался Мар.

Легат кивнул.

— Рим жив не потому, что его любят. А потому что его боятся.

— И вы гордитесь этим? — спросил Крис, не сдержавшись.

Мар шагнул вперед, но Сильва поднял руку.

— Пусть говорит. Позже он будет молчать.

Он откинулся в кресле.

— Я не верю в сказки. Вы говорите на латинском, носите странные одежды, у вас нет знамени. Нет легиона. И нет хозяина.

— Мы свободны.

— Свободных не бывает. Есть повинуемые и восстающие. Вы — вторые.

Сильва сделал глоток вина и отдал приказ:

— Эти двое — шпионы. До рассвета они останутся под стражей. Потом — допрос. Может быть, распятие.

— Плохая идея, — произнес Вейр. — Кровь никогда не сделает вас ближе к истине.

– Истина не нужна. Мне нужна дисциплина.

Охрана провела их наружу. Позади слышался смех Сильвы. Мар не смотрел им в глаза.

Их отвели к загону из жердей, связанных толстыми канатами. Это была клетка для пленных, в дальнем углу лагеря. Внутри лежала охапка соломы, глиняная миска с лепешками и бурдюк с затхлой водой.

Римляне захлопнули ворота, заперли на штырь. Один из легионеров с ухмылкой бросил:

– Наслаждайтесь гостеприимством Рима.

Я вижу, в Вас нет ни малейшего сомнения в том, что мы подсланные шпионы. – Произнес Вейр, обращаясь к одному из конвоиров.

– Рим не может себе позволить сомнение. Мы приносим порядок в мир. А порядок требует жертв.

– Вы все еще верите, что Рим вечен?

– Пока я жив – да.

– Вы могли бы изменить будущее, – говорит Вейр.

– Нет. Я лишь солдат Рима.

Вейр опустил на солому. Крис сел рядом.

– Он не верит ни слову, – сказал юноша.

– Он не должен верить. Он должен начать сомневаться, – ответил Вейр. – Все начинается с трещины. Даже в империи.

ГЛАВА 4. ДОПРОС У ЛЕГАТА

Ночь в пустыне была суровой. С наступлением темноты поднялся ветер, а температура стремительно упала, понижаясь до самых костей. Песок, раскаленный днем, теперь хрустел под ногами, словно иней.

Профессор Вейр и Крис Кеннетт прижались друг к другу, кутаясь в тонкие плащи. Ни огня, ни одеяла — только слой соломы под ногами и дыхание, превращающееся в пар.

— Теперь я понимаю, почему римляне боятся ночных вылазок, — пробормотал Крис.

— Они боятся не холода. Они боятся того, что в темноте легко теряются границы между страхом и совестью, — ответил Вейр.

На рассвете к клетке подошли трое: центурион Мар Лициний и два легионера. Мар постучал по жерди копьем.

— Подъем. Легат ждет вас.

Путешественники вышли из клетки, дрожа от утреннего холода. Держались с достоинством, проходя мимо конвоиров и легионеров, которые с самого рассвета окружили клетку-тюрьму, разглядывая чужаков с любопытством и недоверием. По пути Вейр повернулся к центуриону.

– Позвольте спросить: зачем эта жестокость? Мы ведь не сделали вам ничего плохого.

Мар молчал некоторое время, затем сказал:

– В Паннонии я взял деревню. Почти все мужчины были убиты. Осталась женщина с детьми. Я... пощадил их. Потом ночью Глава семьи вернулся. Вот этот шрам – от его топора. Я не простил.

– И с тех пор вы верите, что варвары не заслуживают пощады? – спросил Вейр.

– Я верю, что Рим – единственный, кто может наводить порядок. Остальные – шум и дикость.

Подойдя к палатке легата, охрана отодвинула ткань входа. Внутри все было по-прежнему: ковры на песке, массивный стол с картами Иудеи, золотой кубок, миска с виноградом и ломтями сыра. За столом сидел Луций Флавий Сильва. Он не встал, лишь махнул рукой, разрешая войти.

– Садитесь. Если это в ваших правилах, – сказал он с усмешкой.

– Спасибо, – вежливо ответил Вейр.

– Итак. Вы говорите, что не шпионы. Но как объяснить, что вы появились в момент, когда судьба всей Иудеи решается здесь, у подножия этой скалы?

– Мы прибыли не случайно. Но и не по приказу мятежников, – спокойно сказал Вейр. – Мы из будущего. Мы ученые, исследующие прошлое.

Сильва усмехнулся.

– Значит, боги дали вам крылья времени. И вы решили, что Рим – подходящий предмет для изучения?

– Именно так. Потому что Рим – иллюзия, возмнившая себя вечной. Рим – это иллюзия порядка, возведенная на гордыне. И тем он и интересен – как наглядный урок: в его просчетах больше истины, чем в его победах.

Вейр продолжал:

— Вы прибыли сюда на двадцати кораблях. Из Италии — через Пирей, затем по дороге из Кесарии. Десятый легион шел под знаменами императора Веспасиана. Вы не сразу подошли к Масаде. Сначала подавили восстание в Иерусалиме. Вы убили тысячи людей, разрушили Храм. И только потом направились сюда. Это будет последняя крепость.

Сильва напрягся.

— Откуда тебе это известно?

— Я знаю, кем был Веспасиан и кем станет его сын Тит. Я знаю, что спустя сто лет Рим будет разделен. Что Траян придет с востока, а затем — Адриан построит стены, чтобы не пустить варваров. Знаю, что Константин сменит богов. Знаю, что последний император будет мальчиком, которого свергнет варвар по имени Одоакр. И знаю, что варвары разберут ваш амфитеатр Флавия¹ на части. Из его бронзовых балок будут делать мечи.

Мар молча смотрел в землю.

Вейр на несколько мгновений умолк, затем перевел дух и продолжал:

— Ваши люди уже перестали сражаться за идею. Они грабят. Вы забираете хлеб, женщин, металлы. Ваши виллы полны рабов. Ваш сенат — игра. Рим стал машиной, в которой человечность — лишь сбой.

Сильва встал. Он медленно подошел к Вейру.

— И ты хочешь, чтобы я поверил в конец? В падение Рима?

— Я хочу, чтобы вы поняли: ваша сила уже стала слабостью. Чем больше вы берете — тем меньше у вас остается.

¹ Вейр имел в виду Колизей. Древние римляне не называли Колизей Колизеем — это название появилось позднее, в Средние века. Официальное название амфитеатра при его постройке было: Amphitheatrum Flavium — Флавиев амфитеатр.

Сильва долго смотрел ему в глаза, затем произнес:

— Я не могу вас убить. Ваш щит... ваши слова... все это слишком. Возможно, вы и впрямь пришли не из этого мира. И все же... я не отпущу вас.

Он сделал знак рукой.

— Отведите их в гостевую палатку. Дайте им чистую воду и пищу. И пусть к ним придет писец. Я хочу знать все, что они могут рассказать. И пусть верят, что это гостеприимство. Но это допрос. Только медленный.

Мар кивнул. Когда они выходили, он сказал Вейру:

— Ты многое знаешь. Но и ты ошибаешься. Вера сильнее знания.

— Возможно. Но только знание спасает, когда вера приводит к гибели, — ответил Вейр.

И они направились в сторону палатки, где уже ждали вино, хлеб... и еще много вопросов.

ГЛАВА 5. ПЫЛЬ И КРОВЬ ИУДЕИ

Сквозь сухую пыль Иудейской пустыни двигались тысячи тел. Земля дрожала от шагов, от колес, от ритма лопат и мотыг. Римляне построили вокруг Масады кольцо укреплений — циркумвалляционную линию¹, чтобы отрезать зелотов от внешнего мира. Но стена Масады была непреступной, и легат Сильва знал: придется взять ее силой.

С запада, где склон был наименее крутым, началось великое строительство. Рабов и пленных сгоняли под крики надсмотрщиков. Они носили корзины с землей, камнями, укрепляли пандус. Работа длилась неделями. Солнце высушивало тела, кровь текла от бичей и острых углов камней.

Профессор Вейр и Крис наблюдали за происходящим из специально выделенной палатки. Искусственная насыпь

¹ Циркумвалляционная линия (лат. *linea circumvallationis*) — каменное кольцо укреплений, полностью окружавшее крепость Масаду, чтобы восставшие зелоты не могли вырваться наружу. Протяженность этой линии — около 4,5 километров. Внутри кольца были устроены лагеря (*castra*) для римских легионеров — всего восемь лагерей, соединенных дорогой и стеной. Также была построена штурмовая рампа (наклонная насыпанная платформа, пандус), по которой римляне подкатили осадную башню к стенам Масады.

уже была почти готова, и Вейр понимал, что совсем скоро римляне начнут свою последнюю атаку. Стража не спускала с них глаз, но вино, вода и тень делали их «гостями». Каждый вечер к ним приходил писец, записывая их слова. Каждый вечер они отказывались раскрыть секреты технологии щита.

— Это бессмысленно, — говорил Вейр. — Они хотят вытянуть у нас будущее, не понимая, что оно не продается.

Через пару дней все изменилось.

— Они закончили, — сказал Крис, глядя в сторону горы.

По насыпи, словно по дороге, римляне начали подтаскивать осадную башню с тараном. Башня была высокая, обитая кожей, с огнеупорной крышей. На уровне второго яруса сидели лучники. Внизу — сам таран: тяжелая балка с железным наконечником в виде головы барана.

С вершины Масады, за каменными зубцами, виднелись тени защитников. Они стреляли из луков, метали камни, но — тщетно.

Пламя, пыль, звон металла. Машина достигла стены. Таран начал свою работу.

«Бум... бум...» — удары сотрясали воздух. Земля отзывалась эхом.

— Профессор... — сказал Крис. — Мы обязаны что-то сделать.

Вейр качнул головой:

— Мы не можем вмешиваться. Мы не вправе менять ход истории. Мы должны только наблюдать.

С вершины крепости на римлян обрушился град стрел. В ответ — залп из баллисты. Несколько зелотов упали со скалы, их тела катились по склону, словно мертвое знамя свободы.

— Они соорудили внутреннюю стену, — заметил Вейр. — Деревянную, из бревен и глины. Удар тарана теряет силу.

— И что теперь? — спросил его Крис.

— Они ее подожгут.

Так и случилось. Под прикрытием щитов, римляне подложили факелы под основание второй стены. Пламя взвилось, как знамя Рима. Зелоты пытались тушить, но огонь пожирал бревна.

Ночь спустилась, и в небе полыхали угли, словно звезды гнева. Римляне отступили, зная, что утром Масада падет.

Вейр стоял на холме, глядя на горящий склон. Его лицо застыло. Крис молчал.

— Завтра они войдут. И никого не найдут, — сказал Вейр.

— Почему? Они могли бы сдаться, выжить...

— Потому что есть вещи хуже смерти, — произнес профессор. — Они выберут свою волю. Они лишат Рим триумфа. Это будет их победа.

И в этой ночной тишине, сквозь запах гари и шелест песка, рождалась легенда — о последнем дыхании свободных людей.

ГЛАВА 6. ОШИБКА ЦЕНТУРИОНА

Масада пала. Осадная башня больше не дымилась, тараны застыли у стены, словно время остановилось. По выжженной насыпи пандуса, в клубах пыли, когорты Рима поднимались к пролomu. Вскоре они вошли в крепость.

Профессор Вейр и Крис поднимались следом. Мар Лициний лично пригласил их наблюдать за «победой».

С вершины крепости открывался потрясающий вид: с одной стороны – Иудейская пустыня, бескрайняя и молчаливая, с другой – сверкающая гладь Мертвого моря. Горячий воздух пустыни накатывал волнами на разрушенную крепость – последний оплот zelотов. Вокруг стояла нестерпимая жара.

Воздух пульсировал, как будто сама земля дышала. Песок внизу будто бы плавился под солнцем. Вейр почувствовал, как по виску катились тяжелые капли пота.

Крепость царя Ирода состояла из нескольких уровней, вырезанных в скале. Каменные здания, сложенные из желтого известняка, тянулись вдоль плато. На юге возвышался дворец: трехъярусное строение с колоннадой, термальной баней, залами с мозаичными полами и фресками. Внутри – кессонные потолки¹, расписанные геометрическими узорами и виноградными лозами. Стены укра-

шены темно-красными и синими панелями. В одном зале уцелела ниша с лавками — комната для пиров.

Рядом — огромные резервуары для воды, наполненные дождевой водой благодаря системе акведуков и цистерн. Хранилища зерна, кувшины с маслом и вином. Все в порядке. Все — нетронуту.

И среди всего этого — мертвые тела. Мужчины, женщины, дети. Кто-то лежал на полу, кто-то — в объятиях. Кто-то сидел, уронив голову на стену. Ни одного живого. Только смерть. Без шума. Без крови. Только остановленное время.

Римляне были сбиты с толку. Ожидали жесточенный бой — но получили молчаливый вызов.

— Они... убили себя, — сказал один из легионеров.

— Все... — прошептал Крис. — Они не дали нам ни одной цели.

Мар Лициний стоял в центре зала с каменным лицом. Вейр подошел к нему.

— Они предпочли смерть подчинению. Вы ожидали триумфа. Но получили — безмолвие.

Мар сжал рукоять меча.

— Это не триумф. Это...

— Это зеркало, центурион. Они показали вам, что даже меч Рима не проникает в сердце, которое выбрало свободу.

Мар резко обернулся.

— Рим победил!

— Рим вошел в город мертвых.

Мар шагнул ближе, его лицо потемнело от гнева.

— Ты видишь слабость там, где я вижу мужество. Они бежали от нашей власти в смерть.

¹ В северном дворце (самом роскошном) археологи обнаружили фрагменты потолков с декоративной штукатуркой и лепниной, включая имитации кессонов — то есть вдавленных геометрических панелей, характерных для римской архитектуры.

Вейр не отступил.

— А я вижу, как Рим не смог предложить ничего, кроме страха. И получил ответ не мечом — но выбором.

Порыв ветра сорвал с одного из тел кусок ткани и унес его в пустыню. Песчаные вихри плясали внизу, под скалами. Над Мертвым морем дрожало морево.

К ним подошел Сильва. Он держал кубок с вином, на губах играла тень иронии. Он взглянул на тела и спокойно сказал:

— Хорошо. Рабов не будет. Значит, меньше хлопот.

Вейр вскинул глаза.

— У вас на губах — вино, а у них на губах — кровь. И вы называете это победой?

Сильва пожал плечами.

— Победа — это когда враг исчезает. Какая разница, от чего он исчез?

Крис скрипнул зубами. Вейр молча вздохнул. На фоне зала, украшенного фресками, алыми, как кровь, их слова звучали как эхо будущего, заброшенное в прошлое.

— Вы не видите трагедии? — продолжал Вейр.

Сильва усмехнулся.

— Трагедия — для театра. Здесь — политика. Масада пала. Рим утвердился.

— Рим утвердил лишь свою неспособность понять человека.

Легат сделал глоток вина.

— Ты философ. Я — солдат. Мы говорим на разных языках.

В стороне от них кто-то поднял щит — римляне осматривали тела, ища ценности. Пыль летала в воздухе, оседая на мертвых, как прощальный саван.

Мар снова подошел ближе.

— Ты веришь, что их смерть была достойной?

— Я верю, что достоинство — это то, что вы не смогли отнять.

– Твои слова опасны, – проворчал Сильва.
– Истина всегда опасна, когда ее слышат уши власти.
Среди камней, глядя на пустую крепость, Вейр сказал:
– Рим падет. Придут те, кого вы презираете. Варвары.
И разрушат то, что казалось вечным.

Мар вспыхнул.

– Боги не допустят! Рим – избранный!

– Вот в этом и ваша ошибка, центурион. Империи не вечны. А истина – да.

Мар сжал губы. Его взгляд метался между мертвыми и живыми.

Они вышли на площадку у восточной стены. Ветер гнал песок по ступеням. С вершины было видно все: лагерь, пустыню, пустую победу.

– Настоящая сила, – сказал Вейр, – не в том, чтобы заставить склониться. А в том, чтобы дать право не склоняться.

Он посмотрел вниз.

– Здесь не Рим победил. Здесь победила боль. Свобода в боли. Истинная победа не в силе, а в выборе.

И Мар Лициний, стоящий за его спиной, не сказал ни слова.

ГЛАВА 7. ПРОЩАНИЕ

Вечером, когда жара наконец отступила, над лагерем Десятого легиона раскинулась тишина, наполненная дымом, вином и шорохом торжественной суеты. Победа была достигнута, Масада — взята, и легат Сильва решил устроить пир. Он велел привести Вейра и Криса — не как пленных, но как гостей.

— Победителей судят по их великодушию, — сказал он, — а не по числу убитых.

Огромный костер из полен акаций, тамариска и финиковых пальм, привезенных с побережья Мертвого моря, полыхал в центре лагеря. Воины сидели на сложенных коврах, ели хлеб с медом, мясо, жаренное на вертеле, и запивали все красным вином из амфор. Звучали песни, тосты, вспоминались погибшие товарищи. Дым и смех перемешивались в вечернем воздухе, отдаленно пахнувшем миром.

Вейр и Крис сидели рядом с Маром и легатом, окруженные трибунами, оптионами, и несколькими сотнями легионеров, которые еще утром не знали, будут ли живы к вечеру. Крис, ошеломленный резкой сменой настроений — от смерти к ликованию, — держался напряженно. Вейр же был спокоен, как всегда, но в его взгляде читалась сосредоточенность.

Сильва поднял кубок.

— Сегодня мы не делим вино. Сегодня мы делим славу. Пусть эта ночь запомнится, как ночь, когда Рим стал вечен еще раз!

— Ave Roma!¹ — прокатилось эхом.

Когда шум чуть стих, Сильва поднялся.

— А теперь — слово тому, кто был свидетелем нашей победы. Он уходит, но пусть оставит нам слово. Может быть — урок.

Вейр встал. Все взгляды обратились к нему. Он выдержал паузу, потом заговорил:

— Сегодня вы празднуете победу. Но позвольте мне рассказать вам не о сегодняшнем дне — а о завтрашнем.

Он повернулся к Сильве.

— Легат Луций Флавий Сильва, победитель Масады. Ваше имя войдет в историю. Вас ждет консулат, вы вернетесь в Рим. Вас будут приветствовать, но за спиной — перешептываться. Титус Корнелиус — ваш будущий партнер в консульстве — будет говорить с вами вежливо, но за глазами собирать обвинения.

Сильва хмыкнул, но не перебил Вейра.

— Сенаторы будут завидовать и шептать о ваших долгах и затратах. Припомнят затраты на пандус, машины, поддержку поставок амуниции и провианта. Один из них, Квинт Аврелий, предложит пересмотр премий для командующих. Вы устоите. Но это будет начало конца.

— Император умрет, — продолжал Вейр. — Веспасиан, отец победы, умрет в 79 году. Его сын Тит — в 81-м.

Последние слова Веспасиана будут: «Император должен умереть стоя» — пример римского прагматизма даже перед лицом смерти. Сенат провозгласит его как *divus* (божественный). В день смерти Веспасиана упадет звезда,

¹ Да здравствует Рим!

а потом начнется извержение Везувия, которое уничтожит город Помпеи.

После Веспасиана императором станет Тит, но он будет править всего два года. Его отравят. Светоний назовет эпоху правления Тита как «любовь и утешение человечества».

После Тита императором станет тиран Домициан, младший сын Веспасиана. Но для Рима это будет концом эпохи милосердия – впереди будут целых пятнадцать лет террора. И тогда все, кто добился чего-то слишком громко, окажутся под подозрением. Вы не будете казнены. Но ваша слава померкнет. Вас забудут. До тех пор, пока одна крепость в пустыне не напомнит о вас... спустя две тысячи лет.

Наступила тишина. Даже вино на мгновение перестали наливать. Сильва выдохнул сквозь зубы:

– Ты превращаешь наш праздник в надгробную речь.

Вейр спокойно:

– Иногда лучше услышать правду при жизни.

Крис заметил, как напрягся Мар. Он подался вперед и тихо, почти с вызовом, сказал:

– А ты? Ты знаешь свою судьбу?

Вейр улыбнулся:

– Да. Я не увижу снова свою эпоху будучи таким же, каким я был до прихода сюда. Даже если вернусь обратно в свое время. Потому что видел прошлое. А прошлое меняет нас сильнее, чем будущее.

Крис, подливая себе вина, не удержался:

– Почему вы не чувствуете сожаления? Столько мертвых. Самоубийство целого народа.

Мар пожал плечами.

– Мы – солдаты. Не судьи. Мы исполняем.

– Вы – палачи, которые не чувствуют крови на руках, – бросил Крис.

Сильва ответил вместо Мара:

— Потому что руки Рима всегда в крови. Это и есть Империя.

Наступила короткая пауза. Пламя костра колебалось на ветру, отражаясь в глазах легионеров.

Вейр заговорил вновь:

— Но все-таки, вы отпускаете нас. Почему?

Сильва, криво улыбаясь:

— Потому что вы не враги. Вы — зеркало. А смотреться в зеркало иногда полезно, даже если не нравишься себе.

Мар прищурился и заговорил с оттенком скепсиса:

— Если бы ты действительно верил, что Рим падет... ты попытался бы изменить ход событий?

Вейр покачал головой.

— Истина не в силе изменить. Истина — в том, чтобы быть сказанной.

Пир продолжался еще несколько часов. Потом огни начали угасать, а воины — отходить ко сну. Пыль осела. Лагерь затих.

Наутро, у выхода из лагеря, центурион Мар Лициний пришел проводить их. Он был в полном облачении. В его руке сиял сигнум — знак когорты, знак власти.

— Вы могли бы изменить будущее, — сказал ему Вейр.

— Нет. Я лишь солдат Рима, — ответил Мар.

Вейр смотрел ему вслед.

— Центурион Мар Лициний совершил ошибку. Он не принял истину. Но он услышал ее. Этого достаточно.

ЭПИЛОГ

О чем молчал центурион

Лекция подходила к концу, но никто из студентов не спешил покинуть зал. Воздух был плотным от молчаливого ожидания. Все внимание было сосредоточено на фигуре у кафедры — седовласом профессоре, чьи глаза будто смотрели сквозь века.

— История Масады — не о гибели, — произнес он негромко, но ясно. — Она — о последнем доказательстве, что дух может быть крепче меча.

Он сделал паузу, окинул взглядом аудиторию.

— А теперь — вопрос вам, мои магистранты. Готовы ли вы, люди XXI века, к такому выбору? Не к смерти — нет. А к верности себе. К пониманию, что сила — это не то, что пробивает стены, а то, что остается, когда стены рушатся.

Порядок без человека — это не цивилизация. Это клетка.

Профессор на миг замолчал, потом заговорил снова — тихо и спокойно:

— Когда мы изучаем историю, мы видим даты, имена, числа. Кто, где, когда, сколько погибло. Но история — это не только факты. Это выбор. Личный. Иногда необъяснимый. Иногда — окончательный.

Я стоял среди останков тех, кто предпочел смерть жизни в рабстве. И рядом со мной стоял римский центурион — человек с железной верой в порядок, в Рим, в силу.

Он не понимал, как можно умереть, не сражаясь. И это была его главная ошибка.

А я понял. Эти люди, пусть и проигравшие битву, победили. Они победили в главном — в верности себе. Свобода для них была не лозунгом, а дыханием.

Масада не была победой Рима. Она стала зеркалом, в котором Империя впервые увидела предел своей силы.

Он закрыл папку.

— Даже великая империя не может завоевать волю, если та готова умереть, но не склониться.

Профессор Вейр помолчал немного и тихо добавил:

— Благодарю за внимание.

Фрагмент из ЖУРНАЛА ПРОФЕССОРА ВЕЙРА

Файл №47–Ω. Проект «Масада»

гриф: ДСП. Внутренний архив МФК

...В результате неконтролируемого перемещения, вызванного активацией Щита-Ω, мы оказались в районе крепости Масада, приблизительно в 73–74 годах нашей эры, в разгар осады силами римского легиона X Fretensis, под командованием легата Луция Флавия Сильвы.

Контакт был установлен с центурионом первой центурии, Маром Лицинием, который был направлен в патрульную миссию. Центурион демонстрировал фанатичную преданность римским идеалам. Он верил: порядок оправдывает любые средства.

После завершения строительства насыпи и разрушения крепостной стены с помощью осадной башни-тарана римляне проникли внутрь Масады. Но они не встретили сопротивления.

Все защитники крепости совершили массовое самоубийство, чтобы не попасть в рабство. Это был не акт отчаяния, а осознанный выбор. Центурион воспринял это не как победу, а как пощечину. Как вызов его вере в силу и незыблемость Рима.

Масада не была военной победой. Она стала границей, за которой заканчивается власть меча и начинается свобода духа. Свободная воля оказалась непобедимой.

ПРИМЕЧАНИЕ

В повести использованы реальные исторические события и имена. Однако сюжет, диалоги и интерпретации являются художественным вымыслом.

СОЮЗ
НА ЛЕЗВИИ МЕЧА

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Пыль истории не гасит огня. Она только
прячет тлеющие угли.*

В середине V века н. э. Западная Римская империя была лишь бледной тенью своего прежнего величия. Утомленная внутренними конфликтами, ослабленная мятежами, опустошенная экономически и морально, она держалась больше на дипломатии и репутации, чем на силе оружия. На востоке, в Константинополе, Византия еще удерживала порядок и власть, но Рим уже стоял на краю гибели...

И тогда на сцену вышел он — Атила, вождь гуннов, чья армия несла огонь и страх. Его путь через Галлию был стремителен: Мец, Реймс, Труа — города пали один за другим. Орлеан был следующим.

Именно в этот момент римский полководец Флавий Аэций решился на шаг, который прежде считался невозможным: он создал коалицию из врагов Рима. В войске Аэция находились римские части, уцелевшие после многочисленных войн, вестготы под предводительством короля Теодориха I — те самые, что некогда разграбили Рим, но теперь стали его союзниками, франки — германское племя, проживавшее к северу от Луары, галльские бургун-

ды и армориканцы, а также аланы, ведомые своим вождем по имени Сангибан.

Аланы были ираноязычным кочевым народом, происходившим от отдельной ветви сарматов и обитавшим в прикаспийских и приазовских степях. Их всадники-катафрактары наводили ужас на полях битв. К тому времени аланы уже успели частично осесть в Галлии и Испании, став федератами Рима — вассалами, жившими в обмен на службу.

Аланы сражались на стороне коалиции, и их роль была критически важной: они стояли в центре построения, между римлянами и вестготами, и приняли на себя главный удар гуннской конницы.

Сражение произошло на равнине близ города Труа, на месте, которое позже получило название Каталаунские поля. Оно считается одной из самых жестоких и кровопролитных битв поздней античности. Число погибших оценивается разными источниками от двадцати до ста тысяч человек. Теодорих пал в бою. Атила был вынужден отступить.

Битва на Каталаунских полях не спасла Рим, но отложила его конец. Ее символизм — в том, что в момент предельной угрозы заклятые враги смогли встать вместе. Это был союз не любви, а страха перед уничтожением. Но именно такой союз иногда и становится последней линией обороны цивилизации.

В этой повести профессор Эдвард Вейр, уфолог и путешественник во времени, по воле случая оказывается свидетелем этого исторического перелома. Он попадает в лагерь аланского войска накануне битвы, где, наблюдая за воинами, их жизнью, философией и боевыми практиками, постепенно проникается пониманием тех сил, которые действительно движут историей.

Ибо прошлое — это не только даты и карты. Это выбор, сделанный под ударами копыт. И голос, услышанный среди пепла.

ГЛАВА 1. ВЕТЕР С ВОСТОКА

Сквозь стекло защитного купола лаборатории плясали бледные отблески пульсирующего поля — разряд за разрядом, как дыхание чего-то живого и недоброго. Профессор Вейр стоял перед панелью временного модуля, рука его замерла на рычаге стабилизации. Эксперимент провалился. Временная спираль, раскрученная чуть дальше допустимого, захлопнулась. Теперь все нужно было начинать заново.

Он снял очки, вытер пот со лба и бросил взгляд на экран временного индикатора. Зеленовато-синяя линия мигала тревожным замиранием: 451 год н.э.

— Что ж ты мне этим хочешь сказать? — пробормотал он. — Каталаунские поля... Слишком рано для Средневековья, слишком поздно для Империи.

Он помнил эту дату. Битва, которую часто называли последним ударом сердца Рима. Гунны. Аттила. Сангибан. Люди, растворившиеся в песке времени, но однажды бывшие плотью и кровью, верой и страхом.

Пальцы скользнули по панели. Вейр колебался, затем решительно переключил машину в ручной режим, установил координаты и, набрав воздух в грудь, активировал перемещение.

Пространство сжалось, как клочок пергамента, брошенный в огонь, и развернулось вновь.

Он очнулся в высокой траве. Земля была теплой, пахла пеплом, кониной и дымом. Над ним реяли тени птиц, кругами — как часовая стрелка смерти. Рядом слышались голоса — грубые, ритмичные. Один — гортанный и высокий, другой — сиплый, как хрип воина на излете боя.

Вейр приподнялся. Над ним стояли трое: двое с копьями и в кольчужных капюшонах, третий в меховой накидке и с глазами, в которых степь смотрела на тебя через века.

— Χαῖρε, οἰκοδεσπότα... εἰρήνη σοι¹, — проговорил Вейр, стараясь держаться спокойно. — Я не враг. Я странник... пришел издалека... из будущего.

Мужчины переглянулись. Один процедил что-то, от чего другие прыснули от смеха. Очевидно, греческий здесь звучал как птичья трель.

Вейр задумался. Он знал: латынь еще живет в римских провинциях, в управлении, в римском мире. Стоит попробовать.

— Salvete. Venio non ut bellum inferam, sed ut videam. Homo sum temporis futuri. Non hostis².

Молчание. Затем старший из воинов медленно кивнул.

— Tu... speculator es³, — хрипло уточнил он. — Или жрец?

— Ни то, ни другое. Ученый. *Doctor rerum temporis*⁴.

— Ха! — рассмеялся другой. — Значит, ты вещий мудрец. Ну что ж, вещай, пока не прирезали.

¹ Радуйся, хозяин дома... мир тебе (греч.).

² Приветствую вас. Я пришел не для войны, а чтобы видеть. Я человек из будущего. Не враг (лат.).

³ Ты... лазутчик (лат.)?

⁴ Доктор наук времени (лат.).

Его отвели в деревянное поселение, полузасыпанное песком и окруженное валом из грубых бревен. Здесь пахло потом, копченым мясом, горячим металлом. Воины точили копья, плели шнуры для луков, готовили седла. Коней чистили, укутывали в броню. Это были сильные степные животные с выносливыми ногами и короткой гривой.

Он остановился у дверей длинного приземистого строения, обитого шкурами и увешанного ремнями. Когда вошел внутрь, теплый полумрак ударил в лицо запахом дыма, старой кожи и конского пота.

Несколько мужчин обернулись — молча, с настороженным любопытством. У одного в руках был нож, другой вплетал шерстяную нить в шнур уздечки — в цветах своего рода, как делал его дед перед битвой. Самый старший из них, с седыми косами, лениво поднялся и подошел ближе.

— Он говорит как римлянин, — произнес один. — Но одет как бродяга с юга.

— Или как шпион, — заметил другой, поглаживая острие стрелы.

— Или как человек, которому некуда идти, — бросил третий, совсем молодой, но с голосом взрослого.

Вейр стоял спокойно. Он уже знал: страх здесь не поможет.

Он медленно развел руки, показывая, что он безоружен, и кивнул.

— Я не шпион. Я...

Он запнулся, подбирая слова.

— Я не знаю, как объяснить. Я пришел не по своей воле. Я был в другом месте... а потом — оказался здесь. Свет, вспышка. Небо стало черным — и все исчезло. А потом — вы.

Седой посмотрел на него внимательно, словно взвешивал не только слова, но и сам голос.

— Ты говоришь как человек, который сам не знает, откуда он. Это плохо. Или хорошо. Зависит от того, что ты ищешь.

Он повернулся к остальным:

– Пусть сидит. Пусть ест. Кто ищет — тот сначала должен насытиться, прежде чем искать дальше.

Молодой с плетеной прической подошел ближе, держа в руках деревянную миску.

– Как тебя зовут, человек из вспышки?

– Вейр.

– Странное имя. Похоже на ветер, который уносит костры.

– А твое?

– Арсаг. Я внук охотника и сын воина.

– Ты всегда так смотришь на чужаков?

– Только на тех, кто приходит в дыму и говорит, что не знал дороги.

Вейр слегка улыбнулся:

– Я и правда не знал. Но, возможно, я нашел ее.

Седой снова обернулся:

– Если найдешь дорогу, скажи и нам. Мы тоже ищем ее каждый день — копьём, дорогой, конем и ночью под звездами.

Вейру позволили остаться на ночь. К нему приставили юного воина — худощавого, но гибкого как ремень — с глазами цвета сухой травы.

– Меня зовут Таргил, — сказал он, — сын Асбериха. Ты правда пришел... неведомо откуда?

– Из будущего, — кивнул Вейр. — Из мира, где никто уже не помнит запаха шершавой кожи седла. Где лошади живут в музеех.

– Жаль, — Таргил посмотрел на своего коня. — Мы без них — как птицы без крыльев.

Они сидели у костра. Таргил показывал, как плетут воинский ремень, рассказывал о том, как мальчики у аланов учатся верховой езде с пяти лет. Как на шестом году жизни впервые берут лук. Как отец дарит кинжал, а мать — крест из дерева, вырезанный по их особой вере, где Бог один, но степь — его голос.

— Ты спрашивал, где ты оказался, — сказал Таргил, не отрывая взгляда от узора на ремне. — Это земля к востоку от Аурелианума. Мы здесь уже пять зим. — Вейр слушал, не прерывая. Пламя играло на лицах, и казалось, будто время замедлилось. — Мы пришли сюда еще при отце моего деда, — продолжал Таргил. — Рим сперва звал нас врагами. Потом — братьями. Теперь мы — союзники. Или так говорят.

Он поднял взгляд.

— А ты... Ты не похож на человека из наших времен. Ни оружие твое, ни речь. Даже взгляд — будто ты многое потерял... и больше уже не ждешь.

Вейр кивнул.

— Я оказался здесь внезапно, — сказал он. — Я помню только, как туман рассеялся и я стоял у холма. А внизу были шатры. Лошади. Люди в мехах и железе.

Таргил усмехнулся уголком рта:

— Тогда судьба привела тебя к нам. А может, степь¹ решила, что ты должен услышать ее голос. — Он протянул Вейру ремень. — Носи. Не как знак рода. А как знак, что ты сидел у огня с сыном аланов.

Пламя потрескивало, ветер шевелил кромку шатра.

Вейр поблагодарил Таргила за подарок, немного помолчал, затем спросил:

— Скажи... Какой у тебя родной язык?

Таргил поднял на него глаза, будто только сейчас понял, что Вейр говорит на совсем ином наречии и понимает ответ.

— Ты слышишь меня, как будто я говорю на твоём языке? — спросил он с легкой осторожностью.

¹ Аланы — потомки сарматских и скифских кочевников — пришли в Галлию с воспоминаниями о бескрайних просторах, ветре и конных переходах. Даже если местность была иной, они могли называть ее степью в духе традиции или в переносном смысле.

— Да, — кивнул Вейр. — Но это... странно. Будто смысл доносится, а не слова. Я изучал *арьяна рава* и *варз хинда*¹, поэтому могу понимать основной смысл твоих слов.

— Ты говоришь, как будто учился у самих жрецов Арьяны, — произнес Таргил, шурясь сквозь пламя. — Это речь... как ее называли старики... *«арьяна вака»*. Я слышал ее однажды, когда к нашему шатру пришел человек с юга в одежнях странных, но с глазами степных людей.

— Да, но я хочу понять, что ты говоришь на самом деле. Как называется ваш язык?

Таргил усмехнулся:

— Мы зовем его по-разному. Некоторые говорят: язык сарматской степи. Другие — просто аланский. Но у нас нет письма, как у римлян. Только слова, и песни, и клятвы.

Он подбросил несколько полен в огонь.

— Мы говорим не так, как франки или готы. Не как римляне. И не как ты. Ты — вообще не отсюда. Это я точно вижу.

Вейр опустил взгляд:

— Ты прав. Но мне важно понять. Я хочу услышать ваш язык, настоящий, не через этот... перевод.

Таргил чуть прищурился, затем медленно проговорил несколько фраз — певучих, с отрывистыми интонациями и почти персидским звучанием.

— Это — наша речь. Ты не поймешь ее полностью, — сказал он. — Потому что язык — это не только слова. Это запах костра. Это ритм копыт. Это вкус молока с дымом. Это взгляд отца, когда ты берешь в руки меч. Ты не жил с этим. Поэтому тебе будет слышен только смысл, но не пульс.

Он замолчал.

¹ «Арьяна вака», или «арьяна рава» — букв. язык ариев, речь ариев. «Хинду варз», или «варз хинда» — речь Индии.

— Но если степь захочет, — добавил он после паузы, — ты услышишь больше, чем думаешь. Наш язык не похож на язык римлян или вестготов, — продолжал он. — Он живой. В нем шипят змеи, воют ветры и мчатся кони.

Он дышит, как степь, и гремит, как буря. Мы зовем себя *Аллон* — дети степей¹.

— А что для вас враг?

Таргил на мгновение замолчал.

— Враг — тот, кто не уважает землю под твоими ногами. Даже если он улыбается. Даже если он похож на брата. Гунн — враг. Он приходит не просто грабить. Он приходит, чтобы ты забыл, кто ты.

— А римляне?

— Мы сражались с ними. И не раз. Но когда пламя приходит с востока, даже враги становятся стеной.

Поздно ночью Вейр смотрел на небо. Звезды были теми же, что и в его веке. Только земля под ними была чище. Грубее — да. Жестче — да. Но настоящая. И люди в ней были таковы, что вера делала их несгибаемыми. Их могла сломить только вечность, но не судьба...

Он знал: это — лишь начало. Ветер с востока нес запах бурь. И в нем уже слышалась поступь Аттилы.

¹ Аланы позднеримской эпохи называли себя «арии» (на собственном языке — «алан» или «аллон»), что восходило к древнему иранскому самоназванию «агуа» (означавшему «благородные», «свободные»).

ГЛАВА 2. КОПЬЕ И СЛАВА

Утро было ясным, но беспокойным. Над полями тянулись полосы дыма — не от пожаров, а от многочисленных костров, на которых с раннего рассвета варили кашу, кипятили воду, запаивали бронзовые пряжки. Над поселением витала атмосфера, которую не спутать ни с чем: войско готовилось в путь.

Таргил, бодрый, как будто не спал вовсе, разбудил Вейра еще до рассвета:

— Пойдем. Ты должен это видеть. Такое не покажет тебе ни один твой ученый манускрипт.

За валом поселения начинался широкий, покрытый туманом луг. Там, построенные в три широких линии, стояли аланские всадники. Коней обмывали, натягивали на них кольчужные попоны. Мужчины проверяли доспехи, затягивали ремни, опоясывались мечами. Звенели стремена, свистели плети, а где-то вдали уже глухо рокотала армия, готовая двинуться в поход.

— Это... — Вейр не договорил. Он был поражен.

— Это — мы, — сказал Таргил с достоинством. — Аланы. Воины кочевников, дети ветра и меча. Сегодня мы выходим навстречу Аттиле. Мы идем к римлянам — в лагерь Аэция.

— Аэций... — повторил Вейр. — Флавий Аэций, последний великий полководец Западной империи.

— Он и вестготы, — кивнул Таргил. — С нами Теодорих, король вестготов. Еще франки, бургунды, даже старые враги. Но сегодня все мы — одна рука. И в этой руке — копьё.

Перед войском на массивном вороном коне стоял всадник. Его фигура была высока и пряма, как копьё на знамени. Светло-русые волосы выбивались из-под кольчужного капюшона, черты лица были резкими, вырезанными будто ножом. Он отдавал команды — громко, четко, не оставляя пространства для сомнений.

— Кто это? — спросил Вейр, чувствуя, как сердце невольно замирает.

— Это он, — гордо сказал Таргил. — Наш вождь. Сангибан. Он поведет нас туда, где не каждый вернется, но каждый будет услышан землей.

— Можешь представить меня ему?

— Это непросто. Он не принимает всех. Но... ты чужой — и это, пожалуй, тебе поможет. Пойдем.

Когда они приблизились, Сангибан помотрел на них с высоты седла. Его глаза были цвета стали, но не холодной — кованой, натянутой, ждущей удара.

— Кто это с тобой, Таргил? — спросил он на чистой латыни.

— Странник. Ученый. Не просит ничего, не требует — только хочет понять, — ответил юноша.

Сангибан кивнул и спрыгнул с коня. Он жестом указал в сторону большого шатра, стоявшего в тени старого вяза:

— Пойдем. У нас есть немного времени.

Внутри шатра пахло шкурой, железом и пижмой. На грубом деревянном столе лежала карта — выцарапанная углем по тонкому пергаменту. Сангибан снял перчатку, вытер лоб.

— Итак, странник. Кто ты? Откуда?

Вейр сделал глубокий вдох:

— Мое имя — Эдвард Вейр. Я пришел из времени, где вы — часть великой истории. Я не воин и не пророк. Я наблюдатель.

Сангибан прищурился:

— Из другого времени? Значит, ты — сказитель или жрец?

— Ни то, ни другое. Я — ученый. Σοφιστή¹, если угодно. Время для меня не только поток, но и путь.

— Говоришь как грек, — усмехнулся вождь². — Но греческие слова не спасают на войне.

— Это правда, — кивнул Вейр. — Но могут объяснить, зачем она.

Он замолчал на мгновение, а затем задал вопрос, который принес с собой из XXI века:

— Почему вы — аланы — в союзе с Римом? С теми, кто некогда был вашим врагом?

Сангибан задумался. Ответ он дал на греческом — медленно, подчеркнута ясно:

— Чтоб одолеть одного врага, иной раз надо стоять рядом с другим. Мы аланы. Мы не римляне. Но сегодня мы вместе. Лишь бы не завтра — под гунном.

Вейра охватило волнение. Простая фраза — и такая бездна смысла.

— Вы мыслите шире, чем половина людей моего времени, — тихо сказал он.

Сангибан положил руку ему на плечо:

— Если выживу — поговорим еще. Мне будет интересно узнать, как нас помнят.

— Я приду. После битвы. В назначенный час. Я найду вас.

¹ Софист. В позднеримский или византийский период термин мог означать ученого, наставника или даже мага.

² Отношение римлян к грекам и греческой культуре было сложным, противоречивым — смесью восхищения, зависти, презрения и заимствования. Катон Старший презирал греков и говорил: «Греки — опасный яд для Рима». Ювенал язвительно критиковал греков в своих сатирических стихах.

— Только найди живого.

Туман лежал над полями густым покровом, укрывая землю. Но с первыми дыханиями ветра он начал отступать — медленно и бесшумно. Когда туман исчез и трава заблестела каплями росы, отряд начал свое движение.

Воины поцеловали детей, обняли жен, обняли отцов и молча сели в седла. Таргил сжимал копьё с такой силой, что его пальцы побелели. Он приблизился на коне к Вейру. Его силуэт, освещенный лучами солнца, четко вырисовывался на фоне утреннего неба.

— Я должен идти, — тихо сказал он. — Римские когорты уже там, вестготы — тоже. Аэций не любит ждать. Сказано: шесть дней — и мы должны быть на месте¹. Но мой брат останется с тобой. Он еще не допущен к оружию. Похлопочи о нем, если сможешь.

— Как его зовут?

— Ясфар. Ему пятнадцать. Он знает много — но еще не все. Учится быстро, говорит ясно. Думаю, он понравится тебе.

— Удачи, Таргил.

— Мы не желаем удачи. Мы желаем чести. И встречи.

Вейр кивнул, чувствуя, как в горле застряли слова.

Таргил смотрел на него немного дольше, чем следовало бы. В его взгляде была благодарность — и прощание, и, может быть, невысказанная просьба: сохранить память о них, если они не вернуться.

— Если степь поведет нас правильно — вернусь, — сказал он. — А если нет... Пусть она хотя бы вспомнит нас.

Он повернул коня. Ряд всадников уже вытянулся вдоль пыльной дороги. Всадник, державший в левой руке вар-

¹ Расстояние от Орлеана до предполагаемого места Каталаунской битвы (район города Труа или Шалон-ан-Шампань во Франции) составляет примерно около 150–160 км на восток/северо-восток.

заг¹, возглавлял аланский отряд. На длинном древке его копья была укреплена голова дракона с раскрытой пастью и острыми зубами. Голова была сделана из металла, покрашенного позолотой. Воздух, проходя сквозь полую пасть, раздувал прикрепленный к ней длинный хвост из алой ткани. За ним следовал Таргил, держа боевое знамя — изображение золотого орла с раскинутыми крыльями на черном полотне.

Когда они исчезли за холмом, Вейр все еще стоял неподвижно, провожая их взглядом.

Вейр остался в доме семьи Таргила — просторной юртообразной постройке, покрытой войлоком и укрепленной деревянным каркасом.

Внутри было тепло, пахло сушеной рыбой, тмином и кожей. Над головой сходились спицы-лучи, ведущие к отверстию в крыше, сквозь которое в небо уносился дым. За стенами стихли крики женщин, провожавших своих мужчин — теперь там дышала лишь тишина.

Ясфар зажигал лампу, обернутую в козью шкуру, чтобы свет не резал глаза. Делал он это спокойно, размеренно — будто ему не пятнадцать, а сорок. Потом вдруг сказал, не глядя на Вейра:

— Ты видел то, чего мы не знаем. Ты живешь не так, как мы. Расскажи... — Он поднял взгляд. — Откуда ты пришел? Как там... живут?

Вейр на мгновение задумался. Было странно подбирать слова для того, чего нельзя коснуться — только вспомнить.

¹ Воин с «варзагом» (штанدارтом-драконом), скорее всего, ехал в самом авангарде, чуть впереди строя, выполняя роль знака направления, движения и боевого духа. Воин с основным боевым знаменем (тканевым полотнищем рода, племени или вождя) обычно ехал позади или сбоку от него, в первом ряду, но на полкорпуса-корпус сзади, не заслоняя «варзаг» и не теряясь в строю.

– Я пришел из времени, которое ты бы назвал... временем стали и огня.

– Это далеко? – тихо спросил Ясфар.

– Очень. Настолько далеко, что в нем почти не осталось ничего от мира, каким он был здесь.

Ясфар слушал, не перебивая. Вейр продолжил:

– У нас есть машины, которые бегут по дороге быстрее ветра. Машины, что говорят. Свет, что идет с неба даже ночью. Люди летают выше облаков, а иногда и дальше, высоко в небесах.

– Тысячи коней?

– Машины. Разум, заключенный в железо.

Вейр помолчал. Потом добавил:

– Мы победили болезни. Строим города выше гор. Но оружие и войны у нас – не те, что здесь.

– Что ты имеешь в виду?

– Одним ядром можно стереть с лица земли целую страну.

Вейр вынул из складки ткани небольшой блокнот и медленно прочел на своем языке – негромко, почти шепотом:

*There will come soft rains and the smell of the ground,
And swallows circling with their shimmering sound¹...*

Ясфар слушал, наклонив голову, будто ловил не слова – ритм.

Вейр перевел:

Придут мягкие дожди, и запах земли,
И ласточки в круге прозрачной игры...
И ночь зашепчет о молодой траве,
И проснется весна на безмолвной листве.

¹ Стихотворение «Будет ласковый дождь», которое написала американская поэтесса Сара Тисдейл в 1920 году.

И птицы запоют, не зная беды,
Не вспомнив людей, их вины и войны.
Природа проснется — и не заметит,
Что нас уже нет...

Ясфар сидел неподвижно, глядя на свет лампы, обдумывая все то, что ему рассказал профессор.

— А теперь ты расскажи о себе, о жизни твоих людей, — попросил Вейр. — Расскажи про ваши обычаи и законы... Как звучит ваш язык.

— Тогда слушай. И не перебивай. У нас это считается дурным знаком, — тихо сказал Ясфар и сел ближе к профессору.

Вейр задал первый вопрос, тот, что звучал у него в голове с тех пор, как он очутился здесь:

— Откуда вы пришли в Галлию?

— С востока. С берегов Танаиса — ты называешь его Дон. Мы шли через Паннонию, сражались с готами, с сарматами, с кем угодно. Нас было много. Потом — меньше. Гунны гнали нас, как ветер гонит дым. Мы были в Испании, но пришли сюда. Рим принял нас — не из милости, а по нужде. Он дал нам земли. А мы дали ему копье.

— И вы стали федератами?

— Да. Союзниками. Но не римлянами. Мы остались аланами.

— А ваш язык?

— Старый. Похож на язык персов. Говорим коротко. Почти не используем приказы. У нас важен не звук, а тон. Мягкость может значить гнев. Твердость — уважение. Старших называем по имени и чину. Женщина входит — мы встаем. На младших по возрасту не кричим. Наказание — взгляд, а не крик.

— Ты можешь научить меня считать?

Ясфар взял прут и нацарапал на куске глины:

— *Aíva* — один. *Дувá* — два. *Терí* — три. *Чатáр* — четы-

ре. *Панза* — пять.

— А письменность?

— Своя — нет. Мы не пишем. Мы помним. Иногда кто-то учится у римлян, у греков — и тогда пишет. Но главное — слово. Забыл слово — потерял корни.

— А как вы живете? Внутри семьи?

— Ты видишь этот дом? Он круглый, как солнце. Это не просто удобство — это защита. Очаг — в центре. Там — женщина. Она хранит огонь. Вокруг — мужчины. По краям — оружие.

— Кто глава?

— Старший. Если он в походе — мать. Женщины у нас не носят меча, но голос их — как удар. Иногда страшнее меча.

— У вас строгий этикет?

— Простой. Старший или женщина входит — ты встаешь. Женщине не смотришь в глаза. Говорят — слушай. Слушаешь — не перебивай. Если кто-то говорит — даже если ты с ним не согласен — жди, пока он закончит. Потом — отвечай. Если говоришь резко — теряешь лицо.

— А как прощаетесь?

— Говорим: *«Земля под тобой пусть будет мягка»*. Это значит: живи долго и не скоро ложись в нее.

— Расскажи о вашей армии.

— Легкие всадники у нас — приманка. Гибкие, быстрые. Когда враг рассыпается — удар с флангов. Потом идут катафрактари. В броне. Люди и кони — одно тело. Их не остановишь щитом. Только копьем — и то не всегда. Даже римляне боятся их.

— Степь велит держать себя в форме? Готовитесь встретить врага?

— Каждый день. С детства. На шестом году — первый лук. На седьмом — скачка без седла. На восьмом — первые удары. Копье дает отец. Но если ты уронил его в первом бою — тебе не дают второго. Это стыд.

– А перед боем вы поете?

– Да. Мы поем. Чтобы сердце не дрогнуло. Если погребальный огонь – тогда поем молча. Потому что мертвые слышат тишину лучше, чем слова.

– Почему вы так все помните? У вас ведь нет ни книг, ни летописей.

– У нас есть старики. Они – как книги. С ними нельзя спорить. Их надо слушать, пока они живы. Если умер старик, который знал твой род, – ты стал сиротой. Даже если у тебя есть мать и отец.

– А что помнишь ты, Ясфар?

Мальчик посмотрел прямо в глаза:

– Я помню, как отец держал меня на седле. Я помню, как Таргил учил звать коня по имени. Я помню, как мать сказала: *«Если забудешь, кем ты был, – ты станешь тем, кем тебя назовет враг»*.

Закончив свой рассказ, Ясфар бросил внимательный взгляд на Вейра и вдруг спросил:

– А в том времени, о котором говорится в твоих стихах, – есть мы, аланы?

– В каком-то смысле да, – ответил Вейр. – Вас помнят. В хрониках, в надписях. Но вы – словно шепот среди грома.

Вейр на минуту замолчал, глядя на угасающий свет лампы. Потом, словно преодолев внутренний рубеж, заговорил:

– Я хочу рассказать тебе одну вещь, Ясфар. То, что мне самому трудно осознать... но ты должен это знать.

– Говори, – тихо ответил мальчик.

– Все, что ты мне сейчас рассказал – о языке, о памяти, о всадниках и вере, – все это не исчезло. Не пропало бесследно. Но вас ждет страшное испытание... через несколько веков.

Ясфар напрягся. Он не испугался – просто стал тише, как делают люди, когда слушают судьбу.

— Будет человек... его будут звать Тимур, или, как называли его ваши потомки, — Темир-Куады, Железный Хромец. Он придет с востока, как буря. Он разрушит ваше царство на северном склоне Больших Гор, которые греки называют Kaukasos.

— Горное царство... разрушено? — прошептал Ясфар.

— Почти. Городов не останется. Те, кто жил в степях, будут убиты или рассеяны. Одни уйдут далеко на запад, к землям франков, другие — в восточные пределы. Те, кто пересек Галлию — пройдут дальше на юг, в земли, которые римляне называют Hispania. Они объединятся с вандалами — племенем северным и грозным, вместе с ними пересекут Геркулесовы столбы и переправятся в Африку. Там, на руинах римского владычества, они создадут королевство вандалов и аланов (Rex Wandalorum et Alanorum), со столицей на земле древнего Карфагена. На знаменах королевства два зверя: белый волк на черном поле, и черный вепрь с оскаленными клыками на золотом поле. Один — напоминание о беспредельных просторах степей, другой — воплощение ярости лесного зверя. Это знамя — символ союза, пусть и временного, но грозного, несущего смерть и страх. Они будут царствовать среди оливковых рощ и песков, пока не придут другие — из Византии.

Некоторые из них окажутся даже в Китае. Они будут служить в армии великого императора Кублай-хана — того, кого вы назовете Хон-Боша, Повелитель Звезд. Аланская гвардия станет его гордостью. Но пройдут века, и их начнут называть иначе — асуты. Они растворятся среди других, и останется лишь память в названиях, в песнях, в лицах.

Ясфар смотрел на Вейра широко раскрытыми глазами. Он молча слушал, не перебивая профессора.

— Но будет еще одна часть — малая, — продолжал Вейр. — Они укроются в горах. В ущельях, на склонах, где пасутся серые бараны и прячется от ветра огонь. Там они

выживут. Сохранят язык. Обычаи. Песни. Законы гостеприимства и старшинства. Это твои потомки, Ясфар. Их зовут осетины. Они помнят вас. Они называют себя Ирон. Это от вашего слова «Ариан¹» – «свободные».

Губы мальчика дрогнули:

– Значит... мы не исчезнем?

– Нет, – мягко сказал Вейр. – Вы будете жить в голосе их сказителей. В изгибе горной песни. В ударе копыта на камне. В имени Сангибана, которое не забудется. В вас живет не просто слово – в вас живет память. Она как река под землей: ты не видишь ее, но именно она дает силу деревьям, травам, земле. Она питает вас изнутри, даже если вы забыли, как ее назвать.

Ясфар кивнул, словно услышал что-то очень важное и очень личное.

– Ты скажешь это Сангибану? – тихо спросил он.

– Обязательно, – ответил Вейр. – Когда вернусь в его шатер – если он будет жив – я расскажу ему, что его народ не исчез. Что вы – остались. Пусть не все, пусть в другом имени. Но с тем же сердцем.

Ясфар закрыл глаза и произнес по-алански:

– Фарнай фасар (да будет твоя жизнь счастливой).

¹ Слово «аланы» происходит, вероятно, от иранского корня агуāна / аlān, которое может быть связано с понятием «благородные», «свободные», «люди» (ср. «ариане», «иранцы»).

ГЛАВА 3. ТРОПА СУДЬБЫ

К утру в поселение прибыл всадник с посланием от Сангибана. Он появился из утреннего тумана, словно силуэт, вырезанный из дыма.

Гонец молча спешил, раскрыл свернутый свиток, перевязанный веревкой из конского волоса, и вручил его старейшине. Затем он, не дожидаясь, пока ему поднесут воду или начнут задавать вопросы, опустил на землю, прислонился к шатерному шесту и задремал...

Старейшина прочел вслух:

– «От Сангибана, сына Ярбата, вождя рода. К тем, кто остался. Гунн стоит прочно, и одного копыя мало. Пусть те, кто могут держать оружие, придут ко мне. Пусть те, кому не суждено быть забытым, пойдут по тропе судьбы. Мы держим рубеж. Но чтобы победить – нужно больше, чем сталь. Нужно сердце».

И сердце поселения забило сильнее.

Ясфар узнал первым о прибытии посланца. Уже к полудню он собрал двадцать человек – сверстников, подростков и юношей, с которыми играл в охотников, потом сражался деревянными палками. Теперь палки сменились на настоящие копыя.

– Я поведу их сам, – сказал он Вейру, стоя у стойла, где его конь щипал сено. – Я старший среди них. Я знаю

путь. А еще я дал слово.

— Кому?

— Самому себе.

Вейр молчал. Он чувствовал, что это прощание.

— Мы не думаем о смерти, — продолжил Ясфар. — Мы просто делаем то, что велит род. Перед боем у нас есть обряд. Ты хочешь знать — слушай.

Он подвел Вейра к кругу, выложенному камнями. Внутри — тлеющий уголь, сухие травы, копченая ветвь и узел шерсти.

— Это круг рода. Каждый воин, прежде чем уйти, входит в него один. Он бросает туда три вещи: траву — символ земли, на которой он родился. Ветку — знак дыхания своего отца. И шерсть — чтобы дух его коня был рядом. А потом он говорит имя своего предка, самого первого, кого помнит. Это как ключ, чтоб в загробном мире его узнали.

— Это как молитва?

— Это не молитва, — покачал головой Ясфар. — Это... связь. Нам не нужно просить богов. Мы — часть их дыхания. Мы просто напоминаем себе, кто мы.

Он подошел к коню, провел рукой по шее.

— Ты думаешь, мы любим смерть? Нет. Но мы не боимся ее. Наш конь знает путь. Даже если тело пало, он донесет дух в нужное место. Мы храним имена мертвых, потому что, если их забыть, — погибнем и мы.

Он достал небольшой инструмент, вырезанный из кости птицы, с ремешком на запястье. Присел на колени и заиграл.

Звук был странный — не мелодия, а словно пульс ветра. То выл, то падал вниз, то снова поднимался, как скачка по холмам. Это была не песня для ушей. Это была песня для груди. Там, где пульс встречается с душой.

— Так мы уходим, — сказал он. — Не с криком. С песней. Она сопровождает нас и ведет назад. Или вперед.

— Что ты скажешь им перед боем? — спросил Вейр, бросая взгляд на собранный Ясфаром отряд.

— Только одно: *«Вы не дети. Вы имя рода. Не бойтесь. Бойтесь быть забытыми»*.

Он замолчал, потом посмотрел в глаза Вейру:

— Я не знаю, вернешься ли ты в свое время. Но если вернешься — расскажи про нас. Не как про дикарей в кольчугах. А как про тех, кто знал, зачем живет. И зачем — умирает.

— Я обещаю.

— Прощай, странник.

— Да хранит тебя дорога, — тихо сказал Вейр. — И пусть земля под тобой будет мягка.

Ясфар кивнул, вскочил в седло. За ним — двадцать юношей. Ни крика, ни горна. Только легкий ритм копыт по утренней, покрытой росой земле. Как если бы сама земля их звала — и они отвечали.

После их ухода в поселении стало тихо. Остались лишь женщины и старики. Тишина не принесла покоя — она растянулась, как тугая струна, натянутая ожиданием.

Вейр вспомнил слова Таргила: «Мы не боимся смерти. Мы боимся быть забытыми».

В этом была вся суть. В этом — вся психология аланского воина.

Чечь — выше выгоды. Память рода — сильнее приказа. Смерть — не конец, если о тебе помнят. А союз — свят, если защищает твой народ.

Он стоял в одиночестве на холме и видел, как исчезают вдали темные силуэты — двадцать один всадник. Последний поднял руку. И в этот миг Вейр понял: даже если один из них выживет — будет жить весь род.

А если погибнут — их запомнят. Потому что память — это тоже оружие. А аланы не бросают оружие.

ГЛАВА 4. СОЮЗ НА ЛЕЗВИИ МЕЧА

Когда последняя пыль от копыт отряда Таргила осела за холмами, Вейр остался один среди опустевших шатров. Он знал: дальше ждать бессмысленно. Все живое, все настоящее теперь было там – в лагере, где собиралось войско, не имевшее себе равных со времен Ганнибала. И там же – ответ на вопрос, что сильнее: меч или союз.

Вейр активировал манипулятор пространственного блока, перевел его в режим телепортации и задал координаты перемещения: *июнь, 451 год н. э., Дурокаталаунум¹, римский военный лагерь*. Через несколько секунд он оказался возле лагеря, где стояли союзные войска.

Лагерь раскинулся на высоком плато над долиной, как огромная язва на коже земли. Пыль, копоть, блеск щитов, клекот знамен. Шатры тянулись рядами – как улицы города, которого нет на картах. Коней было столько, что земля дрожала от стука их копыт. Пахло потом, лошаадьми, кострами и... тревогой.

¹ Durocatalaunum – это античное название современного города Шалон-ан-Шампань (Châlons-en-Champagne) во Франции.

Вейр вышел из-за холма и почти сразу был остановлен дозорными. Один из них, римский легионер с пергаментным лицом, указал копьем на него:

— Кто ты и откуда? Без оружия, в одежде грека, но не грек...

— Я странник, — спокойно сказал Вейр, переходя на латынь. — Послан не за смертью, а за знанием.

— Значит, философ? Кем ты подослан?

— Пусть будет философ. Меня ждет вождь Сангибан. Он знает, кто я.

После короткой проверки и растянутого ожидания Вейра все же пропустили в лагерь. Его провели между рядами шатров от одного народа к другому: франки — грубые, шумные, пахнущие болотом; бургунды — в мехах, с тяжелыми бородами; вестготы — с прямыми спинами, холодными взглядами; и, наконец, аланы — те, кого он уже знал. Их шатры были строги, как их лица, и тишина между ними — как натянутый лук.

Над вечером вспыхнула ссора.

В центре лагеря, у общественного костра, стояли трое вестготов и несколько алан. Между ними — жаркая перебранка, нараставшая с каждым словом. Сначала — взгляды. Потом — окрик. Затем один из вестготов толкнул плечом молодого алана. Тот сразу выхватил свой акинак¹.

— *Вы получили нашу землю — теперь хотите и наш воздух?!* — рявкнул вестгот.

— *Мы заплатили кровью. Вы — только обещаниями!* — бросил в ответ ему алан.

Началось бы настоящее побоище, если бы не вмешался всадник в красном плаще в сопровождении двух легионеров. Он поднял руку, и даже огонь в костре будто на миг затих. Вейр сразу догадался, это был Флавий Аэций — по-

¹ Акинак — короткий прямой меч с костяной рукоятью.

следний великий полководец Западной Римской империи, прозванный «последним римлянином» (Ultimus Romanorum). Его карьера — череда блистательных побед и сложных политических интриг.

— Что вы делаете? — его голос звучал тихо, но непреклонно. — Аттила — в двух днях отсюда. Его кони пьют из Секваны. А вы хотите биться между собой, словно дети? Все замерли.

— Вы не друзья и не обязаны ими быть. Но вы — союзники. Сегодня. Сейчас. И вы либо встанете вместе, либо умрете поодиночке. Гунн не разбирает, кто кому брат или враг.

Он повернулся к алану и готу:

— По рукам. Или по щиту¹.

Оба молча протянули руки. Слишком резко, чтобы быть искренне. Но достаточно, чтобы пыль не окрасилась кровью.

Позже в шатре Сангибана Вейр рассказал ему, что видел.

— Вы рядом, но смотрите в разные стороны, — сказал он. — Союз держится не на дружбе, а на страхе перед жестокостью гуннов, — сказал ему Вейр.

— И это уже много, — ответил Сангибан. — Мы с вестготами — враги. Они мечтали выдавить нас с земель в Аквитании. Мы брали у них, они у нас. Рим кормил нас крохами, натравливал друг на друга. А теперь... теперь мы стена. Пока. Потому что если не стена — то пропасть.

— Аэций специально поставил ваши шатры рядом?

¹ «По рукам» — это призыв примириться, заключить союз, как это делали раньше — через рукопожатие или символическое согласие. «Или по щиту» — это предупреждение: если не договоритесь мирно, то придется биться друг с другом и щит станет не знаком дружбы, а частью военного столкновения.

— Конечно. Он умен. И коварен. Он знает, если нас разъединить — мы не соберемся. Он поставил меня ближе к вестготам, а бургундов — по флангам. Франков держит на цепи. Это политика, а не порядок боя.

Вейр задумался:

— Значит, вся армия — на лезвии меча?

— Не армия, — сказал Сангибан. — Сам союз. Завтра кто-то падет. Возможно, я. Возможно, Теодорих. Возможно — все мы. Но если хотя бы один останется и продолжит, то все не зря. Мы встали не ради славы. А чтобы *не дать чужим назвать наши земли своими*.

Поздно ночью Вейр вышел к холму. Внизу, у реки, мерцал другой лагерь — гуннский. Там, у Секваны, располагались шатры Аттилы. Он использовал возвышенности для защиты, но это не спасет его от наступления. Если союзники ударят первыми — есть шанс. Если начнут спорить — они погибнут.

Вейр смотрел на огни вдалеке и думал: «Иногда самый страшный враг — не тот, кто напротив, а тот, кто рядом». Он снова вспомнил Таргила, его песню, взгляд Ясфара, руку Сангибана на плече.

«Чтоб одолеть одного врага — иной раз надо стоять рядом с другим...»

Союз — хрупок. Но когда лезвие касается горла — хрупкость исчезает. Остается только сталь.

ГЛАВА 5. ПОЛНОЧНАЯ КЛЯТВА

Ночь перед боем давила тишиной. Небо застыло над лагерем – глухое, твердое, словно высеченное из камня. Казалось, даже звезды не смели шелохнуться.

У костров сидели люди – молча, с опущенными головами, будто слушали не треск огня, а собственные мысли. Кто-то перебирал оружие, кто-то беззвучно смотрел на языки пламени.

Лошади тревожно переступали с ноги на ногу, фыркали, вздрагивали от каждого шороха. В темноте за пределами лагеря что-то тихо шуршало – может, ветер в траве, а может, глаза, следящие из мрака...

Вейр ходил между шатрами, чувствуя, как напряжение обволакивает все, словно холодная вуаль. Ни крика, ни шутки – только звяканье металла, приглушенные молитвы и один общий взгляд – внутрь. Каждый воин, даже самый молодой, понимал: наступающий день может для него оказаться последним...

У большого костра в центре лагеря аланы выложили круг из камней. Вокруг него сидели мужчины. Кольчуги расстегнуты, щиты прислонены, мечи воткнуты в землю. Огонь освещал их лица снизу, и они казались выбитыми из меди – суровыми, неподвижными.

Круг был священным. В него входили босиком, с открытыми ладонями. Каждый аланский воин приносил с собой три символа: горсть земли с места, где он родился; кусок конской гривы — как часть духа боевого коня; и старую вещь от предка — перстень, кусок кольчуги, амулет. Эти предметы складывали в центре круга как жертву памяти. Над ними — дым¹. И через дым — слова, произнесенные в тишине: «Моя дорога — моя честь!»

Затем, сжимая ладонями древко копья, каждый называл имя своего предка и затем произносил: «Не моя честь — а честь моего рода...»

Сангибан стоял у огня, положив руку на древко копья. Его лицо не было суровым — оно было внимательным, как у воина, знающего цену слову. Он подождал Вейра после клятвы.

— Завтра ты увидишь бой, который навсегда впишет нас в историю, — сказал он. — Но знаешь ли ты, как нас запомнят?

Вейр медленно кивнул:

— Именно об этом я и хотел с тобой поговорить, храбрый вождь Сангибан. Я обещал одному человеку, Таргилу, рассказать тебе о будущем. Он ушел в бой с твоим именем в сердце. Он хотел, чтобы ты знал — аланы не исчезнут. Вас ждут испытания. Вас попытаются уничтожить. Ваше царство будет разрушено воином, которого назовут Темир-Куады. Но вы не исчезнете. Часть уйдет на запад. Другая окажется даже в Китае, в стане хана Кублая. Там аланы станут его личной стражей и потом будут называться асутами. И только те, кто уйдет в горы, сохранят все —

¹ Конкретно такой обряд в исторических источниках не зафиксирован. Но все три его элемента — почитание предков, связь с землей, священная роль боевого коня — исторически обоснованы и соответствуют духу аланской (и шире — ирано-кочевой) культуры.

язык, дух, честь. Их будут звать осетинами. И они будут помнить вас. Имя Сангибана останется в веках. О тебе будут говорить — с восхищением, с уважением, как о том, кто не отступил, даже когда весь мир шатался под ногами.

Сангибан молчал. Потом поднял глаза. В них не было торжественности — только благодарность.

— Спасибо. Ты не мог сказать мне ничего более важного. Это... лучшее ободрение перед боем, какое я слышал в жизни. И если завтра я паду — то только с мечом в руках и твоими словами в груди. После такого я не знаю страха. Пусть Аттила сам дрожит.

Они замолчали на миг. Потом Вейр сказал:

— Я еще хочу сказать тебе кое-что. Передать тебе советы. Да, я не воин. Но я видел много. И читал больше. В моем времени сохранились сведения об этой битве. Мало, но достаточно, чтобы попробовать помочь тебе... если ты сочтешь нужным.

Сангибан поднял брови. Вейр продолжил:

— Необходимо укрепить фланги. Особенно границу между тобой и вестготами. Промежутки между союзниками — слабое место. Там часто прорываются конные отряды. Если можно — поставьте баррикады, частоколы, даже повозки. Пусть даже это будет выглядеть грубо, но это сдержит первый удар. Используй холмы — займитесь ими первыми, не дай гуннам развернуться. Они опираются на маневренность. Забери у них рельеф — и ты их ослабишь. Избегай разногласий между командирами. Я знаю, что Теодорих тебе не доверяет. Но пусть хотя бы Азций будет посредником. Если разорвется линия — все погибнет. Напомни воинам, что гунны не берут пленных. Никого. Это должно сделать ваших воинов злее. Жестче. Ярость тоже бывает оружием.

Он на миг остановился, словно подбирая слова.

— Если есть возможность — ударьте по обозу. Гунны живут грабежом. Без добычи они теряют волю. Сожгите их

лагерь — и через день они начнут голодать. А еще... если выпадет шанс — убей Аттилу. Да, это трудно. Но если получится — армия развалится. Лучшие конные стрелки у тебя. Дай им этот приказ. И последнее... если Теодорих падет — пусть его сын Торисмунд не отступает. Пусть не рвется к лагерю за добычей. Пусть контратакует. Только тогда гунны будут разбиты окончательно.

Он замолчал.

— Я понимаю, многое из этого не в твоих силах. Но... постарайся. Если хотя бы часть удастся — ты приблизишь победу.

Сангибан слушал, не перебивая. Потом медленно кивнул:

— Мне говорили, что ты странник. Но теперь я вижу: ты и вестник. Не все советы можно исполнить — но я сделаю все, что в моих силах. А если погибну в бою — я хотя бы знаю, что моя смерть не будет пустой.

Он приложил ладонь Вейра к древку знамени.

— Ты обещал. Если оно упадет — ты спасешь его?

— Да. Клянусь.

Из-за стены шатра появился старый воин, седой, с лицом, рассеченным временем.

— Погибнуть — не значит быть побежденным, — сказал он. — Но если знамя падет — позор живет дольше, чем рана. Ты не из наших. Но если ты возьмешь долг — он станет твоим.

И Вейр понял — он уже этот долг взял.

Позднее, ближе к полуночи, он наблюдал, как аланские воины исполняли личные обряды. Один вбивал свое копье в землю и медленно обходил его трижды — прощаясь с самим собой. Другой привязывал к гриве коня мешочек с землей — «если я не вернусь, он найдет путь домой». Кто-то чертил на груди углем знак солнца с тремя лучами: «Родился. Сражался. Ушел». Кто-то пел шепотом:

«Огонь — это путь и пыль. Память — это слово. Я — среди чести».

Когда первые лучи солнца разлились над горизонтом, Вейр стоял на краю лагеря. За его спиной шевелились знамена, скрипели ремни, воины вставали в строй.

Туман лежал у самой земли, стелился между щитами и копытами, будто земля сама не хотела отпускать тех, кто собрался на бой. Но солнце поднималось, и вместе с ним — воины.

Аланы строились молча. Без приказов, без криков. Каждый знал свое место. Они выстраивались в широкую дугу, в центре — тяжелая конница с покрытыми броней конями, по флангам — всадники налегке. Щиты поднимались на уровень плеч, копыта выдвигались вперед. Ветер шелестел по полотнищам боевых аланских знамен.

Среди копий поднимался варзаг — боевой дракон из бронзы и алой ткани. Он трепетал на ветру, как зверь, жаждущий битвы.

Вейр стоял в стороне, среди старейшин и оруженосцев. Он видел, как воины выстраивались в шеренгу, как между ними проходил один из старейших воинов — и в его руке была чаша, обведенная алой лентой. Каждый воин касался ее пальцами — кто-то шептал слова, кто-то молчал. Это была последняя клятва.

И вдруг в строю раздался голос — глубокий и певучий, будто забытая молитва степи.

Ветер идет — мы идем за ним.

Конь подо мной — брат мой до конца.

Кровь не страшна, если честь — жива.

Копье вперед — и пусть дрогнет враг.

Голос подхватили другие — сперва негромко, затем с силой, как будто слова сами жили в крови этих людей.

*Степь за спиной – это мать и щит.
Знамя в руке – это рода свет.
Пламя в груди – это путь в бой.
Падешь – не страшно. Страшно – забыть.
Славу роду несем – не себе.
Имена наши – в голосах коней.
Солнце взойдет – и пусть не для нас.
Но будут знать: мы стояли здесь.*

Песня постепенно перешла в речетатив – тяжелый, шаговый, ритмичный. Как удары мечом по щиту.

*Ветер – за нами!
Конь – подо мной!
Кровь – не боимся!
Бьемся с судьбой!
Степь – это память!
Знамя – в руке!
Род – за плечами!
Слава – в седле!
Вперед – без страха!
Плечом – к плечу!
А если падем –
Слава мечу!*

Вейр слушал, не смея дышать. Эти слова были чужими и – невероятно близкими. В них звучала древняя правда, потерянная в его времени: что сражаются не за приказ, не за корону – за то, что живет в сердце. За имя. За степь. За тех, кто рядом.

И в этот миг он понял: эти воины уходили не просто в бой. Они делали шаг в легенду.

ГЛАВА 6. КАТАЛАУНСКИЕ ПОЛЯ

Солнце поднялось над Мориакскими холмами — медленно, как стяг, развернутый богами. Каталаунские поля раскинулись под ним, словно гигантская арена: волнистые равнины, поросшие желтой травой, пересеченные ручьями, с невысокими каменистыми грядами, откуда можно было наблюдать все поле боя.

С восточной стороны, вдоль берега Секваны, располагался лагерь гуннов. Тесные ряды шатров, кони на привязи, всадники с кожаными доспехами и короткими луками — все говорило о подвижности и беспощадности. Их вождь, Аттила, стоял у высокого кургана, окруженный своей гвардией. Он не отдавал приказов — он ждал. Его армия, как натянутый лук, хранила молчание, прежде чем выпустить стрелу.

С противоположной стороны стояли союзники. Лагерь римлян с латинской четкостью чередовался с шатрами франков и бургундов. На правом фланге — вестготы, тяжелооруженные воины в длинных плащах и с широкими щитами. В центре — аланы, рядом с римскими когортами. Их кони уже били копытами, дрожащие от напряжения и пота, чувствуя скорое начало сражения. За ними в тени боевого знамени с солнцем стоял вождь аланов Сангибан.

Вейр стоял чуть в стороне в своей защитной оболочке, невидимой для остальных. Но Сангибан знал, что Вейр здесь. А рядом с ним — устройство, способное за миг перенести его туда, где произойдет то, что не должно случиться.

— Скоро, — громко произнес Сангибан.

Тишина перед бурей длилась недолго. Первый клич — сигнал рогов, призывающих к атаке, разнесся с высоты. Ветер переменялся. И тогда... Битва началась.

Гунны первыми пустили стрелы. Они сыпались с неба как мелкий град. Легкие всадники аланов метнулись вперед, чтобы рассредоточить фронт. Их задача — вызвать ответ и увлечь врага на себя. Они играли роль танцующих перед бурей. За ними — тяжелые ряды катафрактариюв, пока скрытые за колоннами пеших воинов.

С флангов в бой вошли вестготы и франки. Земля дрожала под ногами. Вейр, стоявший на наблюдательном холме, видел, как сплетается сталь с криком, как линии сходятся и распадаются. Это был не бой — это было землетрясение. Земля дрожала и гудела, не выдерживая веса живых тел и железа.

От горизонта до горизонта все шевелилось и дышало — лязг доспехов, топот тысяч копыт, крики, сливавшиеся в один гул. Воины не шли — они неслись как лавина, как волна, поднявшаяся над полем и рухнувшая с грохотом.

Небо потемнело от копоти, пыли и стрел, тянувшихся в воздухе, как рои черных пчел. Люди сражались в тесноте, где уже не было места ни для страха, ни для пощады — только сталь, плоть и кровь.

Каждый удар меча отзывался эхом, каждый крик тянулся, как струна, рвущаяся в сердце. Кто-то падал, кто-то кричал, кто-то продолжал идти вперед, не замечая, что уже ранен. А земля под ногами жила своей жизнью — то звенела от копыт, то хлюпала кровью, то рассыпалась в пыль от тяжести тел.

Поле боя больше не было полем — это была живая масса, дышащая болью, ревущая яростью. Лагеря дрожали, знамена трепетали, и даже солнце, казалось, отклонилось от небесной дуги, глядя на бой с испугом.

Аланская конница долго не двигалась. Они ждали.

Сангибан вскинул копье, и его голос прорезал воздух:

— Брата дар! Варгта! Братья вперед!

Кони дрогнули, боевой клич аланского вождя пронесся над равниной, и поле отозвалось эхом — как будто сама степь пошла в бой вместе с ними. И тут — как лавина с гор — в бой пошли катафрактари. Вначале медленно, тяжело, с глухим звоном они тронулись вперед. Люди и лошади в броне были похожи на ожившие металлические статуи, их копья были направлены вперед, шлемы блестели. Они двигались как единое существо. Вперед. Все быстрее. Все тяжелее. С каждым шагом — гул, как грохот грома. И вот — удар.

Первый ряд гуннов смяло. Стена рухнула. Кони летели, стрелы рассыпались во все стороны. Аланская сталь вонзалась в сердца врагов. Там, где проходили катафрактари, оставалась вспаханная земля и мертвые тела.

Вейр переместился ближе, чтобы следить за знаменем.

Таргил был в центре удара. Он держал в одной руке боевое знамя, а в другой руке меч, поражая окруживших его со всех сторон гуннов. Потом Таргила сбили с лошади и он исчез в пыльном вихре.

И тогда Вейр понял: момент настал.

Мгновенно активировав перемещение, он оказался возле Таргила. Тяжелораненый Таргил лежал на земле, сжимая обеими руками знамя.

— Я не уроню его... никому не отдам... — прошептал он, едва узнавая Вейра.

— Ты и не должен, — ответил Вейр, присев рядом. — Я здесь. Ты сделал все.

Он осторожно попытался взять у Таргила знамя. К его удивлению, ткань знамени была цела. Рука Таргила дрожала, но не отпускала древко. Лишь когда Вейр коснулся его руки – он едва слышно произнес:

– Передай его... передай Сангибану...

– Я передам.

Он включил защитный модуль, поднял знаменосца вместе со знаменем и исчез в следующую секунду, переместившись за линию аланского войска. Там он передал знамя молодому воину. Тот, ничего не спрашивая, прижал его к себе и пошел обратно в бой.

Вейр снова наблюдал за полем боя. Сражение кипело.

На другом фланге Теодорих, король вестготов, с мечом в руке вел своих воинов в атаку. Его голос был громче боевых рогов. Он врезался в левое крыло гуннской армии как буря, пробивая ряды врага.

Но вдруг его конь споткнулся. Теодорих упал. Не успел подняться – копыто гуннского коня ударило прямо в шлем. Вестготы бросились к нему, чтобы спасти его, но было уже поздно. Так пал тот, кто вел своих воинов, не ведая страха. Так завершилась жизнь, ставшая знаменем.

Вестготы, еще не знавшие, что их король убит, продолжали наступать. Его сын Торисмунд – молодой, пылкий, полный отцовского огня – ринулся в бой. Он вел людей с яростью, но, увидев отступление гуннов, свернул к вражескому лагерю в надежде захватить добычу.

Вместо решающего удара в спину вестготы выбрали грабеж лагеря гуннов, вместо победного удара образовался разрыв фронта.

Аттила отступил. Его орда ушла. Она не была разбита, но была остановлена. Поле осталось за союзниками. Но ликующих не было.

Сражение длилось до наступления ночи. Земля была устлана телами. Воздух густел от тяжелого запаха крови. Последние лучи солнца скользили по копьям и щитам.

Вейр вернулся к Таргилу. Тот был жив — бледный, изможденный, но в глазах горел свет.

— Ты видел? — прошептал он.

— Я видел все.

— Тогда расскажи. Всем. Как мы встретили смерть — не дрогнув.

— Обязательно, — ответил Вейр. — Не сомневайся, я все расскажу.

Ночь опустилась над Каталаунскими полями. Полями, на которых никто не победил. Но погибшие остались непобежденными...

ГЛАВА 7. НАЗАД СКВОЗЬ ПЕПЕЛ

Каталаунское поле молчало.

Не от спокойствия — от истощения. Солнце поднималось над холмами, освещая изломанную землю, на которой больше не было цвета. Все стало серым: трава, лица, металл. Тела лежали рядами — там, где шли атаки, где падали знамена, где дрожала земля. Никакие книги, никакие летописи не могли передать этот воздух, в котором больше не осталось ни битвы, ни мира — только пепел.

Вейр стоял на одном из холмов рядом с остатками аланского лагеря. Он видел, как воины собирали погибших. Некоторые — с именами. Другие — без. Тела складывали на плащах, уводили коней. Копья ставили рядом с упавшими, вонзая их в землю как стражей сна. Сражение выиграло. Но кто может назвать это победой?

Сангибан появился среди дыма, хромя. Его доспех был исцарапан, плащ в крови. Лицо иссечено. Но он шел прямо, как и прежде.

Он увидел Вейра и только кивнул. Не было нужды в словах.

— Ты спас его? — спросил он через минуту.

— Да, — ответил Вейр. — Таргил жив. И знамя уцелело.

Закрыв глаза, Сангибан медленно втянул в себя воздух, будто собираясь с духом. Затем повернулся к воинам, которые стояли в кругу, без слов ожидая от него хоть чего-то — приговора, объяснения, смысла.

— Они остались здесь, — сказал он. — Чтобы мы могли идти дальше.

Никто не ответил. Но в глазах тех, кто выжил, блеснуло: не слезы — стойкость. Воля. Память.

Они разошлись, не оглядываясь. И каждый унес с собой часть этой земли.

Сангибан и Вейр остались одни. Они сидели у затухающего костра, в котором догорели последние щепки сломанной повозки.

— Он поверил, — сказал Сангибан. — Аттила. До последнего момента он думал, что мы перейдем к нему. Аэций все рассчитал. Я получил приказ участвовать в переговорах — изображать колебание, допустить возможность предательства. И слухи пошли. Гунны ждали. Думали, что мы переменим сторону на поле боя.

— Но вы не перешли, — сказал Вейр.

— Нет, — твердо ответил вождь. — Мы остались. Мы выбрали — не Рим, не готов — себя. Свой долг. Свою линию между двумя безднами.

Они замолчали.

Потом Вейр заговорил снова:

— Все было на грани. Выдержка союзников, стойкость центра... И все же вы позволили Аттиле уйти. Это была главная ошибка Аэция.

Сангибан кивнул — не сразу:

— Я знаю. Мы не добились их. Он ушел. Значит, вернется. Все, что мы делали, — лишь отсрочка.

— Победа была возможна, — сказал Вейр. — Но она требовала большего: преследования, решимости, бескомпромиссной дисциплины. Если бы союзники не разошлись в разные стороны... если бы Торисмунд ударил

в спину, а не ринулся к добыче... если бы Аэций пошел до конца.

— Аэций выиграл битву, — тихо произнес Сангибан. — Но проиграл войну за будущее Рима.

— За ваше, — добавил Вейр. — И за свое.

Сангибан посмотрел на него. Долго.

— А ты? Ты теперь уходишь?

Вейр кивнул:

— Да. Мне нужно вернуться. Я обещал рассказать. О вас. О знамени. О том, что вы сделали, когда мир стоял на грани. Это не должен быть пепел — это должно быть семя.

Сангибан встал как воин, принимающий удар.

— Тогда иди. Скажи им: мы были здесь. Не для славы. Для того, чтобы хоть кто-то мог жить без страха. И если придет другой враг — мы встанем снова.

Они пожали руки. По-мужски. Без слов. На прощание.

Вейр отошел в сторону. Смотрел последний раз на поле, где судьба континента прошла по телам, как по ступеням. Затем активировал капсулу.

Вспышка. Пространство смялось. И он исчез.

Каталаунское поле лежало в молчании. Победа была. Но победителей не было. Только выжившие. И те, кто запомнят.

ЭПИЛОГ

Фрагменты записи публичной лекции профессора Эдварда Вейра, прочитанной в Английском академическом обществе (Cambridge Union Society) при Кембриджском университете 3 декабря 2023 года.

«...Сегодня мы говорим о народе, почти исчезнувшем со страниц школьных учебников, но некогда сыгравшем ключевую роль в судьбе Европы. О тех, кто не строил империй, но остановил тех, кто мечтал поглотить все. О тех, кто звал себя аланами».

Пауза. Профессор Вейр достает из кармана круглый бронзовый амулет с изображением солнца и кладет его на кафедру.

«Этот амулет мне подарил юноша по имени Таргил. Я знал его всего несколько дней, но он успел научить меня большему, чем многие тома в библиотеке. Он был аланом – таким, какими они были накануне Каталаунской битвы: гордыми, сдержанными, стойкими. Их знамя я держал в руках, когда оно почти упало в пыль».

«После 451 года судьба аланов разделилась, как и их ря-

ды в том бою. Кто пал, кто ушел, кто скрылся в горах. Часть вместе с вандалами пересекла Испанию, достигла Северной Африки и в 429 году участвовала в создании Алано-Вандальского королевства. Хотя аланская знать долго сохраняла свое влияние при дворе короля Гейзериха, к VI веку они исчезли с политической сцены».

«Но были и другие. После нашествия Темир-Куады – так аланы называли Тамерлана – уцелевшие с востока двинулись на юго-запад. Некоторые достигли Венгрии. Там, в XIII веке, их потомков называли ясами. Они получили автономию – Ясшаг. Даже в румынских землях, в Яссах, отзвуки их присутствия сохранились в названиях и обрядах».

Аланы, ушедшие на юго-запад через Испанию, объединились с вандалами и вместе с ними пересекли Гибралтар, чтобы переправиться в Африку. На руинах римского владения, среди песков и оливковых рощ, они создали королевство вандалов и аланов (Rex Wandalorum et Alanorum), со столицей на земле древнего Карфагена.

«Часть аланов дошла до Китая. При дворе Кублай-хана они стали гвардейцами – элитой, которой доверяли покой императора. Китайцы называли их асутами. Со временем они растворились среди других народов, но их имена остались в хрониках».

«А те, кто ушел в горы, выжили. Мы знаем их как осетин. Их язык – ирон – прямой потомок аланской речи. Их обычаи, их песни – живое эхо эпохи, когда Рим дрожал под натиском варваров. Хотите услышать голос той ночи перед Каталунской битвой? Послушайте осетинскую песню».

«Да, вы, возможно, удивитесь, но аланская кровь текла и в жилах европейских королей. Через брачные союзы с га-

ло-римской знатью аланские роды вошли в династии Франкского королевства. Гуго Капет, Людовик IX Святой, Филипп IV Красивый... Их предки держали копья в том самом строю, где однажды я спас знамя».

«Так пусть же история запомнит не только тех, кто властвовал, но и тех, кто стоял насмерть. Тех, кто не отступил, когда рушился мир».

Аплодисменты. Свет постепенно гаснет. На столе кафедры лежит раскрытая рукопись профессора. На полях рукописи приписка карандашом рукой Вейра: *«Сангибан не погиб. Его имя ушло в песню. Его образ – в легенду».*

КРУГ ВРЕМЕНИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении веков пирамиды оставались одной из величайших загадок человечества. Эти грандиозные сооружения до сих пор поражают своей математической точностью, инженерной сложностью и ориентацией относительно звездного неба. Они словно бросают вызов нашему пониманию истории, заставляя задуматься: как древние цивилизации без современных технологий смогли достичь таких невероятных высот?

Одни считают, что пирамиды строились вручную с использованием сложных, но доступных для того времени методов. Другие предполагают, что древние архитекторы обладали утраченными знаниями, которые позволяли им управляться с гигантскими каменными блоками. Существуют даже теории о вмешательстве внеземных цивилизаций – наследии загадочных «Небесных Строителей».

Научное сообщество скептически относится к подобным идеям, однако некоторые вопросы до сих пор остаются без ответа. Как египтяне перемещали и устанавливали многотонные блоки с ювелирной точностью? Почему строители пирамид обладали столь глубокими астрономическими знаниями, позволявшими предсказывать движение звезд с точностью, доступной лишь современным телескопам? И главное – для чего были созданы эти монументы?

тальные сооружения? Были ли они просто гробницами для фараонов, или их назначение было куда более сложным и загадочным?

Что, если прошлое, настоящее и будущее связаны невидимой нитью, а тайны древних цивилизаций можно раскрыть, только выйдя за пределы привычного восприятия? Возможно, пирамиды — это не просто памятники прошлого, а ключи к пониманию времени и пространства. Могли ли древние знать о существовании многомерных измерений или даже о путешествиях во времени?

А что, если пирамиды — это часть глобальной сети, соединяющей разные точки планеты, а их расположение и форма несут в себе зашифрованные послания для будущих поколений? Или, быть может, они служили порталами, связывающими наш мир с другими измерениями?

Эти вопросы остаются открытыми, но именно они вдохновляют нас искать ответы, выходящие за рамки привычных представлений. Возможно, разгадка кроется в Круге Времени — загадочном явлении, способном соединить эпохи. И только те, кто осмелится войти в него, смогут узнать истину...

Эта книга — попытка прикоснуться к тайнам, которые веками волнуют умы человечества. Она приглашает вас в путешествие, где наука, история и мистика переплетаются в поисках ответов на вопросы, которые, возможно, изменят наше понимание мира. Готовы ли вы сделать шаг за пределы известного?

ГЛАВА 1. МАШИНА ВРЕМЕНИ И АНТИГРАВИТАЦИЯ

Доктор Эдвард Вейр, физик-теоретик из Кембриджского университета, провел десятилетия в поисках принципов, позволяющих человеку управлять временем и пространством. Его исследования в области квантовой механики и теории относительности привели к созданию уникального устройства — машины времени, основанной на антигравитационном поле и способной изменять саму ткань реальности.

Машина времени, которую изобрел Вейр, представляла собой квантовый процессор, способный изменять гравитационные потоки и временные векторы на уровне субатомных частиц.

Процессор имел три ключевых модуля: временной модуль, позволяющий перемещаться в прошлое и будущее, пространственный модуль для телепортации и модуль антигравитации¹, нейтрализующий гравитационное воздействие на объект, позволяя ему левитировать или двигаться

¹ Теория антигравитации предполагает, что гравитацию можно изме-

без сопротивления. Управление процессором производилось с помощью квантового манипулятора, напоминающего наручные часы.

Ключевой особенностью процессора являлась способность к самонастройке при моделировании альтернативных реальностей. Кроме того, процессор имел практически неограниченный срок службы.

В тишине лаборатории, освещенной мягким голубоватым светом, Вейр внимательно изучал изящный браслет на своем запястье. Это был квантовый манипулятор — ключ к управлению портативным квантовым процессором.

Вейр провел пальцем по миниатюрной сенсорной панели манипулятора, и перед ним возник голографический интерфейс. На экране отобразились кнопки управления модулями. Модули были активированы и готовы к работе.

— Ну что, начнем? — прошептал он, больше для себя, чем для кого-то еще.

Он выбрал модуль телепортации. На столе перед ней лежал небольшой металлический куб — тестовый объект. Вейр сделал легкий жест рукой, и куб исчез, чтобы мгновенно появиться в другом конце комнаты. Это была не иллюзия. Квантовая телепортация работала безупречно.

— Отлично, — улыбнулся Вейр, переключаясь на модуль перемещения. Он активировал функцию перемещения, и перед ним возникла временная шкала, которая могла «заглянуть» в прошлое или будущее, анализируя квантовые состояния. Он выбрал прошлое и увидел, как

нить или нейтрализовать, изменяя волновую функцию электрона в атоме. Однако, современная наука не располагает способами контролировать волновую функцию на нужном уровне. Кроме того, гравитация описывается общей теорией относительности, а квантовые эффекты — квантовой механикой, и объединение этих теорий все еще остается нерешенной задачей.

куб на столе медленно возвращается в свое исходное положение. Время словно текло вспять.

— Невероятно, — прошептал он, чувствуя, как мурашки бегут по коже.

Последним был модуль антигравитации. Вейр активировал его и направил на куб. Медленно, но верно куб начал подниматься в воздух, словно игнорируя законы физики. Он слегка уменьшил мощность, и куб завис в воздухе, неподвижный, как будто гравитация вокруг него просто перестала существовать.

— Теперь все под контролем, — сказал он улыбаясь.

Манипулятор на его запястье слегка вибрировал, подтверждая успешное выполнение команды. Вейр чувствовал себя почти всемогущим. С этим устройством он мог управлять пространством, временем и даже гравитацией. Но больше всего его поражало, насколько просто было управлять процессором.

Вейр взглянул на часы. Было уже поздно, лаборатория была пуста, только слабое гудение процессора нарушало тишину. Он деактивировал манипулятор, и голографический интерфейс исчез.

Затем он снял устройство с запястья и положил его в защитный футляр.

— Завтра продолжим, — сказала он, глядя на процессор. — Мы только начали.

Вейр выключил свет и вышел из лаборатории. Но даже в темноте квантовый процессор продолжал работать, тихо и незаметно, как сердце, готовое в любой момент изменить мир.

На следующий день Вейр решил продемонстрировать процессор сотрудникам лаборатории.

— Это невозможно... И все же это работает, — произнес Вейр, держа в руке небольшой металлический куб. Он поставил куб на край лабораторного стола, осторожно поднес процессор к кубу и активировал пространственный

блок. Куб плавно поднялся в воздух и завис в невесомости.

— Ты это видишь, Эдгар? — обратился он к своему ассистенту, молодому инженеру Эдгару Холлоуэю.

— Черт возьми, сэр! Это противоречит всем законам физики! Мы действительно изменяем гравитационное поле? — Эдгар не мог оторвать глаз от парящего объекта.

— Не просто изменяем. Мы контролируем его. Но самое важное впереди... — Вейр ввел новую последовательность команд через квантовый манипулятор. Сфера вокруг платформы вспыхнула голубоватым светом, и куб плавно опустился на край стола.

— Я хочу проверить гипотезу о возможности перемещения во времени. Если моя теория верна, мы сможем отправиться в прошлое и узнать истину о строительстве пирамид.

— Вы собираетесь отправиться туда лично? Вы понимаете, какие риски это несет? — Голос Холлоуэя дрожал от волнения.

— Риски огромны. Но представь, что мы откроем человечеству правду о его происхождении. Мы сможем увидеть, кто действительно построил пирамиды, и, возможно, раскрыть самую древнюю тайну цивилизации.

— Но машина еще не тестировалась! — возразил Эдгар.

— Именно поэтому я должен идти первым, — назидательно произнес Вейр. — Если мы сможем стабилизировать временной блок, то сможем путешествовать без потерь в хронополе. Сегодня мы узнаем, насколько далеко можно зайти в этом направлении...

Через пару часов Вейр стоял перед Камерой Перемещения, ощущая холодный металл процессора сквозь тонкую ткань поясной сумки с широким удобным ремнем. На его левой руке красовался манипулятор, выполненный в виде браслета из яшмы. В руках он сжимал кожаный ме-

шок, где лежали несколько макетов процессора. Его облачение напоминало одеяния жреца времен фараона Джосера: льняной каласирис¹, широкий воротник из золота и лазурита, а на голове – кафия² из тонкого льна. Он выглядел так, будто сошел с древнеегипетских барельефов, ожившей легендой из далекого прошлого.

– Процесс активирован, – сообщил холодный голос системы.

Камера засветилась, пространство вокруг него исказилось, как будто кто-то скомкал ткань реальности. Вейр сделал шаг вперед – и исчез в вихре света, отправляясь в прошлое.

¹ Одежда жреца в Древнем Египте называлась «калазирис» (или «кала-сирис»). Это была длинная, обычно белая льняная туника, которая символизировала чистоту.

² Кафия времен фараона Джосера сделана из тонкого льна, драпируется вокруг головы и закрепляется простой тканевой лентой. Такой головной убор был удобен и защищал от солнца.

ГЛАВА 2. ЭПОХА ДЖОСЕРА

Перед началом путешествия Вейр решил подготовиться основательно. В Оксфордском университете он прошел интенсивный курс древнеегипетского языка под руководством профессора Генри Олдриджа, признанного специалиста по афразийским языкам. Они провели множество часов в кабинетах, изучая древние иероглифические надписи, звуковые реконструкции и грамматические особенности. Вейр овладел одним из диалектов, близких к среднеегипетскому, но профессор предупредил его:

— Даже если ты выучишь этот язык в совершенстве, мы не можем быть уверены, что он был в употреблении именно в эпоху Джосера. Ты можешь столкнуться с определенными трудностями.

— Я понимаю, Генри, но это все, что у нас есть, — ответил Вейр, закрывая очередной учебник. — Надеюсь, жрецы не будут слишком придирчивы к моему произношению.

...Временной блок процессора деактивировался, и Вейр пришел в себя, чувствуя, как солнечные лучи обжигают его кожу. В голове стоял гул, словно после резкой декомпрессии, и на миг показалось, что все органы перемешались в теле, как в прозрачной амфоре, встряхнутой невидимой рукой. Пространство вокруг еще колебалось

от недавнего смещения — цвета были слишком яркими, звуки казались плоскими, а запахи — до невозможности резкими.

Он моргнул несколько раз, пытаясь сфокусировать взгляд. Казалось, не только глаза, но и сам разум отказывался сразу принять новую реальность. Остаточное эхо перехода еще звучало в его сознании — будто тысячи голосов одновременно шептали на неизвестных языках, ускользающих на грани понимания.

Сердце колотилось с неестественной силой. Вейр ощущал, как кровь бежит по сосудам, как будто впервые — слишком быстро, слишком живо. Тело было здесь, но сознание все еще цеплялось за прежнее — за лабораторную тишину, за холодный блеск металла и мерцание контрольной панели. Он глубоко вдохнул, и вместе с воздухом в него ворвалось новое время.

Перед ним развернулась картина далекого прошлого. Песчаные просторы, на горизонте раскинулись примитивные мастабы — ступенчатые погребальные сооружения. Пирамид, к которым он привык по учебникам, не было. Вейр попал в эпоху III династии, во время правления фараона Джосера.

Он был одет в одежду египетского жреца, что должно было помочь ему не выделяться среди остальных. Однако его неожиданное появление не могло остаться незамеченным.

— Кто ты, странник? — раздался голос. Перед ним стояли двое жрецов в традиционных белых одеяниях, украшенных вышивкой из золотых нитей. Вейр взял себя в руки. Настал момент испытания его языковых навыков.

— Я пришел издалека, — сказал он, тщательно подбирая слова. Жрецы переглянулись. Один из них, старший, выступил вперед.

Этобыл Птаххотеп, жрец из храма бога Птаха, человек с проницательным взглядом и властными манерами.

— Твой язык... он похож на наш, но ты говоришь странно. Кто научил тебя этим словам?

Вейр понял, что его акцент выдает его происхождение. Он решил придерживаться заранее подготовленной легенды.

— Меня обучили боги, — ответил он, опустив голову, чтобы выглядеть смиренным. — Я пришел поделиться своими знаниями.

Жрецы удивленно переглянулись, но, похоже, приняли его слова.

— Тогда следуй за нами, пришелец, — сказал Птаххотеп. — Нам нужно показать тебя верховному жрецу.

Вейр последовал за ними, ощущая, как его сердце колотится от волнения.

По пути жрецы решили показать ему технологии, использовавшиеся в строительстве. Они провели его к месту, где рабочие вручную изготавливали глиняные кирпичи и устанавливали небольшие известняковые плиты. Вейр с интересом наблюдал за этим процессом, отмечая для себя примитивность технологий.

— Так мы строим жилища и храмы, — пояснил один из жрецов.

Вейр задумался, как можно произвести на них впечатление. Он активировал пространственный блок с помощью манипулятора и направил излучаемый поток на огромный блок скальной породы, лежавший неподалеку. Под удивленные возгласы жрецов камень плавно поднялся в воздух и завис перед ними.

— Великая сила богов! — воскликнул Птаххотеп, падая на колени.

Остальные жрецы последовали его примеру. Вейр понял, что его технологии сочли проявлением божественной силы, и это могло сыграть ему на руку. Впереди его ждали новые испытания и открытия.

ГЛАВА 3. БОГ ИЗ БУДУЩЕГО

Вейр стоял перед массивным храмом, окруженный жрецами. Их лица выражали одновременно страх и благоговение. Он знал, что каждый его жест и слово могли определить его дальнейшую судьбу.

Огромные колонны, покрытые древними письменами, возвышались над ним, а жаркий ветер пустыни приносил запах ладана и раскаленного камня.

Жрецы молчали, ожидая.

— Что это за магия, о великий? — осмелился спросить один из них, по виду старший. Его звали Хафраанх, и, судя по всему, он был верховным жрецом этого храма.

Вейр выдержал паузу, изучая взглядом старца.

— Это не магия, а воля небес, — спокойно ответил он, держа в руках устройство. Он не мог сказать им правду, но и лгать в открытую не хотел. — Смотрите.

Он прикоснулся к своему квантовому процессору, и тонкие потоки энергии пробежали по его поверхности. Свет мягко скользнул по древним каменным плитам, отражаясь в глазах жрецов.

— Великие Небеса... — прошептал один из молодых жрецов. — Он пришел оттуда.

— Ты говоришь, что это воля богов? — Хафраанх прищурился.

— Богов... или чего-то большего, — уклончиво ответил Вейр.

Жрец кивнул, принимая ответ, но в его взгляде мелькнуло сомнение.

— Докажи! — голосом, полным напряжения, произнес другой жрец по имени Неджем.

Вейр усмехнулся. Они хотят чуда? Они его получают.

Он активировал пространственный блок процессора. Воздух вокруг завибрировал, и тяжелый каменный блок, стоявший неподалеку, словно потерял вес.

Камень массой в несколько тонн медленно поднялся в воздух, покачиваясь, словно подвешенный на невидимых нитях.

Жрецы ахнули.

— Это... невозможно! — прошептал Неджем, отступая назад.

— Он послан нам богами! — воскликнул другой.

Хафраанх молчал, наблюдая за Вейром, но во взгляде читалось напряжение.

— Если это дар богов, — медленно произнес он, — значит, его нужно использовать во имя фараона...

Вейр понял, что завоевал их доверие. Но он также знал, что эта победа может обернуться и против него.

— Скажи нам, о великий, — голос Хафраанха был низким и твердым, — ты пришел дать нам знания?

— Я пришел, чтобы вы использовали этот дар мудро, — уклончиво ответил Вейр.

— Тогда научи нас, — вмешался Неджем, все еще потрясенный. — Научи нас поднимать камни без усилий, строить быстрее, чем это делали наши предки. Если ты от богов, ты не можешь оставить нас без ответа.

Вейр знал, что не может раскрывать свою истинную природу.

— Я оставляю вам то, что поможет вам, — сказал он, доставая из поясной сумки еще несколько пространственных блоков. — Но их сила не безгранична. Используйте их с мудростью.

Хафраанх кивнул, принимая его слова.

— Мы примем дар богов с благодарностью, — произнес он.

Но Вейр видел в его глазах страх. Жрецы боялись силы, происхождение которой им было неизвестно.

Прохладный ветерок колыхал огонь факелов, освещающих просторный зал храма. Под высоким сводчатым потолком висели резные деревянные панели, покрытые позолотой. На мраморном полу играли отблески света от медных чаш с благовониями. В центре зала, перед возвышением, стоял Вейр, а перед ним — жрецы и храмовые служители.

Вейр бережно разложил на массивном столе несколько макетов квантового процессора с выгравированными символами. Они переливались в свете факелов, излучая едва заметное сияние. Весьма любопытный жрец в синем одеянии с серебряной отделкой шагнул вперед, рассматривая артефакты с трепетом.

— Это дар богов? — спросил он почтительно.

— Можно сказать и так, — улыбнулся Вейр. — Эти устройства помогут вам в ваших обрядах. Но вам не обязательно знать их истинную природу.

Неджем нахмурился, вознеся руки к небу.

— Мы благодарны тебе, чужеземец, но не желаем владеть тем, что не можем понять. Как мы можем быть уверены, что в этих... дарах нет скрытой угрозы?

Вейр выдержал его взгляд, а затем аккуратно взял одно из устройств в руки и повернул кольцо на его поверхности. Оно издало тихий звон, и воздух наполнился теплым мягким светом.

— Они дают свет, когда его нет, — пояснил он. — Они могут усиливать голос во время проповеди, а также, — он

повернул еще одно кольцо, и по залу разнесся чистый, словно колокольный, звук, — они очищают пространство от скверны.

Неджем вскинул брови:

— Если они действительно столь полезны... почему ты оставляешь их нам, а не используешь сам?

— Потому что у меня есть другие пути, — мягко ответил Вейр. — А вам они принесут больше пользы. Но помните: не пытайтесь разобрать их или понять, как они работают. Это их уничтожит.

Молодой жрец по имени Ушебти, выглядел заинтригованным:

— Но если они от богов, разве они не должны быть неуязвимы?

Вейр усмехнулся, но ответил серьезно:

— Даже дары богов имеют свои пределы, шери¹.

Неджем задумчиво провел пальцами по подбородку, изучая путешественника. Затем кивнул.

— Мы примем твой дар. И будем пользоваться им с осторожностью.

Вейр поклонился и сделал шаг назад, оставляя устройства в их руках.

— Тогда мой путь завершен. Пусть свет этих даров ведет вас к истине.

Другой жрец Монтуэмхет скептически оглядел устройства и, шагнув вперед, осторожно взял одно из них.

— Это ведь не просто магия, — пробормотал он. — Ты скрываешь что-то, странник.

Вейр посмотрел на него, прищурив глаза.

— Я даю вам то, что поможет. Но есть вещи, которые вам знать не следует.

¹ «Шери» — означает «молодой», «юный», «маленький» (могло относиться как к детям, так и к юношам).

— Почему? — вмешался Ушебти. — Разве не мудрее понимать силу, которой мы пользуемся?

Вейр покачал головой.

— Иногда незнание — благословение. Вы научитесь применять эти устройства для счета дней и предсказания звездных явлений, но не пытайтесь раскрыть их секреты.

Хаэмуас поднял руку, призывая к тишине.

— Странник дал нам дар. Мы примем его с благодарностью. — Он повернулся к Вейру. — Но скажи, уйдешь ли ты теперь?

Вейр кивнул.

— Я должен. У меня впереди долгий путь. — Я вернусь, когда настанет время, — объявил он, активируя свое устройство для перемещения.

Жрецы отошли, давая ему дорогу. Вейр оглядел зал в последний раз. Он понимал, что его появление уже изменило историю. И если он останется здесь дольше, последствия могут быть катастрофическими.

Он активировал временной модуль и взглядом окинул храм, жрецов, пустыню... Теперь его путь был направлен в эпоху IV династии, во времена правления фараона Снофру.

Серебристый свет окружил его, и мир снова начал рассыпаться на фрагменты времени...

ГЛАВА 4. КОД ЗВЕЗДНОГО ПУТИ

В следующий миг воздух вокруг стал плотным, горячим, пахнущим песком и жарким камнем. Он стоял в центре величественного дворца, перед глазами — массивные колонны, увенчанные символами древнего Египта.

Перед ним возвышался высокий стройный человек в царском головном уборе с уреем¹ — это был фараон Снофру, живое воплощение бога на земле. Рядом с фараоном стоял жрец, судя по одеянию, с пронзительным, острым взглядом.

— Кто ты? — Голос фараона был спокоен, но в нем чувствовалась сила.

Вейр поклонился.

— Великий правитель, да будет твоя власть вечной! Мое имя Вейр. Я пришел из далекого времени, чтобы открыть вам истину.

¹ Головной убор с уреем — это царский или жреческий головной убор, украшенный изображением священной кобры (урея), символа защиты, власти и божественного происхождения. Урей олицетворял богиню-кобру Уаджит, покровительницу Нижнего Египта, которая, по верованиям, могла выпускать огонь и защищать фараона от врагов.

Фараон взглянул на советника.

— Что скажешь, Имхотеп?

Жрец шагнул вперед, оглядывая Вейра с интересом.

— Владыка Обеих Земель, Снофру, сын Ра! Я знаю о нем. Он прибыл к нам из другого времени. Его знания превосходят все, что нам дано постичь. Теперь он здесь.

Снофру с удивлением взглянул на Вейра.

— Ты утверждаешь, что путешествуешь сквозь время?

Вейр прикоснулся к манипулятору, активировав квантовый процессор. Перед фараоном возникла голограмма, на которой были изображены проекции звездных карт и схем пирамид.

— Посланник из будущего? — В голосе фараона не было страха, лишь холодный интерес.

— Я пришел, чтобы помочь вам построить вечность, — ответил Вейр, его акцент был странным, но речь звучала чисто, без запинки. — Время — это река, и в определенных точках его течение можно изменить. Вы стоите на таком перекрестке.

Снофру перевел взгляд на Имхотепа, и жрец кивнул. В его глазах читался трепет.

— Мы наблюдаем звезды, — обратился Имхотеп к Вейру. — Их расположение — ключ к тайнам, что древнее нас. И если следовать этим картам, можно создать сооружения, которые станут связующим звеном между нашим миром и теми, кто живет за пределами.

— Я знаю, — сказал Вейр. — Именно поэтому я здесь. Если вы построите пирамиды по этим расчетам, вы не просто зашифруете послание для богов. Вы создадите врата.

Фараон медленно подошел к перилам террасы дворца и посмотрел на раскинувшиеся внизу поля, покрытые спелой пшеницей.

— Что находится по ту сторону тех врат? — спросил он.

Вейр на мгновение задумался, потом посмотрел прямо в глаза Снофру.

— То, что было давно забыто. Или то, что еще не пробудилось.

Имхотеп осторожно вмешался в разговор:

— Я разработал систему, по которой пирамиды должны быть выстроены в строгом соответствии с положением Саха¹. Если мы уложим камни точно, вершины пирамид создадут поток света, и этот поток будет направлен в небо.

Имхотеп продолжал:

— Но нам нужно кое-что большее.

Он указал на кристалл, инкрустированный в его нагрудное ожерелье, который вспыхнул, поймав отраженный свет звезд.

— Посмотри на мой уасх², и ты увидишь свет далеких звезд.

— Это не просто украшение, верно? — спросил Вейр, завороченно глядя на мерцающий камень.

— Да, — кивнул Имхотеп — В нем заключена сила, которую могут понять лишь те, кто знает древние пути. Камни могут накапливать энергию и передавать ее через пространство. Если использовать их в строительстве пирамид, они смогут делать больше, чем просто отражать звезды. Мой шесет³ скрывает его от посторонних взглядов.

Вейр внимательно изучал кристалл.

— Ты говоришь, что пирамида станет не только картой?

¹ В древнеегипетской астрономии созвездие Ориона называлось Сах (или Саха). Это имя ассоциировалось с божественным воплощением Осириса, а также с концепцией загробной жизни и воскресения. Сах упоминался в Текстах пирамид как один из «блаженных умерших» (аху), который вместе с Сопдет (Сириусом) сопровождал фараона в загробный мир.

² Уасх — широкое ожерелье-нагрудник, состоящее из нескольких рядовбусин, которое носили не только жрецы, но и фараоны, а также божества в изображениях. Оно символизировало власть, статус и связь с богами.

— Она станет маяком, — подтвердил Имхотеп. — И возможно, ответ не заставит себя ждать.

Фараон, внимательно следивший за ходом разговора, задумался.

— А если откроется не то, что мы ждем? — тихо спросил он. Имхотеп на мгновение закрыл глаза.

— Тогда дверь откроется не туда. И мы не знаем, кто или что придет с другой стороны.

Вейр молчал. В его глазах отражалась неведомая фараону реальность. Он знал, что история не раз уже повторяла этот момент. И не всегда все заканчивалось так, как хотелось тем, кто ее творил...

Но одно Имхотеп не рассказал фараону. В одной из старых рукописей, хранимых им глубоко в храме Тота, говорилось: «Когда человек осмелится построить лестницу к богам, боги могут спуститься по ней первыми».

³ Шесет — легкая накидка или плащ, который носили жрецы. Обычно она была изо льна и могла покрывать плечи или полностью обволакивать тело.

ГЛАВА 5. ПИР ВО ДВОРЦЕ ФАРАОНА

Великий зал дворца фараона Снофру сиял в огнях масляных ламп, отражавшихся на полированных каменных стенах. По обе стороны зала стояли массивные колонны, украшенные резьбой, изображающей сцены из жизни богов и победы фараона. Воздух был наполнен ароматами благовоний, смешивающимися с аппетитными запахами роскошного угощения.

В центре, на возвышении, под балдахином из тончайших тканей, восседал фараон Снофру. По правую руку от него сидел Имхотеп, его главный архитектор и верховный жрец. По левую — Вейр, человек, который явился из будущего.

Перед ними растянулся длинный низкий стол, уставленный всевозможными яствами: запеченные гуси и утки с инжиром, ароматные лепешки, миски с оливками и финиками, свежие фрукты — гранаты, виноград и сладкие дыни. В золотых чашах подавали ячменное пиво и виноградное вино, привезенное из далеких земель. В центре стола возвышалось блюдо с нежнейшим жареным ягненком, приправленным медом и травами.

По залу ходили слуги, наполняя чаши, следя, чтобы у каждого гостя было достаточно еды.

Фараон поднял золотой кубок, привлекая внимание.

— Сегодняшний пир не просто праздник. Мы собрались здесь, чтобы воздать хвалу нашим богам, мудрости Имхотепа и... нашему загадочному гостю.

Он повернулся к Вейру, его глаза мерцали интересом.

— Скажи мне, человек из будущего, есть ли в твоём времени такие пиршества?

Вейр улыбнулся, разглядывая изысканные блюда.

— Да будет твоя власть вечной, сын Ра! Возможно, нам удалось сохранить искусство приготовления пищи... но я сомневаюсь, что у нас есть такая атмосфера величия.

Фараону понравился ответ Вейра, он улыбнулся и сказал:

— Тогда ешь и наслаждайся. Время движется по кругу, но сейчас ты в моменте славы.

Когда первые блюда были съедены и чаши вновь наполнились вином, в зал вошли танцовщицы. Они были облачены в легкие полупрозрачные ткани, их запястья и лодыжки украшали золотые браслеты. Под ритм ударных инструментов и мелодии флейт они начали свой танец — плавный, грациозный, словно движения воды.

Слуги внесли курильницы с благовониями, наполняя зал ароматом мирры и ладана. Музыканты усилили темп: арфисты перебирали струны, создавая таинственные звуки, а певцы запели гимн во славу фараона.

Фараон улыбался, наблюдая за танцем.

— Это искусство, — произнес он. — Танец и музыка соединяют нас с богами.

Вейр, зачарованный, смотрел на представление. Он знал, что этот момент останется с ним навсегда — ощущение настоящего Египта, его звуков, вкусов и ритмов.

Имхотеп слегка наклонился к нему.

— Видишь, человек из будущего? Время — это не только знание и открытия. Это еще и праздники, радость, наслаждение.

Фараон поднял руку, и танец замедлился. Он повернулся к Вейру.

— А теперь, наш гость, расскажи нам, как в твоём времени чтят правителей?

Вейр отставил чашу.

— Великий правитель! Возможно, не так, как следовало бы, — честно ответил он.

Фараон рассмеялся.

— Тогда ты попал в правильное место. Сегодня ночью ты увидишь, как чтут тех, кто ведёт народ.

Как только танцовщицы завершили свой последний изящный поворот, в зал вошёл высокий мужчина в длинном белоснежном одеянии с золотой каймой. В его руках был свиток из тончайшего папируса. Он остановился перед фараоном, склонив голову.

— О великий Снофру, дарующий свет Египту, позволь мне воздать тебе хвалу словами мудрецов!

Фараон кивнул, и в зале воцарилась тишина. Чтец развернул свиток и начал:

— О величайший среди владык! Ты свет звезды, что сияет в ночи. Ты сокол, что в небе парит. Ты опора земли, вечный и могучий. Твой взгляд — подобен взору Ра, а слово твоё как закон богов.

Гости в зале зашептались, одобряя каждую строку. Танцовщицы снова окружили чтеца, плавно двигаясь под звуки арфа и флейты. Их руки тянулись к небу, словно подражая священным иероглифам, изображающим богинь и духов предков.

Чтец продолжил, сменив тон на более мягкий, напевный:

— Но даже величайший владыка нуждается в звездах, чтобы освещать свой путь. И пусть в небесах зажжется огонь, что укажет Египту вечный путь вперед...

Фараон одобрительно кивнул, его губы тронула легкая улыбка.

— Прекрасные слова, — произнес он, — пусть они будут записаны в моих хрониках.

Чтец склонился перед фараоном и отступил назад. Музыканты вновь заиграли, а танцовщицы завершили представление, замерев в изящных позах.

Фараон вновь обратился к Вейру:

— Видишь, человек из будущего, как слова и танец сливаются воедино? Это и есть искусство, ведущее нас к бессмертию.

Вейр слегка улыбнулся.

— Да будет благословенно твое имя, сын Ра! Возможно, ваше время знает секреты, которые мы утратили.

Пир продолжался. Вино лилось рекой, смех и музыка наполняли зал, а Вейр чувствовал, что это событие останется в его памяти навсегда.

ГЛАВА 6. ТАЙНА ХРАМА ПТАХА

После завершения пира Имхотеп предложил Снофру и Вейру отправиться к строящейся пирамиде, расположенной неподалеку от дворца фараона.

Во главе процессии двигались носилки фараона – резное кресло с золотыми украшениями и символами власти, закрепленное на длинных шестах. Его несли двенадцать сильных слуг, равномерно шагая по песчаному пути. Под лучами солнца золоченые узоры на носилках сверкали, словно отблески самого бога Ра.

Позади фараона двигались вторые носилки, в которых находились советник фараона Имхотеп и Вейр – человек из другого времени. Вейр пристально наблюдал за окружающим ландшафтом, отмечая в своем сознании, насколько продвинулась инженерная мысль египтян в этом времени.

Процессия неторопливо продвигалась от царского дворца, минуя храмы и ряды жрецов, склонившихся в почтительном поклоне. Древние песчаные дороги уводили их в сторону строительных площадок. По пути они проходили мимо длинных колонн рабочих, несущих каменные блоки, и наблюдали, как рабы с помощью канатов и деревянных конструкций медленно двигали многотонные глыбы.

Поднявшись на вершину небольшого холма, фараон повелел остановиться. Отсюда открывался величественный вид на место строительства новой пирамиды. Внизу простиралось огромное плато, где кипела работа: тысячи людей возводили фундамент, надсмотрщики отдавали приказы, а ремесленники обтесывали каменные блоки.

Фараон Снофру со свитой, Имхотеп и Вейр стояли на вершине холма. Внизу рабы тянули многотонные каменные блоки, тяжело дыша под весом камня.

— Если ты действительно пришел из будущего, докажи свою силу, — произнес фараон.

Вейр активировал пространственный блок квантового процессора, и воздух вокруг него задрожал, а пространство внезапно стало вязким и плотным. Огромная каменная глыба, которая до этого неподвижно лежала у подножия холма, вдруг приподнялась в воздух. Крики рабов наполнили долину. Глыба парила в воздухе несколько мгновений, затем мягко опустилась на землю.

Имхотеп сделал шаг назад и застыл, сжимая свой посох.

— Это... невозможно, — прошептал он.

Фараон посмотрел на Вейра долгим взглядом.

— Эта технология — дар богов?

— Она — плод знаний, — ответил Вейр. — И теперь она принадлежит вам, великий правитель!

Снофру протянул руку, принимая устройство.

— Мы построим пирамиду, которая превзойдет все. Она станет вратами.

Имхотеп медленно кивнул.

— Да... Великая пирамида, что станет величайшей лестницей в небо.

— Скоро здесь поднимется пирамида, которая затмит все прежние, — сказал фараон, обращаясь к Имхотепу и Вейру.

— И она станет не просто усыпальницей, — добавил Имхотеп. — Она будет ключом.

Вейр молча кивнул, ощущая, как история снова движется по предначертанному пути.

Фараон Снофру сидел на резном троне, держа в руках странное устройство, которое ему передал Вейр. Металлическая пластина процессора с тонкими узорами внезапно ожила, испуская мягкий голубоватый свет. Символы и линии, мерцая, складывались в сложные геометрические узоры. Рядом с тронном стоял Имхотеп смотрел на устройство с нескрываемым волнением.

— Это невозможно... — прошептал он, наклоняясь к фараону. — Я видел подобные вещи.

Фараон повернул голову к своему советнику.

— Где?

Имхотеп медленно поднял глаза.

— В храме Птаха, в Мемфисе. Глубоко под священными залами есть хранилище, куда не допускают даже жрецов высшего ранга. Я однажды попал туда... и видел несколько таких устройств.

Вейр заинтересовался.

— Ты уверен, что они были такими же?

— Они похожи, но были покрыты слоем времени. Никто не знал, как их использовать.

Фараон нахмурился.

— Почему жрецы не попытались раскрыть их тайну?

Имхотеп вздохнул.

— В эпоху Джосера их использовали... Я слышал легенды, что с их помощью возводились пирамиды. Но потом знания о них исчезли, и их запечатали в храме Птаха, как реликвии богов.

Вейр задумался, затем медленно вытащил из своей одежды тонкую пластину — инструкцию, сделанную на древнем языке, но с четкими графическими схемами. Он передал ее Имхотепу.

— Это руководство. Оно объясняет, как работать с процессором, как использовать его для управления гравита-

цией и телепортацией объектов.

Имхотеп осторожно взял пластину, глядя на нее с трепетом.

— С этими знаниями мы сможем восстановить утраченную технологию...

Фараон поднялся со своего трона.

— Если это правда, тогда мы не просто строим пирамиду... Мы возвращаем силу, что принадлежала нашим предкам.

Имхотеп склонил голову.

— Храм Птаха хранит прошлое. Но теперь у нас есть ключ к нему. — Вейр улыбнулся. — И у вас есть будущее. Я должен идти, — сказал он, глядя на пирамиду, которая только начинала свое рождение в планах фараона.

— Куда ты отправишься теперь? — спросил Имхотеп.

— В другое время. Туда, где история продолжает свой цикл.

Он активировал временной блок процессора. Пространство вокруг него завибрировало, воздух разорвался вспышкой белого света.

И в следующий миг Вейр исчез.

ГЛАВА 7. ДАРЫ НЕБЕС

Пламя временного перехода угасло, и Вейр оказался среди золотых песков, раскаленных под палящим солнцем. Перед ним возвышалась гигантская пирамида — ее вершина терялась в бездонной голубизне неба. Взглянув на шкалу временного блока, Вейр понял, что оказался в эпохе XVIII династии, во времени правления Тутмоса III.

— Ты кто такой? — раздался грубый голос.

Вейр обернулся и увидел мужчину в белой тунике с расшитыми узорами. Его смуглое лицо было покрыто потом, а руки — мускулистые и натруженные.

— Я... путешественник, — осторожно ответил Вейр.

— Здесь не место праздным бродягам. Фараон не любит чужаков. — Мужчина сузил глаза. — Меня зовут Хатсу, я надзиратель за работами.

Оглядевшись, Вейр заметил, что у одного из надсмотрщиков, следящих за рабочими, которые копошились вокруг подъемных механизмов с канатами и колесами, в руках был пространственный блок квантового процессора. Он сразу узнал его — это был один из блоков, которые он передал жрецам храма Птаха.

— Это устройство... — начал он.

— Дар богов, — раздался новый голос.

Вейр повернулся и увидел высокого жреца в белоснежных одеждах, сжимающего посох с золотым наконечником. Его звали Сенусер — он был приближенным фараона.

— Боги не раздают технологии, — тихо сказал Вейр. Сенусер окинул его проницательным взглядом.

— Ты слишком много знаешь для простого странника. — Тутмос Великий захочет поговорить с тобой.

Два стражника в бронзовых нагрудниках приблизились к Вейру, и он понял, что выбора у него нет. Ему предстояло встретиться с самим фараоном и узнать, насколько его вмешательство изменило ход истории.

Приведенный во дворец, Вейр оказался в приемном зале, который был воплощением величия и божественной власти египетского фараона. Просторное помещение с высокими колоннами, украшенными рельефами и иероглифами, отражало сцены триумфа фараона, приношения богам и величие его правления.

Пол был выложен искусно обработанными плитами из полированного известняка или гранита, нередко расписанными изображениями папирусных зарослей и священных животных. По стенам шли рельефы с позолотой, описывающие военные победы и сцены повседневной жизни при дворе.

Потолок, расписанный глубоким синим цветом с золотыми звездами, создавал впечатление ночного неба, символизируя вечность царской власти. Свет проникал в зал сквозь высокие окна или отверстия в крыше, создавая игру теней и подчеркивая торжественность обстановки.

Тронный подиум возвышался в дальнем конце зала, выполненный из редких пород камня, инкрустированный бирюзой, лазуритом и золотом. Запах благовоний, доносившийся из курильниц, наполнял зал ароматами ладана и мирры, создавая атмосферу мистической святости.

Главный жрец вышел вперед и, воздев руки, торжественно произнес:

— Приветствуйте фараона! Гор, Могущественный Бык, Возникающий в Фивах; от обеих Владычиц, Возносящих в царском сане, подобен Ра в небесах; Золотой Гор, Сильнейший из сильных, Священный явлением; Бог Двух Земель, Неизменный, явленный как Ра; Сын Ра, Тутмос, наилучший!

Вейр замер, осознавая, что теперь его ждет встреча с великим правителем Древнего Египта.

Фараон вошел в зал в сопровождении свиты, состоящей из высокопоставленных чиновников, жрецов и слуг. В руках он держал традиционные символы власти¹, а на его голове красовалась двойная корона². Его появление сопровождалось музыкой, пением и церемониальными возгласами, прославляющими его величие. Подойдя к трону, фараон прикоснулся к нему жезлом, символически освящая его, и произнес краткую молитву, обращенную к богам. Затем он занял свое место на троне и, заметив Вейра, жестом приказал подвести гостя ближе.

— Говорят, ты Хеху³? — Его голос был спокойным, а глаза его внимательно следили за движениями Вейра.

Вейр лишь поклонился в знак уважения, но прежде

¹ Фараон мог держать в руках традиционные символы власти: хека (жезл) и нехеху (плеть), которые символизировали его власть над Верхним и Нижним Египтом.

² Фараон мог носить корону (например, двойную корону пшент, объединяющую Верхний и Нижний Египет) или головной убор, например, немес (полосатый платок).

³ В Древнем Египте чужестранцев называли по-разному, в зависимости от их происхождения и отношения египтян к ним. «Хеху» — общее обозначение «иностранцев» или «чужеземцев». Если слово употребляется как имя собственное (например, как обращение), то пишется с заглавной буквы.

чем заговорить, его взгляд упал на устройство у дальней стены зала. Это был механизм, напоминающий систему для подъема тяжестей с блоками и противовесами. В него был встроены точно такой же пространственный блок процессора, какой он видел в руках надсмотрщика у пирамиды.

— О Владыка Двух Земель, Сын Ра, Дарующий жизнь! Это... мое изобретение... — выдохнул он.

— Ты знаешь, как это работает? — спросил фараон, заметив его реакцию.

— Да. — Вейр поднял взгляд. — Много сотен лет назад, в эпоху Джосера, я оставил подобные аппараты жрецам храма Птаха. Они, похоже, передали их вам.

Фараон задумчиво кивнул, но в его взгляде читалось сомнение.

— Докажи нам, что ты говоришь правду, — потребовал он. — Я должен убедиться, действительно ли ты обладаешь той силой, о которой говоришь.

Вейр спокойно кивнул. Он сделал несколько шагов вперед, остановившись у подножия статуи сфинкса. Его каменные лапы упирались в пол, а лицо, высеченное с величественным спокойствием, смотрело вдаль, словно охраняя покои фараона.

Вейр поднял руку, на его запястье вспыхнуло устройство с гравитационным манипулятором. Послышался едва уловимый гул, воздух вокруг статуи завибрировал. В следующий миг массивная глыба камня — весом не менее нескольких тонн — оторвалась от земли.

Зал наполнился криками изумления.

Статуя, окруженная невидимой силой, медленно поднялась вверх, миновав уровень глаз стоящих в зале людей. Затем она продолжила движение и достигла высоты колонн, почти коснувшись потолка. Каменные лица богов, высеченные на стенах, теперь смотрели на сфинкса, парящего на их уровне.

Жрецы, забыв о своем достоинстве, упали на колени, простирая руки к Вейру. Советники переглядывались, потрясенные увиденным. Фараон же оставался невозмутим, хотя в его взгляде вспыхнуло напряженное любопытство.

— Он держит камень, как Хепри держит солнце, — проворкотал один из жрецов.

Вейр, сконцентрировавшись, плавно опустил статую обратно. Сфинкс вернулся на свое место, коснувшись пола с мягким глухим стуком. Воцарилась тишина.

Фараон посмотрел на Вейра долгим взглядом, затем встал с трона и неспешно спустился по ступеням. Он приблизился к сфинксу, провел рукой по его каменной поверхности, словно убеждаясь, что это не сон.

Затем повернулся к Вейру и заговорил:

— Я видел, как жрецы воздвигали храмы, как строители возводили колонны, но никогда еще человек не поднимал камень без рук. Ты пришел в наш мир с великой силой... Вопрос в том, к чему ты хочешь ее применить?

Вейр спокойно ответил:

— Чтобы доказать, что величия можно достичь не только с помощью войны, но и с помощью знаний.

Фараон кивнул, задумавшись, затем посмотрел на своих советников.

— Пусть на завтрашнем рассвете будет принесена жертва богам, — сказал он. — Если силы Хеху — это дар небес, то боги должны это подтвердить.

Вечерние тени ложились на стены дворца. В просторном зале, украшенном резными колоннами и горящими светильниками, фараон Тутмос III восседал на троне, внимательно изучая своего гостя. Вейр сидел напротив, между ними стоял низкий стол, уставленный кубками с вином и золотыми блюдами с инжиром и лепешками.

— Человек из далекого будущего, — наконец заговорил фараон. — Я слышал, что ты путешествовал по временам великих правителей, видел многое... Но мне интерес-

но другое. Расскажи мне о мире, из которого ты пришел. Что там стало с нашим народом? Как живут люди? Каковы их достижения?

Вейр немного помолчал, обдумывая ответ.

— О Владыка Двух Земель! Если позволите, я покажу вам нечто, что поможет вам увидеть это своими глазами.

Фараон кивнул, и слуги поднесли низкий стол, на который Вейр положил небольшое устройство-видеосканер для показа слайдов. Он нажал несколько кнопок, и перед ними возникла голограмма с изображениями.

Сначала появились снимки современных городов: небоскребы, освещенные ночными огнями, сверкающие мосты, огромные дороги, по которым двигались потоки машин. Затем на экране возникли высокоскоростные поезда, самолеты, пролетающие над землей, и даже ракеты, взмывающие в небо.

Фараон и его приближенные, жрецы и советники завороженно следили за сменой изображений.

— Это, — медленно проговорил Тутмос, — великие города, сияющие, как звезды на небе. Они простираются до самого горизонта!

— О Сын Ра, Дарующий жизнь! — ответил Вейр. — Это современный мир. Здесь люди путешествуют за считанные часы, живут в огромных дворцах из стекла и металла.

Фараон кивнул, но затем изображения сменились. Теперь они показывали войну: колонны солдат, разрушенные города, самолеты, сбрасывающие бомбы, гигантские боевые машины. Потом появились кадры битв в воздухе, танки, горящие здания.

— Это тоже ваш мир? — Голос фараона стал тверже.

— Да, — мрачно подтвердил Вейр. — Там, где есть свет, есть и тьма. Люди научились подниматься в небо, но они не всегда используют это во благо.

Фараон долго молчал, наблюдая за сменяющимися кадрами. Затем изображения вновь изменились: теперь

показали Землю из космоса — голубую, сияющую, окруженную тонкой дымкой атмосферы. Затем появились кадры полетов космонавтов, высадка людей на Луну, шаги на пыльной поверхности.

Фараон перевел дыхание.

— Люди... дошли до звезд?

— Они сделали первые шаги, — сказал Вейр. — Но еще не обрели истинную мудрость.

Долгое время в зале стояла тишина. Фараон смотрел на потухший экран, затем глубоко задумался.

— Ты явился сюда, — наконец произнес он, — из далекого времени, где люди летят к звездам, но все еще ведут войны. Я не могу постичь всего, что ты показал, но одно я знаю точно: в мире, каким бы он ни был, человек всегда ищет силу.

Он пристально посмотрел на Вейра.

— Что бы ты хотел взять с собой в свой мир? Какой дар нашего времени ты бы унес с собой?

Вейр задумался.

— О Владыка Двух Земель, я хотел взять с собой истинное величие вашего царства, — наконец ответил он.

Фараон слегка улыбнулся.

— А что есть это величие?

Вейр посмотрел на стены дворца, украшенные сценами побед, жертвоприношений и восхвалений богов. Затем он взглянул на самого фараона — человека, который, несмотря на свою божественную сущность, все же стремился понять будущее.

— Знание, — ответил Вейр. — Вы создали не только великие храмы и пирамиды, но и мудрость, которая пережила века. Я хотел бы взять с собой записи ваших жрецов, чертежи ваших строителей, философию ваших ученых.

Фараон кивнул, но продолжал смотреть испытующе.

— И еще... — добавил Вейр. — Я хотел бы взять с собой символ вашей силы... О Сын Ра, Дарующий жизнь!...

Фараон улыбнулся.

— И что это за символ?

— Ваш скипетр, — ответил Вейр. — Но не как знак власти, а как напоминание о том, что величие заключается не только в завоеваниях, но и в знании.

Фараон долго смотрел на него, затем поднялся со своего трона. Он протянул руку и дал знак жрецу. Тот подошел, держа на подносе небольшой скипетр, украшенный бирюзой и золотом.

— Возьми, — сказал фараон. — Пусть он напоминает тебе о том, что ты видел здесь.

Вейр принял дар, склонил голову в знак уважения.

— Прими мою благодарность... о Сын Ра, сияющий, как свет зари.

Фараон посмотрел на него с легкой улыбкой.

— Ты пришел из другого времени, но теперь ты стал неджеф¹ для моего двора. А теперь скажи мне: увидим ли мы тебя снова?

Вейр посмотрел на устройство у себя на запястье.

— Время движется по кругу... возможно, однажды наши пути снова пересекутся.

Фараон кивнул, и слуги поднесли чаши с вином. В этот момент над дворцом загорелась полоса зари, наполняя светом древний город, который некогда был центром мира.

— Ты действительно обладаешь знаниями богов, — тихо произнес Тутмос. — Но почему ты здесь?

— Чтобы увидеть, во что превратилось мое наследие, — ответил Вейр. — И теперь я знаю.

Он поклонился фараону, медленно выпрямился и задержал взгляд на лице властителя, в чертах которого соче-

¹ Если фараон хотел бы проявить особую милость к чужестранцу, он мог бы обратиться к нему такой вариант обращения: «Неджеф» — «близкий» или «тот, кто рядом» (использовалось для приближенных людей).

тались мудрость и решимость. Вейр говорил не громко, но в тишине утреннего света каждое слово звучало ясно, почти торжественно:

— Когда я вернусь в свое время, великий фараон, я расскажу о тебе всем. О твоём разуме, твоей справедливости, о великодушии, с которым ты внимаешь даже голосу пришельца из времен, еще не наступивших. Пусть знают те, кто позабыл истоки: в этом царстве однажды правил человек, достойный памяти через тысячелетия. Он на мгновение замолчал, и в этом молчании между ними возникло что-то большее, чем просто прощание — это была невидимая связь двух миров, двух времен.

— Я уношу с собой не только знания, — добавил Вейр тише, — но и благодарность. Ты дал мне больше, чем ответы. Ты дал мне веру в то, что прошлое не было слепо... и что в нем жили те, чья доброта сияла ярче власти.

Фараон не ответил сразу. Он лишь смотрел на Вейра долгим взглядом, полным спокойствия, как если бы уже знал, что его имя и дела не затеряются во мраке веков.

— Тогда ступай с миром, сын иных времен, — произнес наконец Тутмос. — И пусть боги времени охраняют твой путь, как мы хранили тайны звезд.

Он протянул руку, и слуга поднес Вейру символический дар — небольшую фигурку в форме сокола, вырезанную из лазурита.

— Прими этот дар лично от меня. Пусть этот Хорус напомнит тебе: ты был здесь... и был принят.

Дар в виде фигурки Хора-сокола, символизировал не только божественную защиту и власть, но и признание, что перед фараоном не просто гость, а тот, кому доверено знание, охраняемое веками. Это был знак принятия и благословения. С почтением приняв дар, Вейр склонил голову в знак уважения перед фараоном и, не говоря ни слова, медленно направился к выходу из дворца. Он шел по мраморному полу, переходя из зала в зал. Со стен, украшен-

ных фресками, на него взирал сам фараон — величественный, непобедимый, словно застывший вне времени образ власти и славы. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь тонкие облака, ложились на каменные плиты полосами золотого света, и казалось, что сама природа склоняется перед уходом странника. Вейр вышел из дворца в прохладную тень аллеи. Перед ним, в солнечном мареве, раскинулся сад фараона. Пальмы с гибкими изогнутыми стволами покачивались в легком ветре, словно приветствуя его последний взгляд. Цветы у подножий деревьев источали тонкий сладкий аромат, смешиваясь с дыханием древнего Нила.

Он остановился. На миг задержал взгляд на дворце, где жил великий Тутмос, — на его каменных стенах, башнях и колоннах, увенчанных лотосами. Все это теперь казалось уже частью сна. И в ту же секунду его окутало пламя временного перехода. Пространство задрожало. Контуры дворца расплылись, словно растворяясь в зыбком мареве времени. Через мгновение Вейр исчез — и оказался в ином веке, в эпоху Птолемеев, под небом древней Александрии.

ГЛАВА 8. ПОСЛАНИЕ КАЛЛИМАХА

Вейр стоял перед массивными колоннами Александрийской библиотеки, пораженный их величием. В этот момент он осознал: перед ним один из самых значимых центров знаний в истории человечества. Воздух был насыщен запахами папируса¹, чернил, смолы и масла для светильников. Слуги и ученые ходили между рядами стеллажей, несущих свитки, а у центрального зала за высоким столом сидел главный архивариус.

Вейр подошел ближе. На нем была простая туника, чтобы не привлекать лишнего внимания. Его взгляд остановился на пожилom мужчине с длинной бородой, склоненным над манускриптом.

— Приветствую вас, мудрейший, — произнес Вейр, поклонившись. — Я путешественник, ищущий древние знания.

¹ Папирусный свиток может обладать слабым, но узнаваемым запахом, который зависит от его возраста, условий хранения и материалов, использованных при создании. Этот запах может быть описан как «травяной», «землистый» или «древний», и он добавляет папирусу особую атмосферу исторической подлинности.

Мужчина поднял голову и внимательно посмотрел на него.

— Я Каллимах из Кирены, главный архивариус. Здесь собраны труды величайших умов. Какое знание ищешь ты?

— Я ищу сведения о строительстве великих пирамид, о тайнах, оставленных богами, — ответил Вейр.

— Ты пришел за истиной, — произнес Каллимах, его голос звучал низко и размеренно, как эхо из глубины веков. — Но истина не всегда бывает такой, какой мы ее ожидаем увидеть. Она может быть... иной.

Каллимах жестом велел Вейру следовать за ним и повел его в глубину библиотеки. Его движения были плавными, почти ритуальными, словно каждый шаг был частью древнего обряда. Они остановились у стеллажа с особыми манускриптами, запертыми в бронзовые футляры.

— Этот свиток, — начал он, разворачивая папирус с почтительным трепетом, — был написан много сотен лет назад. Здесь говорится о встрече наших предков с существами, что пришли с далекого созвездия, близ звезды Сопдет¹.

Вейр наклонился вперед, его глаза жадно следили за каждым движением Каллимаха. На папирусе виднелись иероглифы, аккуратно нанесенные черными и красными чернилами, а рядом — изображения странных существ с удлинненными головами и большими глазами.

— Видишь ли, — продолжил Каллимах, — в те времена, когда фараоны только начинали строить свои вечные до-

¹ Египтяне называли Сириус «песьей звездой» или Сопдет — это самая яркая звезда на ночном небе. Расположенный в созвездии Большого Пса (Canis Major), Сириус занимал важное место в египетской культуре и астрономии. Он ассоциировался с богиней Исидой и считался символом возрождения и плодородия.

ма, с небес спустились те, кого мы называем «Вестники Исиды». Они пришли из созвездия, что сияет рядом с пещей звездой. Эти существа... они не были богами, но их знания превосходили все, что мы знали.

Каллимах провел пальцем по иероглифам, словно оживляя их.

— Они научили нас строить пирамиды. Но не как гробницы, а как маяки. Маяки для связи с их миром. Каждая пирамида — это не просто камень, это... инструмент. Огромный, мощный, созданный для передачи сигналов через пространство и время. Они говорили, что когда-нибудь вернуться, и пирамиды укажут им путь. Теперь это знание скрыто в глубинах, и лишь немногие осмеливаются понять его.

Вейр почувствовал, как мурашки пробежали по его спине. Он смотрел на изображения пирамид, окруженных странными символами, которые теперь казались ему схемами или чертежами.

— А теперь я тебе покажу свиток, где ты найдешь сведения о Небесном Строителе.

— Здесь, — произнес он, вытаскивая из футляра один из свитков. — Этот текст приписывают жрецам Птаха. В нем говорится о Небесном Строителе, который принес знания фараону Джосеру.

Вейр развернул папирус и начал читать. Символы, начертанные на нем, пробудили в нем странное чувство. В одном из разделов описывалось, как с небес явилось нечто, похожее на божество. Это существо передало фараону мощный технический инструмент, который позволил возводить грандиозные сооружения, храмы и пирамиды. Рядом с текстом были изображены загадочные рисунки, напоминающие квантовый процессор.

— Не может быть... — прошептал он.

— Что тебя так удивляет, чужеземец? — спросил Каллимах.

— Это... это мои рисунки! — воскликнул Вейр.

— Ты говоришь загадками, но, возможно, именно ты тот, кого жрецы называли Небесным Строителем, — задумчиво произнес Каллимах. — Тебе нужно встретиться с теми, кто посвятит тебя в тайну Небесного Строителя. Я напишу письмо, и ты передашь его верховному жрецу Дома Ка Хафра в Гизе.

Город Александрия сиял в лучах утреннего солнца. Ветер с моря шевелил свитки на письменном столе, а в тишине библиотеки слышалось лишь поскрипывание тростникового калама¹ по папирусу. Каллимах, главный хранитель знаний, выводил аккуратные строки, обращаясь к главному жрецу Дома Ка Хафра в Гизе.

К главному жрецу Дома Ка Хафра, благословенному служителю Вечности, великому и благородному Аменеру.

Я, Каллимах, служитель знаний и хранитель книг, посылаю тебе это послание с просьбой, исполненной важности. Приблизился человек, чья судьба вплетена в ткани времени, и ему надлежит услышать слова, хранимые в стенах твоего храма. Его зовут Вейр.

Я прошу тебя встретить его, как встречали бы посланца древних богов. Открой ему тайны, которые хранятся в камне, ибо он — странник, чей путь ведет к истине, запечатленной в звездах и записях наших предков. Пусть он войдет в Дом Ка Хафра и узнает о Небесном Строителе.

¹ В эпоху Птолемеев (IV–I века до н. э.) в Египте для записей использовались папирус и тростниковое перо (калама). Папирус был основным материалом для письма, а тростниковое перо — инструментом, которым наносили текст. Египтяне писали на папирусе, используя тростниковое перо, которое окунали в чернила. Текст наносился либо иероглифами (в религиозных или официальных документах), либо демотическим письмом (для повседневных записей). В эпоху Птолемеев также широко использовался греческий язык, так как Египет находился под влиянием эллинистической культуры.

Слова эти идут с печатью мудрости и доверия. Я надеюсь, что твоя рука направит его, а знание, которым ты владеешь, достигнет своего предназначения.

Да пребудет с тобой свет Ра. Каллимах из Александрии.

Он отложил калам и подул на чернила, чтобы они высохли. Затем Каллимах свернул папирус и опечатал его знаком Библиотеки Александрии. Затем он передал свиток гонцу, дав ему строгий наказ:

– Передай это только в руки главного жреца. Пусть этот свиток пересечет пески и достигнет Гизы.

Гонец кивнул и скрылся за колоннами, направляясь в путь. Каллимах перевел взгляд на Вейра, который стоял в тени свитков, его лицо было сосредоточенным.

– Теперь твой путь ясен, – сказал Каллимах. – Время ведет тебя туда, где камень помнит. Через три дня ты можешь двинуться в путь, в Доме Ка Хафра тебя будут ждать.

Вейр молча кивнул. В глубине души он знал: его ждет не просто путешествие, а встреча с прошлым, в котором скрыт его собственный след. Вейр понял, что у него появилась возможность полностью раскрыть тайну, ради которой он отправился в это путешествие.

ГЛАВА 9. ТАЙНА ДОМА КА ХАФРА

Горячий ветер пустыни мягко касался каменных стен древнего храма. Закатное солнце окрашивало гранитные колонны в медные оттенки, а длинные тени падали на песчаные плиты двора. Вейр шагал сквозь священный зал Дома Ка Хафра, чувствуя, как на него давит груз веков.

Навстречу ему вышел жрец — высокий, худощавый мужчина с пронизательным взглядом. Его звали Аменер, что значило «Тот, кто знает сокровенное». Он носил белые льняные одежды, а на груди у него сверкал золотой амулет в форме Ока Гора.

— Ты пришел, — сказал Аменер, голос его был спокоен, но в нем звучала некая торжественная нота.

— Меня привел сюда путь, который я еще не до конца понимаю, — ответил Вейр.

Жрец молча жестом пригласил его следовать за собой. Они прошли вглубь храма, туда, где стены были покрыты потемневшими от времени иероглифами, а воздух пропитан запахом ладана и древности.

Они остановились перед каменной плитой, на которой был выгравирован символ — звезда, вписанная в окружность, с расходящимися от нее лучами.

– Это знак Небесного Строителя, – произнес Аменер, касаясь плиты рукой. – Ты искал истину, и вот она перед тобой.

– Небесный Строитель? – переспросил Вейр, ощущая, как внутри него поднимается волна откровения, словно вся его жизнь вдруг обрела смысл, и он стал частью нечто большего.

Жрец кивнул.

– Мы храним сказания о том, кто пришел из-за пределов времени, чтобы принести знание. Он был здесь, и его тень отражается в каждом камне, что лег в основание великих сооружений. Нам передавались отголоски его слов, обрывки видений. Он явился нам – один из нас, но не из нашего времени.

– О Великий жрец Аменер, хранитель знаний, допусти меня к истине, что запечатлена в камне, – обратился Вейр к жрецу, указывая на плиту, – позволь мне сделать знак под этим символом.

Жрец внимательно посмотрел на Вейра, чуть помедлил, а затем утвердительно кивнул головой.

– Если воля богов ведет тебя к этому, сделай то, что должен.

Вейр осторожно достал процессор и активировал специальный режим «Хронопечать». Прикоснувшись процессором к плите под символом Небесного Строителя, Вейр почувствовал, как древний камень словно отзывается на прикосновение. Медленно, но уверенно на поверхности гранита начало проявляться изображение в виде точного барельефа процессора, с каждой деталью, с каждой линией.

Аменер наблюдал за этим с благоговением.

– Ты оставляешь метку для тех, кто придет после? – спросил он.

– Нет... Я лишь замыкаю круг, который уже был со-
здан.

Вейр провел ладонью по барельефу, и в этот миг перед его глазами мелькнуло видение — резкие вспышки света, камни, поднимающиеся над землей, лица людей, смотрящих на него с благоговением. Он понял.

Он сам был Небесным Строителем. Все, что он искал, все ответы, которые гнались за ним через эпохи, теперь сложились воедино. Он замкнул круг времени, стал частью древней истории, которая привела его сюда.

В этот момент жрец Аменер вознес руки к небу и, обратившись к Вейру, сказал:

— Теперь ты знаешь...

ГЛАВА 10. ВОЗВРАЩЕНИЕ В НАСТОЯЩЕЕ

Вейр зажмурился, когда перед глазами сверкнул последний всплеск энергии временного перехода. Когда он открыл их снова, в лаборатории царил полутьма, разгоняемая лишь мерцанием контрольных панелей. Камера Перемещения все еще гудела, постепенно затихая, возвращаясь в состояние покоя.

Он выпрямился, делая глубокий вдох. Возвращение было удачным. Время: 2024 год; место: лаборатория Института квантовых исследований.

— Доктор Вейр? — раздался голос из динамиков. Это была Элизабет Марлоу, заведующая биоинженерным сектором. — Вы в порядке?

— Да... Да, я в порядке. — Он вышел из Камеры Перемещения и подошел к лабораторным экранам. — Зафиксируйте параметры возвращения и подготовьте данные для анализа.

Элизабет уже стояла у терминала, ее пальцы быстро скользили по клавиатуре.

— Уровень энергозатрат выше нормы, но в пределах допустимого, — произнесла она. — Однако... Что-то странное.

— Что именно? — Вейр шагнул ближе.

— Археологи в гранитном храме Хафра нашли неизвестные наскальные изображения ... — Она повернула к нему монитор. — Это появилось во время вашего отсутствия.

На экране были фотографии древних рельефов, покрытых символами. Один из них явно напоминал схему его квантового процессора.

— Черт... — Вейр провел рукой по лицу. — Значит, я действительно закольцевал причинно-следственные связи.

— Но это невозможно. — Элизабет с тревогой посмотрела на него. — Эти рисунки датируются как минимум тысячным годом до нашей эры. Как они могут изображать ваше устройство?

— Потому что я уже был там, — вздохнул он. — И они меня видели.

Элизабет замерла, осмысливая услышанное. Но прежде чем она успела что-либо сказать, дверь лаборатории открылась, и в помещение вошел профессор Оливер Хант, куратор проекта.

— Вейр, — начал он с нажимом, — мы получили отчеты из Египта. Исследователи в Гизе нашли описание «небесного строителя», пришедшего из ниоткуда. Древние манускрипты описывают устройство, схожее с вашим.

— Я знаю, — еле слышно ответил Вейр. — Я сам создал эти аномалии.

— Вы понимаете, что это значит? — Хант прищурился. — Вы не просто подтвердили свою гипотезу. Вы стали частью истории.

— И теперь мне нужно выяснить, что еще я изменил. — Вейр взглянул на экран, где были высвечены новые данные. — Похоже, история еще не закончена.

ЭПИЛОГ: КРУГ ЗАМКНУЛСЯ

Вейр долго сидел на скамейке в лондонском парке Russell Square, погруженный в свои мысли. Он смотрел на сверкающие струи фонтана, в которых отражались редкие лучи вечернего солнца, и размышлял о том, как его жизнь изменилась за эти долгие годы поисков. Квантовый процессор, теперь уже просто инструмент, лежал рядом с ним. Он изменил его жизнь, открыл тайны, которые он даже не смел предположить. Этот аппарат стал его путеводителем, проводником через века, соединяя прошлое и будущее.

Он понимал, что, несмотря на все испытания и загадки, которые ему предстали на пути, именно этот момент был той вехой, когда вся его история, все его поиски, наконец, нашли свой смысл. Он не был просто свидетелем событий, он стал их частью. И это осознание приносило ему глубокое удовлетворение.

Вейр поднял взгляд к небу, наблюдая, как последние лучи солнца рассекают облака, оставляя за собой золотистый след. Он ощущал спокойствие, как будто сам космос принял его в свои объятия. Круг, который казался когда-то неразрешимой головоломкой, теперь был завершен. И хотя впереди оставалась еще не одна дорога, Вейр знал — его путь был верным. Время, память и камень объедини-

лись, а сам он стал частью великой истории, которая живет вечно.

С тихой улыбкой он встал со скамейки и направился домой, мысленно уже представляя себе новые горизонты и путешествия, что ждут его впереди. Быть частью этой великой тайны — значит, что все только начинается. Вейр мечтал о новых открытиях и поисках, и, несмотря на завершение одного пути, знал, что впереди ждут другие, не менее захватывающие приключения.

Скипетр, который фараон Тутмос III с великой милостью вручил Вейру, пережил тысячелетия, став немым свидетелем смены эпох и цивилизаций. Сегодня он покоится в залах Британского музея, в отделе древностей Египта, среди других реликвий, рассказывающих о величии прошлого. Этот артефакт, некогда символ власти и божественного благословения, теперь занимает почетное место в коллекции, посвященной XVII династии Второго междуцарствия. Его изящные линии и древние символы до сих пор хранят память о днях, когда Египет был центром мира, а фараоны считались живыми богами на земле.

Круг замкнулся. История, начавшаяся в далеком прошлом, нашла свое отражение в настоящем, а Вейр, ставший связующим звеном между эпохами, продолжил свой путь, неся в сердце мудрость веков и жажду новых открытий.

ГЛИНЯНАЯ ТАБЛИЧКА ИЗ ЭЛАМА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Повесть «Глиняная табличка из Элама» представляет собой художественное осмысление темы, лежащей на пересечении археологии, лингвистики и культурной антропологии. Отправной точкой сюжета становится находка артефакта — глиняной таблички с неизвестной системой письменности, что запускает цепь событий, охватывающую как научный поиск, так и философские размышления о природе знания и времени.

Сюжет развивается на фоне загадочной истории древнего Элама — одного из самых ранних государств Передней Азии, чья культура существовала на территории современного юго-западного Ирана. Задолго до расцвета Вавилона и Ассирии Элам уже обладал собственной письменностью, сложной системой управления, развитой металлургией и монументальной архитектурой. Однако многое в его наследии по-прежнему окутано тайной: эламская письменность остается частично нерасшифрованной, а культурные и религиозные контакты этого царства с другими цивилизациями — предметом жарких научных споров. Таблички, найденные в Сузы и Аншане, содержат следы забытых ритуалов, неразгаданных космологических схем и обращений к неизвестным силам, словно хранят в себе код доступа к иному знанию.

Главный герой повести, профессор Вейр — уфолог, увлекающийся археологией и лингвистикой, — становится свидетелем тайны, скрытой в глубинах древнего Элама. Он открывает следы удивительного контакта: общения между эламитами и внеземной цивилизацией, передавшей людям того времени астрономические знания, сакральные образы и зашифрованные послания, утерянные в вихре тысячелетий. Это история не только о реконструкции прошлого, но и о внутреннем путешествии, в котором случайные открытия становятся поворотными моментами, а древние символы — зеркалом человеческой интуиции, сомнения и веры.

Читателя ждет не просто рассказ с научным фоном, а подлинное приключение, в котором оживают забытые эпохи, ожесточенные царские интриги, древние тайны и послания сквозь время. Повесть поднимает важный вопрос: действительно ли прошлое молчит или же мы просто разучились его слышать?

Эта книга будет интересна как широкой аудитории, увлеченной историческими загадками и тайнами исчезнувших цивилизаций, так и любителям интеллектуального приключения — тем, кто ищет динамичное, насыщенное открытиями повествование, в котором древнее и современное неожиданно переплетаются, оставляя послевкусие вечной тайны.

ОТ АВТОРОВ

Иногда история начинается не с факта и не с даты, а с вопроса. Что, если в забытом языке Древнего мира скрыто послание, адресованное не прошедшим эпохам, а нашему времени? Так родилась эта повесть — на стыке реальных археологических загадок и воображаемых путей, по которым могла пойти история человечества.

Мы не ставили перед собой задачу создать точную реконструкцию событий прошлого Элама — одной из тех древних цивилизаций, что хранят тайны, возможно, выходящие за пределы земной истории. Скорее — мы попытались вслушаться в отголоски ушедших эпох. В голос языка, еще не открывшего всех своих тайн, и в молчаливые размышления людей, ищущих себя сквозь безмолвие веков.

Если вы интересуетесь археологией, загадками исчезнувших цивилизаций и верите, что наука может быть увлекательной, — эта повесть для вас.

Желаем вам приятного путешествия сквозь тайны времени — в мир, где загадки прошлого ждут своего читателя.

Виктор и Сергей Хареговы

ГЛАВА 1. СЛЕД НА ГЛИНЕ

После своего путешествия во времена фараонов с помощью экспериментального квантового процессора профессор Эдвард Вейр стал фигурой легендарной. Его книга «Хроники Нила: между звездами и песками» стала мировым бестселлером, переведенным на два десятка языков. Ученые спорили, журналисты спорили еще громче, но все признавали одно – профессор Вейр обладал знаниями, которые не мог бы получить без настоящего путешествия во времени.

Свое новое приключение он начал в составе археологической экспедиции, которая вела раскопки в окрестностях древнего города Хафт-Тепе¹ (II тыс. до н. э.) на юго-западе Ирана, где некогда процветала эламская цивилизация. Среди обломков храмового комплекса Вейр обнаружил артефакт – глиняную таблицу с непривычными клинописными знаками.

Сидя в своей палатке за раскладным столом, Вейр рассматривал через лупу найденную табличку. Эта находка сбивала с толку: ни один из известных алфавитов древне-

¹ Хафт-Тепе («Семь холмов») – эламский город (II тыс. до н. э.) с храмами и гробницами в провинции Хузестан (на юго-западе Ирана).

го эламского письма не соответствовал тому, что он видел перед собой. Символы казались... чужими.

— Крис, посмотри, — позвал он, не отрывая взгляда от артефакта.

В палатку вошел высокий парень с растрепанными волосами и в футболке с надписью UFOs are real. Это был Крис Белтон — техник, программист и человек, которому Вейр неизменно проигрывал в гольф, несмотря на все свои академические титулы.

— Очередная загадка? — Крис наклонился над столом. — Это что, не клинопись?

— Клиновидное письмо. Но не шумерское и не аккадское. Более того — не соответствует ни одному варианту эламского, который мы знаем. — Вейр сдвинул брови. — И знаешь, что странно? Здесь есть повторяющийся символ, похожий на астрономическое обозначение.

— То есть вы думаете, что это не просто запись, а что-то связанное со звездами? — спросил Крис.

— Думаю, это послание. Возможно — предостережение. Или карта.

В палатке повисла напряженная тишина. Снаружи резкие порывы ветра поднимали в воздух песок с земли, который шуршал по палаточной ткани, который доносился до них, словно шепот времен из глубины веков.

— У нас нет другого выхода, — наконец произнес Вейр. — Мы должны переместиться в то время и попытаться узнать, что означают эти таинственные знаки на табличке.

Он активировал временной модуль квантового процессора и поднес к нему табличку.

— Сейчас мы узнаем точную временную метку этой таблички и отметим ее на шкале перемещений процессора...

— Профессор, вы уверены, что получится это сделать?.. Хватит ли нашего знания древнеэламского языка, чтобы

объясниться с людьми того времени? — спросил он наконец, осторожно поставив ящик с найденными фрагментами эламитской керамики на пол.

Вейр не отводил взгляда от клинописи. Символы были едва различимы, но в них читалась структура. Ритм. Смысл.

— Не знаю, — отозвался он тихо. — Но уверен, что мы сможем получить ответ на наш вопрос. Мы не обязаны понимать каждое слово — достаточно услышать, что они пытаются сказать.

Он отошел в дальний угол палатки к стеллажу и вытащил старую, потрепанную книгу в кожаном переплете. На обложке еле различимая надпись: «Fundamenta Elamiticae — Professor Ivor G. Leffingwell, Oxford University Press».

— На всякий случай возьмем с собой учебник профессора Леффингвелла. Его лекции в Оксфорде были скучны, как лондонский туман, но он знал язык Элама лучше, чем кто бы то ни было.

Курс древнеэламского языка у профессора Хошанга Бахтияри с кафедры древних ближневосточных языков был намного полезнее для меня. Профессор обучал не только грамматике и письменности, но и особенностям разговорной речи, интонациям, культурным нормам обращения и формам вежливости.

Крис усмехнулся:

— Думаете, жрецы храма поймут вас, если вы начнете цитировать оксфордских филологов?..

— Возможно, нет, — Вейр пожал плечами. — Но если табличка права и это действительно ключ... тогда нам нужно хотя бы попытаться найти замочную скважину.

Они снова обратились к оттиску. На нем был знак, не похожий ни на шумерские символы, ни на аккадские. В центре — спираль, исходящая из круга, и надпись, которой не было в известных корпусах текстов. Все указывало

на то, что эта табличка была не просто реликвией. Она могла быть картой. Или кодом. Или вызовом.

Крис глубоко вдохнул:

– Значит, мы на самом деле отправляемся в Элам?.. В Сузы¹?

– Нет, в Хафт-Тепе, – ответил Вейр. – Мы отправляемся за ответом. И если нам повезет – встретим того, кто вложил тайну в эту глину.

Крис вздохнул, смущенно потерев свой лоб:

– Ну, если мы умрем – мы будем первыми, кто умер в прошлом. Это как минимум исторично.

Порыв ветра сорвал с палатки угол тента, и вечерний зной пустыни сменился тревожной тишиной. Крис застыл с пальцем на сенсоре квантового модуля, ожидая команды. Вейр закрыл учебник Леффингвелла и поднял взгляд.

– Все готово? – тихо спросил он.

– Поле стабилизировано. Координаты заданы. Мы попадем на южную окраину Хафт-Тепе, ближе к дороге, ведущей к храмам, – отозвался Крис.

– Тогда запускаем.

Временной модуль квантового процессора дрогнул. Воздух вокруг них стал вязким, как смола, и пространство пошло рябью. Все исчезло. Палатка, пыль, закат... Пространство запело высоким звуком, потемнело, закружилось, сместилось – и потом... все стихло.

Вейр открыл глаза, он лежал в горячем песке. Над головой – яркое, безжалостное солнце. Крис уже поднялся на ноги, отряхивая свою одежду от песка.

– Ну что, профессор. Добро пожаловать в Элам.

Они стояли на гребне дюны. Вдали раскинулся город Хафт-Тепе, как вырезанный из охры мираж. Город был об-

¹ Сузы (Шуш) – древняя столица Элама, позже важный центр Ахеменидской и Парфянской империй.

несен глиняной стеной, по которой шли дозорные с копьями. Внутри — ряды одноэтажных домов с плоскими крышами, над которыми возвышались ступенчатые храмы. На окраине пыльная дорога вела к фруктовым садам, а дальше — к реке с медленным мутным течением. В воздухе стоял запах костров, зелени и глины.

— Мы действительно здесь... — прошептал Крис. — Профессор, вы только посмотрите...

— Это и есть Хафт-Тепе времен Шутрук-Наххунте, — ответил Вейр. — Если табличка принадлежала этому времени — мы недалеко от истины.

ГЛАВА 2. ПЕСОК И ЖАР СУЗИАНЫ

Когда портал сомкнулся за их спинами, оставив лишь легкое дрожание воздуха, профессор Вейр бросил быстрый взгляд на Криса и достал из походного рюкзака тщательно уложенные свертки, которые он предусмотрительно взял в экспедицию на случай возможного перемещения в древний Элам.

— Времени у нас немного, — сказал он, скидывая свою куртку. — Мы не можем появиться в этом времени в современной одежде. Нам надо переодеться в подходящую одежду.

Крис уже развернул ткань и с восхищением провел рукой по фактуре. Одежда была выполнена из плотного льняного полотна песочного и терракотового оттенков, украшена геометрическим орнаментом, повторяющим мотивы, найденные на эламских глиняных табличках.

— Она выглядит... аутентично, — сказал Крис. — Даже запах какой-то древний.

— Это благодаря особой обработке, — пояснил профессор, уже натягивая через голову широкую тунику с короткими рукавами. — Мы заказали пошив у специалистов из Angloset Wardrobe Studios, модельного агентства при киностудии Pinewood Studios — ты их знаешь, они одева-

ли актеров в «Царе царей» и «Алекサンドре Великом». Они воссоздали наряды по реконструкциям археологов из Суз и Чога-Занбиля.

Одежда Вейра состояла из длинной льняной накидки, подпоясанной тканым кушаком, и короткой туники с гофрированной кромкой — знак статуса, по описаниям найденным в рельефах. На ногах — простые кожаные сандалии, закрепленные кожаными ремешками.

Крис получил одежду попроще — более грубую тунику серо-коричневого цвета, с открытыми плечами и свободным подолом, как носили слуги или ремесленники. К ней прилагался капюшон-накидка от солнца и пыльные сандалии, будто уже изрядно поношенные.

— Они даже состарили ткань вручную, — усмехнулся Крис, надевая пояс. — Как будто эти одежды действительно носили веками назад.

— Именно этого мы и добивались, — отозвался профессор. — С таким вниманием к деталям нас не отличат от местных... по крайней мере, пока мы молчим.

Он посмотрел на себя и на Криса с одобрением, как костюмер перед генеральной репетицией.

— Теперь мы просто странники из далекой провинции, пришедшие в Сузы. Наш акцент можно будет списать на диалект, а незнание обычаев — на простоту.

Они спустились с вершины дюны, спрятали рюкзаки под обломками у подножия скалы и направились в сторону ближайшего поселения. Песок обжигал ступни, и воздух колыхался в мареве над землей, словно дыхание невидимого гиганта.

Вейр шагал, прикрывая лицо от палящего солнца, а Крис брел чуть позади, разглядывая пейзаж со смесью восторга и тревоги.

— Это точно не Калифорния, — пробормотал он. — И точно не XXI век.

— Мы в Сузиане¹, друг мой, — отвечал ему Вейр. —

Еще неизвестно, где жарче — здесь или в Долине Смерти². — Они проходили мимо небольших полей, обнесенных глиняными оградами, меж которых копошились люди в льняных одеждах. Женщины носили на головах кувшины, дети гоняли коз, мужчины обрабатывали землю и несли связки тростника. Все дышало жизнью — простой, тяжелой, древней. — Надо смешаться с местными, — тихо сказал Вейр. — И найти способ попасть в город.

К ним первой подошла девочка лет десяти с корзиной фиников. Она что-то сказала на непонятном Вейру наречии, удивленно разглядывая их одежду. Вейр кивнул, улыбаясь, и жестом показал, что они устали и хотят пить. Девочка крикнула куда-то вдаль, и вскоре появился пожилой мужчина с лицом, обожженным солнцем, и тяжелым, будто высеченным из камня, взглядом.. Они не понимали слов друг друга, но профессор достал из кармана серебряную монету — новодел, но с античным рисунком — и протянул. Мужчина насторожился, затем взял ее, разглядел и кивнул. Через десять минут их уже поили водой из глиняных чаш, а Крису мазали ноги бальзамом от ожогов.

Вечером их пригласили в дом старейшины. Там, под навесом из пальмовых листьев, они ели кашу из зерна и мясо, запеченное в земляной печи. Вейр наблюдал за каждым жестом, интонацией, за порядком еды — всем,

¹ Сузиана (греч. Σουσιανή, лат. Susiana) — это древнее название региона на юго-западе Ирана, примерно соответствующего современной провинции Хузестан. Сузиана располагалась между Месопотамией (Двуречьем) и Персидским нагорьем.

² Долина Смерти (Death Valley) — это пустынная долина в Калифорнии (США), известная как одно из самых жарких и засушливых мест на Земле. Она находится в пустыне Мохаве и частично в Большом Бассейне. Рекорд температуры: 56,7° C (134° F, 10 июля 1913 г.) — официально зарегистрированный мировой рекорд.

что могло бы помочь в интеграции. Он вел записи в небольшом блокноте, делая наброски быта: веревки, светильники, украшения, инструменты.

– Это золотая жила для этнографов, – прошептал он. – Уникальный материал.

Поздно ночью, лежа на циновках, Вейр прошептал:

– Завтра пойдем в Хафт-Тепе. Нам нужен человек, разбирающийся в письменности. Я думаю, что при храме есть Хранитель Знаков. Возможно, именно он нам нужен.

– А если он нас сдаст?

– Тогда нам остается надеяться, что наш акцент не слишком ужасен.

Утром их проводили до дороги, ведущей к городу. Она была пыльной, широкой и оживленной: повозки, навьюченные быки, пешие странники. По мере приближения к городу становилось все шумнее: запах жареной рыбы, дым благовоний, крики торговцев.

Хафт-Тепе встретил их ароматами кориандра и криками охраны. У ворот их остановили. Стража была настороже: два чужака без сопровождающего.

– Не говори ничего, – шепнул Вейр Крису. – Пусть думают, что ты немой.

Один из воинов указал копьем в сторону каменной скамьи. Их усадили и стали допрашивать жестами. Вейр показал на табличку, достал ее из-за пояса. На ней были те самые знаки. Один из стражей пригляделся, обменялся взглядами с другим, затем ушел. Вернулся он с человеком в богато расшитом плаще.

Это был писец или чиновник. Он внимательно посмотрел на табличку, затем на путешественников, после чего произнес несколько фраз – медленно, внятно.

– Возможно, – сказал он наконец на аккадском, перемежаемом с эламскими словами, – вы пришли издалека. Следуйте за мной. Главный жрец должен узнать об этом.

Путешественники переглянулись. Вейр проворчал под нос:

– Началось...

Их провели сквозь шумные улицы, пропитанные пылью и специями, мимо базаров, ремесленных лавок и святилищ — прямо к городскому храму.

Величественный храм из обожженного кирпича возвышался над городом, словно напоминание о временах, когда Элам был полон силы и тайн. Он стоял на массивной платформе, сложенной из тщательно выровненных кирпичных блоков, поднятых на несколько метров над уровнем улиц — защитой как от наводнений, так и от непрошенных глаз. Ступенчатая конструкция террас уводила взгляд вверх, к главному святилищу, скрытому за высокими глинобитными стенами, покрытыми слоем штукатурки и расписанными фрагментами древней символики.

Стены были сложены из обожженного кирпича — материала, в котором эламиты достигли настоящего мастерства. Каждый кирпич носил клеймо царской печати или храмового мастера, а связующим раствором служила смесь глины и битума, придававшая строению прочность и устойчивость. На отдельных участках можно было заметить вставки из глазурованной керамики — бирюзовых и темно-синих оттенков, из которых были выложены изображения быков, львов и звезд — небесных покровителей эламского пантеона.

Вход в храм венчал портал с углубленным проемом, обрамленным парой колонн — не гранитных, как в Египте, а кирпичных, покрытых побелкой и расписанных орнаментами в виде спиралей и зигзагов. На вершине каждой колонны располагался стилизованный цветок лотоса или рогатая голова быка — мотив, повторявшийся в эламской иконографии. Здесь, за его стенами, им предстояло сделать первый шаг в разгадке эламской тайны.

ГЛАВА 3. ХРАМ И ХРАНИТЕЛЬ

В тени массивных строений храма воздух был прохладнее, но от этого не менее напряженным. Стражи в медных нагрудниках вели путешественников по коридорам, выложенным глазурованным кирпичом. Стены украшали изображения львов, священных деревьев и божеств с птичьими головами. У входа в один из залов пахло свежей глиной и розовой водой — знак того, что здесь недавно совершался ритуал очищения.

Вейр чувствовал, как под кожей разливается тревога. Крис шел чуть позади, стараясь не оглядываться. Они оказались в сердце царства, где каждое неверное слово могло стоить жизни, а каждый взгляд имел значение.

В просторном зале их встретил человек в тунике из тонкой шерсти, окрашенной в терракотовые и красные тона, с серебряной подвеской в форме стилизованной звезды. Туника была расшита изящными узорами из золотых нитей. По подолу и рукавам тянулись стилизованные мотивы — пылающие солнца, зубчатые линии и ритуальные звери, как будто ткань несла в себе древние заклинания. Его седые волосы были собраны в узел, а в глазах светился ум и усталость одновременно.

Профессор Вейр сделал шаг вперед, прижал руку

к груди и склонил голову, произнеся на древнеэламском: «Ме-нам-иш ина хумба», что означало: «Да пребудет с тобой благоволение царя». Это было традиционное приветствие, которое эламиты использовали при встрече со знатными людьми и вельможами царя.

— Эламит, но не жрец... скорее всего — ученый, — прошептал Вейр. — Возможно, это и есть Хранитель.

— Добро пожаловать, странники, — сказал человек на аккадском с мягким акцентом. — Меня зовут Энлилу-Намру. Я ведаю хранилищами Писаний, Храмовых записей и Учета. Говорят, вы принесли туппум¹, которую никто не может прочесть?

Вейр молча протянул артефакт. Энлилу-Намру взял его с благоговейной осторожностью и подошел к столу, залитому светом из проема в потолке. Он развернул табличку к свету и склонился над ней.

— Это не храмовая запись, — пробормотал он. — И не налоговая. Это... что-то иное. Видите эти символы? Это не классическая эламская письменность. Некоторые знаки похожи на лувийские². А этот — на хурритский.

— Вы можете это прочесть? — тихо спросил Вейр.

— Частично. Но мне нужно время. И... ваша помощь. — Он посмотрел в глаза профессору. — Вы не отсюда. Ваш

¹ Глиняная табличка, туппум (аккад. *tupru* (m) мн. ч. туппумы) — это одна из первых материальных основ для книги, появившаяся около 3500 лет до н. э. в Месопотамии. Глина и ее производные (черепки, керамика) была, вероятно, наиболее древним материалом для книг. Шумеры и аккадцы лепили плоские кирпичики-таблички и писали на них трехгранными палочками, выдавливая клинообразные знаки.

² Лувийцы — сформировавшийся в Малой Азии в эпоху Бронзового века народ, говоривший на вымершем индоевропейском языке. Предполагается, что предки лувийцев мигрировали с территории Балканского полуострова и заселили территорию от Эгейского моря до Киликии.

язык, ваша кожа, даже запах ваших одеяний — другие. Но вы ищете истину, я это чувствую.

Вейр не стал отрицать:

— Я пришел издалека, чтобы найти смысл этой записи. Она может изменить многое.

— Тогда оставайтесь в храме. Здесь вы будете под моей защитой. Хотя, — он усмехнулся, — не у всех доброе сердце. За вами уже наблюдают.

Позже в одной из комнат верхнего уровня Вейр и Крис пытались осмыслить происходящее. По стенам медленно ползли тени от факелов.

— Нам верят, — произнес Крис, — но на грани сомнений.

— Да. Но стоит нам раскрыть тайну — и опасность может нависнуть над нами.

Тем вечером Энлилу-Намру вновь пригласил их к себе. Он разложил на столе несколько табличек из архива храма.

— Чтобы понять вашу речь, вы должны понять нас. Слова имеют душу. Символы несут голос предков. Я научу вас основам речи Шушана.

Вейр слушал с замиранием. Он жадно впитывал объяснения: как различаются звуки «ша» и «са», как глаголы согласуются с божествами, как важно, с какой стороны читается знак в контексте ритуала.

— В вашем артефакте, — сказал Хранитель, — есть слово, которое встречается в древних записях времен «падающих звезд». Мы всегда считали это мифом. Возможно, вы принесете иной взгляд.

— Или подтверждение, — пробормотал Вейр.

Тем временем в полутени колонных проходов, за резными дверями святилищ и внутри прохладных залов, где каменные стены хранили полузабытые ритуалы, зарождалось подозрение.

Некоторые из жрецов — особенно те, кто считался хранителями древних формул и заветий, передаваемых

из поколения в поколение, — не скрывали тревоги. Они видели в Вейре и его спутниках не просто чужеземцев, а незваных свидетелей. Свидетелей, пришедших не для поклонения, а для проникновения в тайны, которые, по их мнению, не принадлежали больше никому, кроме избранных.

— Они ищут путь к Вратам, — шептали одни.

— Они хотят вынести за стены города то, что веками оберегали наши отцы, — говорили другие.

В узких коридорах храмового комплекса, в комнатах для молитв и советов стали звучать предложения, которым прежде не находилось места среди жрецов. Одни настаивали на изгнании чужаков до захода солнца, другие — в более мрачной тональности — предлагали, чтобы они «исчезли в песках» без лишнего шума.

Один из них — мужчина с выбритым черепом, жрец с суровым взглядом — произнес:

— Эти чужаки — вестники перемен. Или бедствий. Их речи — яд. Их знания — угроза.

Другой, молодой и хитрый, добавил:

— Но пока они под покровом Хранителя. Надо подождать. Или... сделать так, чтобы его доверие пошатнулось.

Главный жрец пока хранил молчание. Но Вейр почувствовал перемену: в приветливых жестах появилось напряжение, во взглядах — скрытая враждебность. И храм, который должен был стать местом откровений, начал обретать черты ловушки.

Так началась игра теней, в которой на чаше весов оказались знание, власть и сама судьба загадочной таблички.

ГЛАВА 4. ЯЗЫК БОГОВ

Утро в Хафт-Тепе начиналось с шелеста шелковых занавесей, звона сосудов с водой и мерного пения храмовых служек. Храм просыпался не торопясь, как древнее существо, обитавшее вне времени. Вейр уже был на ногах: он сидел на открытой террасе, смотрел на город, раскинувшийся под первым светом солнца, и повторял про себя эламские слова, записанные им на дощечке из сырой глины.

Крис появился сонный, с лохматой головой:

— Уже репетируешь? Мы же не на экзамене.

— Это хуже. Здесь неправильный ответ может вызвать подозрение в колдовстве, — отозвался Вейр и усмехнулся. — Лучше я запнусь на грамматике, чем потеряю голову.

Их ожидал Хранитель. В покоях Энлилу-Намру царил полумрак. Свет проникал через резные оконные решетки, падая на ряды табличек, аккуратно разложенных по глиняным полкам. Хранитель сидел на циновке, окруженный писцами и помощниками. Он жестом подозвал гостей и вручил каждому дощечку с надписью.

— Мы начнем с основ. Речь Шушана — это больше, чем слова. Это музыка и ритуал. Чтобы говорить, вы должны чувствовать вес каждого знака.

Начались часы изучения. Хранитель показывал, как один и тот же символ может означать «звезду», «бога» или «знамение» — в зависимости от положения и акцента. Он объяснял разницу между священной речью жрецов и повседневным языком торговцев. Слова в Эламе не просто передавали смысл — они вызывали силу.

Вейр с интересом записывал все в свою записную книжку. Он даже попробовал воспроизвести несколько символов, с явным удовольствием экспериментируя с глиной. Крис безучастно наблюдал за действиями профессора.

На третий день обучения Вейр показал Хранителю одну из фотографий, сделанных в XXI веке — изображение фрагмента артефакта, хранившегося в музее Тегерана.

— Эта надпись, — сказал он, — почти идентична одной строке на нашей табличке.

Хранитель задумался, затем прошептал:

— Это знак Касси... упоминается в предсказаниях времен Великой Бури. Легенда говорит, что звезды однажды упадут на землю и тогда откроется путь. Но никто не знал, где искать этот путь.

— Возможно, наша табличка — часть карты, — предположил Вейр. — Или ключа к ней.

Энлилу-Намру кивнул. Он выглядел потрясенным, но не испуганным. Напротив — в его глазах загорелся огонь ученого, искателя истины.

— Мы продолжим. Завтра я покажу вам Хроники Линии Ветра. Там есть строки, созвучные вашему тексту.

Однако не все были в восторге от успехов чужаков. В зале при храме Ишме-Карру верховный жрец Утар-Мезу обсуждал ситуацию с представителями жреческого совета.

— Они учатся. Быстро. Они узнают больше, чем позволено чужакам. Мы должны вмешаться, — произнес он мрачно.

— Но царь заинтересован. И Хранитель их защищает, — возразил один из младших жрецов.

— Тогда мы сделаем так, чтобы они оступились. Достаточно одного проступка — и доверие рухнет.

В тот же вечер к Крису подошел слуга с приглашением на тайную встречу. Незнакомец говорил на ломаном аккадском, утверждая, что знает происхождение таблички. Крис рассказал Вейру о таинственном слуге.

— Это может быть ловушка, — сказал профессор. — Или шанс узнать больше.

— Тогда мы пойдем вместе.

Они отправились в сопровождении слуги в узкие кварталы, где жили ремесленники и писцы. Там, в одной из глинобитных лавок, их ждал молодой человек с лукавым взглядом. В руках он держал табличку, поразительно похожую на ту, над расшифровкой которой ломали голову путешественники.

— Я нашел это в развалинах возле старого святилища. Но никто не смог понять смысл. До вас. — Он подмигнул. — Если хотите ее получить — мне нужно кое-что взамен.

— Например?

— Доступ к дворцовой библиотеке. На час. Я ищу кое-какие записи.

— Это невозможно, — отрезал Вейр.

— Тогда нет таблички.

Они вернулись без новой информации, но с важным осознанием: вокруг таблички начинают кружить те, кто хочет использовать ее ради своих целей. И эти интересы могут оказаться смертельно опасными.

Тем не менее Вейр чувствовал, что он все ближе к пониманию. Язык открывался ему как цветок, и в его сердцеvine пряталась истина — древняя, сияющая и, возможно, слишком могущественная для одного человека.

ГЛАВА 5. ЗАГОВОР ПОД ЛИВНЕМ

Дождь в Хафт-Тепе был редким гостем, но в тот весенний день небо раскололось, словно сосуд из обожженной глины. Грохот грозы застал путешественников на внутреннем дворе Дома странника¹.

Вейр поднял лицо к небу. На мгновение он ощутил, что время растворилось. Здесь, под дождем, он был не ученым из будущего, а странником между мирами.

– *Šiminki raša*, – пробормотал он. – «Небо плачет».

– Это не просто ливень, – заметил Крис, оглядываясь. – Вон те жрецы не радуются. Посмотрите, профессор... как они нахмурились.

И правда: в затененном проходе под каменными арками стояли трое мужчин в темных плащах. Он что-то говорил, прижав ладонь к груди, и его голос был глух и ясен одновременно. Они не замечали, что их наблюдают. Или делали вид.

¹ В кварталах древнего эламского города, особенно при дворце или храме, могли существовать специальные помещения для приема послов, ремесленников, торговцев или паломников. В шумерской традиции использовались слова вроде: *é-gal* (букв. «большой дом», т. е. дворец).

Когда дождь закончился, профессор Вейр с Крисом направились в библиотеку храма, где их ждал Энлилу-Намру.

Они сидели за большим столом и слушали, как Хранитель зачитывал строки из Хроник Линии Ветра. Один из юных писцов случайно пролил масло на табличку Вейра. Он извинился, но профессор заметил короткий знак, который юноша показал другому писцу — вертикальный жест через грудь.

— Что это значит? — спросил он у Энлилу-Намру позже, наедине.

Хранитель долго молчал, затем вздохнул:

— Это знак Хаум-Дуран — секты, что почитает молчание и боится перемен. Они считают, что каждый, кто говорит на языке звезд, нарушает покой духов.

— Нас считают нарушителями?

— Не все. Но те, кто верит в древние границы между мирами, — да.

На следующий день Вейру принесли пергамент — как будто случайно забытый в его комнате. На нем на старозамском было написано: «*Kikki nam-me. Giriš ummiš kiš-eli.* — „Ты не свой. Ступай ввысь, прежде чем тебя опустят вниз“». Угроза, замаскированная под поэзию.

Крис был вне себя:

— Нас хотят устранить и делают это по всем законам дипломатии бронзового века. Что будем делать?

— Отвечать тем же языком, — сказал Вейр. — Молчанием и знанием.

Путешественники по-прежнему продолжали посещать занятия, изучали символы, переписывали строки.

Вейр заметил, что чем глубже он погружается в язык, тем больше ощущает ритм мыслей древних людей. Их представления о мире были иными: клинописный знак «дух» (*gidim*) изображался почти так же, как «ветер» — похожим на половину звезды с расходящимися от центра короткими клиньями. Рядом с ним — дополнительные го-

ризонгальные и вертикальные клинья, образующие структуру, похожую на перевернутый крест, а знак, изображающий слово «знание», выглядел как вертикальный клин, от которого отходят короткие горизонтальные штрихи, и напоминал лучи, исходящие из центра.

Однажды ночью, когда все улеглись спать, они вышли в нижний сад Дома странника. Крис заметил тень у стены. Слишком быстро исчезла. В кустах нашли обломок таблички — не их, но с посланием: «*Šeh en-nam. Ummu ašti.* — „Царь знает. Мать видит“».

— Это проделки жрецов, — сказал Энлилу-Намру, когда они следующим утром показали ему фрагмент. — Так запугивают тех, кто ведет себя «не по вере».

Вейр кивнул. Он все понял. В этом мире уважали силу, но истинную — ту, что шла от понимания, а не от меча.

— Тогда мы начнем писать. Пусть слова станут нашим щитом.

Они начали составлять грамматический свод, сопоставляя символы таблички с известными вариантами. Крис собирал фонетические пары, Вейр интерпретировал контексты. Работа шла тайно в нише под храмовой галереей, среди высеченных в стене символов.

И все же тень за ними не отступала. Однажды утром в их покоях обнаружили глиняную фигурку, изображающую человека с выломанным языком. Послание было ясно.

Вейр зажег лампу, взглянул на Хранителя и сказал:

— *Innam. Giriš šetme.* — «Я иду. Врата открыты».

Он знал, что выхода назад нет. Но путь вперед теперь был не просто путешествием. Это было — откровение.

Гроза, прокатившаяся по Хафт-Тепе, была только началом.

ГЛАВА 6. ТАЙНЫ НА ПЕРГАМЕНТЕ

День, когда Вейру позволили войти в Хранилище Те-ней, начался с запаха благовоний и таинственного знака, оставленного на его дверях: спираль, начертанная пеплом и охрой, – символ дозволения среди хранителей знания. Это было не просто приглашение. Это был древний ритуал допуска, известный лишь немногим.

Энлилу-Намру встретил их у входа в подземные своды храма. На нем была темная туника жреца писцов, а на поясе – бронзовая ключ-табличка с выгравированными словами: «*Šul-Šiminki innam ašti*. – „По воле Неба – знание матери“». Он приложил табличку к узору в каменной кладке, и в ответ прозвучал мягкий скрежет: дверь открылась, словно камень признал своего.

– Здесь не ступала нога чужака уже три сотни лет, – сказал Хранитель. – И только по велению Главного жреца я могу ввести вас.

Подземелье встретило их тяжелым сухим воздухом. Стены были выложены плитами с выбитыми знаками, некоторые – покрыты сажей, другие – отполированы до блеска. Факелы трещали, отбрасывая пляшущие тени, и каждый шаг звучал как удар в сердце тишины.

На шестом повороте коридора Энлилу-Намру указал

на ниши, заполненные пергаментами¹, свернутыми в кожаные трубки и перевязанными веревкой из тростника.

— Это Хроники Западных Путей. Здесь встречаются упоминания о «касси» — падших знаках, пришедших с неба. Вам нужно искать связанное с этими словами: *Sukkal mušanna, šukimi ezzun, kikki gatu*. Они обозначают служителей звезд, след духа и мост между мирами.

Вейр, прижимая платок к лицу от пыли, уже ощущал, как ускоряется его пульс. Он знал: среди этих свитков спрятано что-то большее, чем память.

Они работали без перерыва. Крис аккуратно разворачивал тексты², Вейр просматривал и переводил вслух. Некоторые тексты были явно обрядами: обращения к духам земли, списки подношений. Но были и другие — фрагменты, в которых описывались явления, напоминавшие современные наблюдения НЛО.

— Послушай: «*Šiminki šuppi inni kassum. Ummatu šakna. Ezzun iršul*. — „С неба сошел черный круг. Народ пал ниц. Свет ушел внутрь“». — Вейр перевел и замер.

— Это описание посадки? — прошептал Крис. — Или миф?

— Иногда разница лишь в расстоянии во времени, — ответил профессор. — Но это еще не все.

На одном из свитков они нашли символ, идентичный

¹ Упоминания о пергаментных свитках встречаются в поздневавилонских и хурритских текстах. Ассирийцы и евреи (позднее) использовали пергаментные свитки — возможно, традиция существовала уже ранее. В более позднюю эпоху (Ахеменидская Персия) пергамент и папирус уже достоверно использовались для писем и свитков.

² Имитация клинописи на пергаменте возможна как рисованная графика. Вместо вдавливания рисовали клиноподобные знаки тушью или пигментом. Такие образцы действительно существовали — известна «чернильная клинопись» в поздневавилонский и эламский периоды.

тому, что был на глиняной табличке. Под ним шла запись: «*Šaneggi inni tuššum. Ninni giriš. Šeštu šul-az.* — „Печать хранит голос. След ведет. Страж встанет в тень Неба“». Это была часть пророчества или, возможно, указание.

Когда Хранитель увидел этот фрагмент, он замер, затем произнес почти шепотом:

— Это связано с Великим Расхождением. Легендой, что небесные врата однажды вновь откроются.

— А печать?.. — спросил Вейр.

— Вероятно, ваша табличка и есть та самая печать. Или ее часть.

Их разговор прервало легкое эхо шагов. Кто-то приближался. Хранитель быстро погасил ближайший факел и приложил палец к губам. Из мрака показался юный писец с корзиной для хранения свитков.

— *Šarru nikkum inna*, — проговорил он. — Главный жрец желает знать, что вы нашли.

Энлилу-Намру кивнул и повернулся к Вейру:

— Отныне каждый шаг — под взором Главного жреца. Мы идем по лезвию.

Позже в покоях Вейр осторожно разложил найденные отрывки. Он сделал набросок связей между словами, используя эламские корни, алломорфы и сигнальные формы.

— Это как сплести сеть из слов, где каждая нить — направление. Мы получаем карту не территории, а смысла.

— И эта карта ведет не только сквозь землю, но и сквозь веру, — добавил Вейр. Он смотрел на символы, будто вглядывался в зеркальную гладь времени. Там, в строках, было нечто большее, чем просто знание. Это было приглашение. Или предупреждение.

И чем дальше они шли, тем яснее становилось: древние не просто хранили память. Они оставили маршрут.

ГЛАВА 7. КЛИНЯ И КРОВЬ

Зал Писцов в восточном крыле храма наполнялся глухим постукиванием стилов по сырой глине – короткие, отрывистые звуки складывались в ритмичную переключку, как дождь по дереву. Время от времени слышался скрип, когда табличку сдвигали на дощатом столе, и негромкий звон, если она случайно задевала соседнюю. Воздух был плотным от запаха влажной глины, пыли, дыма благовоний и терпкого запаха тростниковой черни. У стены, под нишей с изображением богини Пинник-галь, Вейр сидел на ковре, сосредоточенно переписывая фрагмент из Хроник Западных Путей.

– *Šul-girru innum šaneggi. Ummatu ezzun kir*, – произнес он вполголоса, переводя: «Печать хранит огонь. Народ боится света».

– Интересный поворот, – сказал Крис, подходя с восковой дощечкой в руках. – Здесь другое продолжение: «*Giriš umma šu-kim. Izzi šul-hu*. – „След ведет к краю. Свет скрыт в глине“».

– Это почти поэма, – ответил Вейр, – но слова не просто метафора. Здесь зашифрована геометрия, возможно – ориентиры.

В этот момент в зал вошел мальчик-служка с подносом воды и лепешек. Он склонился низко, поставил поднос

у ног Вейра и ушел, не поднимая взгляда. Вейр машинально потянулся за кувшином... но остановился. Запах был странный. Резкий, металлический.

– Не пей, – сказал он, передавая сосуд Крису.

Тот сделал осторожный глоток и сразу выплюнул.

– Медный привкус. Возможно, что-то добавили.

Они переглянулись. Молчание как плита придавило зал. Среди писцов кто-то кашлянул, кто-то продолжал работать.

Позже Энлилу-Намру, услышав о произошедшем, нахмурился:

– *Iggid-mumai*. – «Рука предательства». Этот знак появляется, когда жрецы решают действовать не словами, а делами.

– Это уже покушение? – спросил Вейр.

– Это предупреждение, – тихо ответил Хранитель. – Но следующее может быть последним.

На следующий день Вейр все же вернулся в зал. Он чувствовал – нужно спешить. Их работа приближалась к ключевой точке: к расшифровке центральной строки таблички.

Он работал с глиной, складывая символы, когда в зал вошел человек в одежде писца, лицо его было скрыто тенью капюшона. Он не подошел, не заговорил. Просто стоял и наблюдал.

Вейр сделал вид, что не заметил, но шепотом сказал Крису:

– Слева у колонны. Он вооружен, встань под защитный купол.

И вдруг все произошло в один миг. Чужак бросился вперед, выхватывая нож из обсидиана со шнуровой оплеткой, но был отброшен невидимым щитом. Он лежал на земле, неподалеку от места, где стоял профессор, и с недоумением озирался вокруг себя, не понимая, что произошло.

Стража ворвалась через секунду. Убийца попытался бежать, но был повален и связан.

Энлилу-Намру прибыл быстро. Его лицо было как высечено из камня.

– *Šaneggi ummi.* – «Печать проронила кровь».

Вейр стоял в оцепенении, глядя на тело юноши.

– Почему он?.. Почему он пытался нас убить?

– Потому что он понял, кто вы. И что вы хотите здесь узнать.

На следующий день во дворце не говорили громко. Таблички лежали на месте, но работа почти остановилась. Жрецы требовали закрытия Зала Писцов. Совет собирался в потаенных покоях. А в комнате Вейра появилась записка: «*Šukimi šul-girru. Šum piš az.* – „След ведет к огню. Но свет слепит тех, кто боится“».

Энлилу-Намру пришел поздно ночью. Он был мрачен, но спокоен.

– Завтра ты должен читать. Перед людьми. Прочти часть восковой таблички, которую мы с тобой вместе переводили в Зале Писцов. Народ должен убедиться в том, что ты не демон, а один из людей, которые странствуют по свету и ищут Истину. Тогда они тебе поверят. Если ты не сделаешь этого – они решат, что ты врешь. Если прочтешь – возможно, тебя признают. Или осудят. Но выбор – твой.

– Тогда я буду читать, – сказал Вейр.

Он посмотрел на символы и впервые ощутил не просто смысл. Он услышал их.

ГЛАВА 8. ГОЛОС ПРЕДКОВ

Утро над Хафт-Тепе взошло хриплым дыханием восточного ветра. Ветер шел с соленых болот¹, где в ночи плакали птицы и гудели флейты старых жрецов. Тени от обелисков были еще длинными, а тишина площади казалась неестественной. Горожане ждали.

Во дворе из светлого камня у храма Киририше собрался народ: писцы, гончары, старейшины, воины и женщины в нарядных накидках. Множество глаз смотрело на поднимающегося по ступеням чужака с голосом прошлого.

Вейр чувствовал на себе тяжесть взглядов. Под простой туникой, сшитой по совету Хранителя, он прятал амулет, врученный ему одним из жрецов, с которым он познакомился в Зале Писцов. Он сказал Вейру: «*Šel-hu ammu inna. Šip tuš.* – „Свет знает, кому служишь. И он защитит“».

Перед ним на каменном постаменте лежала та самая восковая дощечка, которую он переводил вместе с Хранителем в Зале Писцов. Крис стоял внизу, рядом с Энлилу-Намру. Весь дворец притих. Только жрецы у колонн перешептывались, и в их глазах отражалось недовольство.

¹ В окрестностях Хафт-Тепе (провинция Хузестан, юго-западный Иран) есть зоны с солончаками и солоноватыми болотами, особенно в низинных участках между реками и древними руслами.

Верховный жрец Идутук-Наппир сам присутствовал, скрытый в тени льняного балдахина. Его лицо было закрыто серебряной маской — знаком, что придавал голосу жреца вес Судьбы.

Хранитель сделал шаг вперед:

— Этот человек — не дитя нашего народа. Но его уста заговорили на речи, что забыта. Он прочтет строки, принесенные временем.

Профессор взял табличку в руки. Сердце стучало, но голос звучал ровно:

— *Šaneggi inni tuššum. Ninni giriš. Šeštu šul-az.*

Толпа затаила дыхание. Вейр продолжил, уже переводя:

— «Печать хранит голос. След ведет. Страж встанет в тень Неба».

— *Šumki ezzun kiš. Anni ummatu kir. Kikki innam.*

— «Свет падает с неба. Люди склоняются в страхе. Знак приходит вновь».

Женщина с ребенком прижала ладонь ко рту. Старик у стены указательным пальцем правой руки начертил на своем лбу зигзаг. Жрецы шевельнулись, словно змеи под плащами.

Вейр продолжал:

— *Šarru šul-hu. Ezzun-šu šumki.* — «Царь есть свет. Его свет — с неба». — И добавил: — Это не лестная фраза. Это предупреждение: цари, что придут с неба, не несут радости.

Шум прокатился по толпе. Кто-то закричал, кто-то бросился бежать. Жрецы поднялись, обнажая посохи.

— *Lugalla inna piš! Ummatu ezzun!* — вскрикнул Утар-Мезу, храмовый распорядитель, официально считающийся заместителем старшего жреца. — «Он лжет! Народ в страхе!»

Но Вейр не дрогнул. Он продолжил:

— *Giriš šumtu. Anni šegul. Namru šiptu.* — «След истерт. Песок укрыл. Язык тьмы хранит».

Эти строки были самыми важными. Они означали, что память о прошлом была скрыта намеренно.

Главный жрец поднялся. Его маска блеснула в утреннем свете.

— *Innam šul? Šum pištu?* — «Он несет свет? Или яд?» — вопрос был адресован Хранителю.

Энлилу-Намру склонился в поклоне:

— *Šul nam. Šip inna.* — «Он несет Свет, который исчезнет, потом появится вновь».

Главный жрец сделал знак — пусть продолжает.

Вейр закончил чтение:

— *Kikki ur-hu. Šegul ummatu. Šaneggi šum az.* — «Знак пред бедствием. Народ забудет. Память вновь исчезнет».

Тишина опустилась как саван. А потом — странный звук: не колокол, не рог, а низкий гулкий голос ветра, как будто древний дух прошептал сквозь время.

Толпа стояла недвижимо.

Но где-то в тени, под арками, снова начали шевелиться заговорщики. Их глаза были полны страха. Слова, что не должны были звучать, были произнесены. Печать со-рвана.

Крис прошептал:

— Профессор, вы открыли им тайну небесного портала.

Вейр кивнул. Он чувствовал, как над городом тянется напряжение, словно перед грозой.

Толпа начала медленно расходиться после речи профессора Вейра о великом пути звезд, времени и памяти. Воздух еще дрожал от последнего аккорда его интонации. Он спустился с постамента, обмахивая лицо ладонью, и подошел к временному модулю, спрятанному под плотной тканью в углу святилища.

Сканер модуля мягко засветился, узнав его отпечаток. Возникла голограмма сообщения:

«Внимание. Астрономическое событие: полное солнечное затмение. Координаты: район Хафт-Тепе, долина

за рекой. Время: через 4 суток с текущего момента. Продолжительность – 6 минут 17 секунд».

Вейр замер, уставившись в строки полученного сообщения. Мысль быстро оформилась в голове: «Это можно использовать. Это будет доказательство. Или чудо».

Он повернулся к Крису, все еще стоящему неподалеку и наблюдающему за толпой:

– Крис, ты это видел? Полное затмение через четыре дня. В точке, куда мы прибыли. Мы как раз в зоне затмения. Я должен... должен сказать им. У них нет астрономии в нашем смысле. Только миф. А значит – поверят. Но это будет не обман, а знак. Я должен использовать его правильно.

Он решительно взошел обратно на постамент. Люди внизу обернулись. Кто-то закричал, кто-то пал ниц. Глашатай звякнул жезлом. Снова наступила тишина.

Вейр громким голосом провозгласил:

– Народ Элама! Услышь меня!

Толпа замерла. Даже ветер, казалось, стих.

– Я – тот, кто говорит с небесами. И я говорю вам: через четыре дня солнце уйдет с небес. Свет померкнет. День обернется ночью.

Толпа заволновалась. Женщины закричали, прижимая детей к груди. Один старик уронил посох, и тот с глухим стуком упал на плиты. Мальчик в рваном хитоне вцепился в руку матери.

Раздались голоса из толпы:

– Кара богов? Что мы сделали? Чем прогневили богов? Солнце уйдет... это конец! Это конец!

Вейр поднял руку:

– Нет! Не кара – испытание. Знамение. Но не бойтесь. Я сказал – день обратится в ночь, но ненадолго. Боги вернут свет, ибо я просил их пощадить Элам. Свет вернется! Не прольется ни капли крови, если сердца ваши будут чисты.

Шепот пошел по толпе, как ветер по полю. Кто-то уже называл его намтару-шамаш — посланник солнца.

Крис подошел к Вейру и тихим голосом сказал:

— Они уже считают вас богом, профессор.

— Тогда мне придется быть достойным этого мифа, — мрачно ответил ему профессор.

Он спустился с постамента, и люди расступались перед ним, давая ему дорогу. А в небе медленно плыли темные облака — предвестники перемен.

ГЛАВА 9. ПЕСНЬ ЗАТМЕНИЯ

На четвертый день после чтения таблички солнце перестало подниматься как обычно. Сначала это было едва заметно – свет становился медным, приглушенным, словно покрытым пеплом. Птицы на болотах не пели, и даже священные ибисы, что жили у храмов, молчали. Люди шептались. Слухи ползли, как змеи по тростнику.

– *Šul-nam piš az?* – спрашивали друг друга торговцы. – «Свет ушел в страх?»

В Храме Киририше жрецы собирали экстренное собрание. Утар-Мезу восседал на ступенях святилища, обвив запястья лентами из золоченой ткани, символизирующими власть над устами богов.

– *Šegul annu. Šum ezzun. Šiptu az,* – говорил он. – «Знамение пришло. Свет пал. Проклятие явлено».

– Все началось после чтения, великий шатамму¹, – вторили ему младшие жрецы. – Народ боится. Женщины не выходят к колодцам. Мужчины молчат в харчевнях.

¹ «šatammu» – храмовый распорядитель, может быть аналогом управляющего или заместителя старшего жреца.

Вейр с утра стоял на башне у городской стены, наблюдая за диском солнца. Его края потемнели. Затмение началось.

— Оно было предсказано, — произнес он. — Но не просто как астрономическое событие... это было в тексте. *Šiminki ul-girru. Kir ummatu. Ezzun šul.* — «Небо станет пустым. Страх овладеет народом. Свет уйдет».

— Профессор, думаете, они поверят, что вы не колдун? — спросил Крис. — Здесь наука — это тоже магия.

— Я не должен убеждать. Я должен показать свою твердость.

Когда солнце почти исчезло, толпа вышла на центральную площадь. Женщины падали ниц, дети кричали. Глашатаи били в медные чаши, вызывая духов света. Жрецы шли в процессии, неся пепельные сосуды и курильницы. Утар-Мезу взошел на алтарь и поднял руки:

— *Anni urhu! Šip nam! Giriš lugal az!* — «О, бедствие! Вернись, свет! Покайся, жрец!»

Но главный жрец Идутук-Наппир не вышел. Его покои были наглухо закрыты. Он наблюдал изнутри в окружении стражи, нем и недвижим, как бог, запертый в маске.

В этот момент по толпе пронесся крик:

— *Innam šumtu! Šegul ezzun! Kikki šiptu!* — «Он пришел! Песок пал! Знак — проклятие!»

Толпа рванулась. Люди увидели силуэт Вейра, идущего к храму. Он не скрывался. На нем была та же туника, тот же взгляд. Он шел, как шел бы тот, кто слышит музыку невидимого хора.

В Вейра полетели камни. Первый камень пролетел рядом, второй ударил по ступеням. За ним еще... Но они отскакивали от невидимого щита. Это привело в изумление нападавших на него людей, у них появилось чувство страха.

Утар-Мезу молча смотрел, как в Вейра толпа кидала камни.

– *Tuzzi šaneggi. Nam-ur az*, – произнес он. – «Ты раскрыл тайну пути к звездам. Ты – тень».

Но прежде чем он поднял свой ритуальный посох, раздался голос:

– *Giriš annu piš. Namru az šul*. – «Этот след истинный. Свет говорит».

Это был Энлилу-Намру. Хранитель, одетый в церемониальную мантию цвета глины. Он вышел из-за колонн, держа в руках дощечку с последним фрагментом перевода.

– *Kikki šul-piš. Ummatu tuš. Šaneggi nam!* – прочел он. – «Знак был истиной. Народ – свидетель. Путь к звездам говорит».

Жрецы отшатнулись. Толпа замерла. Ветер стих, и на небе солнце вновь начало пробиваться сквозь покров.

– Он не несет тьму, – сказал Хранитель. – Он – голос тех, кто был до нас. Голос предков, забытых, но не исчезнувших.

Главный жрец вышел из своих палат и снял маску. Его лицо было искажено страхом и благоговением.

– *Šumki... šip?* – прошептал он. – «Ты... бог?»

Вейр покачал головой:

– *Innam piš. Šiptu innam*. – «Я человек. Но с посланием».

Солнце вернулось. Но его свет уже не был прежним. Он падал на землю как напоминание. Как меч над городом, где каждый шепот мог стать пророчеством.

И тишина, наступившая после, была не облегчением. Она была – ожиданием.

ГЛАВА 10. ПЕЧАТЬ НА ГЛИНЕ

Сквозь сеть подземных ходов, проложенных еще до времен Идутука-Сапура, Энлилу-Намру вывел Вейра и Крису в старую мастерскую под храмом Гештины – богини памяти. Здесь пахло прелой глиной, сушеными травами и воском. Глиняные плиты, покрытые знаками, стояли в тишине как мертвые стражи времени.

– *Nam-az piš giriš. Tuš šegul šaneggi*, – прошептал Хранитель. – «Истина живет в следе. Там отдыхает печать».

Энлилу-Намру провел ладонью по стене, нащупал символ солнца с двойным глазом – тайный знак «молчаливого архива». Нажал. Открылась ниша, где лежала дощечка, покрытой воском.

– Последний фрагмент, – сказал он. – Был скрыт даже от жрецов. Я доверяю его вам.

Энлилу-Намру медленно провел пальцами по стене, покрытой теплой на ощупь глиной. Поверхности зала, казалось, дышали – влажноватый слой хранил следы инструментов и рук древнего мастера. Там, где свет факела скользнул под нужным углом, проступили клинописные знаки, выдавленные в тонком глиняном слое, нанесенном на стену. Они шли в горизонтальных линиях, строгих и уверенных, как ритм молитвы.

На стене отчетливо были видны знаки, идентичные тем, что были выгравированы на найденной табличке. Но здесь рисунки составляли сложную структуру: шесть концентрических кругов, соединенных угловыми линиями и окруженных символами, напоминающими карты звезд.

— *Kikki šul-piš. Innam kir kassum*, — прошептал Вейр. — «Знак был светом. Путь ведет в небо».

Энлилу указал на знак в центре: спираль, пересеченная кольцом и стрелой, — символ древнего Перехода, известный лишь по запрещенным текстам.

— Это не просто зашифрованный язык, — сказал он. — Это пароль. Ключ. Координата, которую должны были произнести жрецы. Ритуал, активирующий канал.

Из рассказа Хранителя выяснилось, что сотни лет назад на эту землю прибыли странники с другой звезды. Они передали знание об устройстве, что позволяло перемещаться между мирами по трем осям: времени, пространству и сознанию. Тайну этого устройства они доверили жрецам особой секты, что не имела храмов, а жила в уединении, служа Знаку.

Но с течением поколений знания потерялись. Жрецы начали бояться Перехода. Портал, находившийся в сердце горы, был закрыт. Тайну стерли с табличек, но оставили ее в камне — в пещере.

Путешественники благодаря шифру с таблички и рисункам на стене смогли восстановить последовательность действий. Там же, на стене, была выгравирована фраза: «*Šiptu kassum tuš. Ummatu šegul az*. — „Голос звезд уснул. Народ укрыл его в тени“».

Вскоре слухи о раскрытии древнего портала достигли жрецов. Совет старейшин пришел в ярость. Они решили уничтожить путешественников, пока те не произнесли забытые слова в мире живых.

Разрешение: Вейру удалось зафиксировать схему ритуала и координаты звездной точки на слайдер. Крис создал

алгоритм голосовой активации. Вместе с Энлилу они успели вернуться до нападения. Портал не был открыт — но знание, как его активировать, сохранено.

Табличка, как оказалось, была не просто записью — она была частью системы доступа. Ключом, вырезанным из времени.

Жрецы стремились уничтожить тех, кто мог вернуть этот ключ в замочную скважину Вселенной.

Вейр взял табличку. Она была тяжелой, с двойной записью: внешний текст был древнеэламским, но под ним, как позже выяснилось, скрывался слой более старой письменности — возможно, протоэламской или даже вневременного происхождения.

— Нам нужно все сверить, — сказал Крис, раскладывая таблички и начерченные символы. — В том числе географические маркеры. У нас есть строки, указывающие на небесные тела.

— *Šiptu šul giriš. Šuminki kassum. Urhu tuš šegul*, — произнес Вейр. — «Голос свет несет. С неба пришел. В бедствии спит след».

Они работали всю ночь. Крис находил повторяющиеся связки, а Вейр, уже почти мысленно думая на эламском, пробовал их развернуть в понятные конструкции.

— Вот. Слушай это: «*Nam šarru ezzun. Šulpi kikki tuš. Ummi gir az šegul. Šarru šegul-az*. — „Имя царя — страх. Световая печать покоится. Народ ушел в песок. Царь спит в песке“».

— Это могила? — спросил Крис. — Или укрытие?

— Или место падения... или криогенное хранилище. Они говорят, как могли. Но посыл ясен — контакт был. Последствия — разрушительны. И... возможно, повторимы.

Энлилу-Намру сидел в тени, слушая. Он не вмешивался, но его лицо становилось все строже.

— *Šaneggi az piš girru. Ummatu šiš*, — проговорил он. — «Печать есть, но ведет в огонь. Народ — тень».

– И мы должны вернуть ее с собой, – твердо сказал Вейр.

– Или спрятать, – возразил Крис. – Если это действительно способ вызвать... их... или активировать что-то, мы не можем позволить, чтобы это попало в неправильные руки.

– Тогда лучшее, что мы можем, – взять копию. Оригинал останется тут под твоей охраной, – Вейр кивнул Энлилу.

– *Innam kir az šul. Pištu giriš ummatu. Šegul-tuš šaneggi*, – ответил тот. – «Такова будет воля света. Истинный след поведет народ. И печать отдохнет».

К утру копия была готова. Крис использовал слоистую глину и древесную смолу из мастерской, чтобы создать точный слепок.

Перед уходом Вейр вручил Хранителю свой амулет – серебряную пластину с символом звезды и кольца.

– Это знак, – сказал он. – Пусть будет как обет: если кто придет, но не знает смысла, ты скажешь: «*Šiptu innam. Giriš šul az*. – „Голос говорил. След – свет“».

Они покинули мастерскую перед рассветом, облачившись в простую одежду подмастерьев. По дороге вниз сквозь тоннель Энлилу оглянулся:

– *Tušpi šaneggi. Kir šarru piš*, – произнес он. – «Печать легла. Путь открыт царю».

И хотя путь назад в их мир был еще не завершен, Вейр знал – теперь у них есть то, что изменит все. Не просто текст. Не просто знание.

У них был ключ. И великая затаившаяся тишина, что ждала, когда его повернут.

ГЛАВА 11. ПОБЕГ СКВОЗЬ ПЕСОК

Тепло наступающего дня проникало сквозь каменные щели подземных переходов, когда Вейр, Крис и Энлилу-Намру покинули укрытие. Город еще спал, но на рынках уже мерцал огонь в глиняных чашах, и первые торговцы разносили финики в корзинах. Путешественники держались в стороне, переодетые в дорожных писцов, с табличками в руках и копией артефакта, спрятанной в свертке из кожи с печатью храма Киририше.

Прежде чем вернуться в свое время, они решили найти спрятанные в обломках скалы свои походные рюкзаки и переодеться в свою одежду. Энлилу-Намру вызвался их проводить, опасаясь, что их может задержать городская стража.

– *Giriš tuš az*, – шепнул Энлилу, глядя на врата. – «След стелется ровно».

Он вел их короткими маршрутами через внутренние дворы, где стены были выкрашены пыльно-красным, как сухая кровь. Никто не оборачивался. Пока.

Уже на мосту, пересекавшем канал, один из стражей задержал их взглядом. Сначала – безразлично, затем – пристально. Он что-то прошептал сопровождающему писцу и поднял руку:

– *Šun iggiš! Šaneggi innam!* – «Стой! Печать с ними!»

Вейр рванулся первым. Крис бросился за ним. Энлилу закрыл фрагмент копии своим телом и вскрикнул:

– *Šel-hu šegul az!* – «Свет прячется в тени!»

Гонец вскрикнул. Началась погоня. Глиняная улица, заваленная корзинами и кувшинами, сотрясалась от шагов стражников. Люди кричали, прятались в дверных проемах. Удар гонга в храме Тиррум-Ан означал тревогу.

– Направо! – крикнул Крис. – За здание гончаров!

Они свернули в проулок, петляющий между стен из неоштукатуренного кирпича. Над головами трепетали полотнища с заклинаниями – их срывал ветер, и слова *nam giriš, tuz az* – «смысл пути, след сокрыт» – крутились в воздухе, словно сами отказывались быть понятыми.

Выйдя из южных ворот города, Вейр увидел знакомые очертания скалы, где они спрятали свои вещи.

– Мы почти у цели!

Но в этот момент один из стражников метнул копье. Оно пролетело рядом с Вейром, отскочило от стены и ударило Энлилу-Намру в бок. Тот пошатнулся, но не упал.

– *Az... šul tuš...* – прошептал он. – «Свет... должен уйти...»

Крис подбежал к нему, схватил под руку, но Хранитель отстранился:

– *Šarru az piš... Šaneggi tuš az...* – «Царь уже знает... Печать должна остаться...»

– Мы не оставим тебя! – закричал Вейр.

– *Šuminki innam. Kir ezzun.* – «Небо говорит. Путь сужается».

Он вынул из-под своей одежды амулет Вейра и вложил его обратно в ладонь ученого. Его взгляд стал мягким, как у человека, впервые увидевшего свет после долгой тьмы.

– *Tuš az šul. Ummatu nam.* – «Иди в свет. Народ ждет».

Сквозь боль он выпрямился, развернулся к приближающимся стражникам и медленно пошел навстречу. Его

силуэт в предрассветной пыли стал похож на идола. Он произносил вслух строки на эламском, и они звучали как песня смерти.

Вейр и Крис добежали до скалы, где была спрятана одежда, и быстро переоделись.. В последний момент Вейр активировал систему запуска временного модуля.

– *Pištu innam*, – прошептал он. – «Истина говорит».

Вдалеке на пыльной дороге стоял Энлилу-Намру. Его силуэт был слегка согбленным, одна рука висела беспомощно, другая опиралась на посох. Одежда была запыленной, на боку – запекшаяся кровь. Он ничего не говорил – просто смотрел. Его взгляд был спокойным, всепонимающим, как у того, кто знает, что ход времени не изменить, но можно проводить глазами тех, кто еще идет сквозь время.

– Он жив... – прошептал Крис.

– Он ждет, когда мы вернемся обратно, – сказал Вейр, не оборачиваясь. – Но это уже не наша глава.

В одно мгновение шум древнего ветра сменился низким гулом модуля временного перемещения, и холод современного металла коснулся их лиц. Прошлое исчезло, как сон, который они запомнили не словами, а тяжестью в груди.

А над древним Эламом снова опустилась тишина.

ГЛАВА 12. ВОЗВРАЩЕНИЕ С ОТКРОВЕНИЕМ

Вейр открыл глаза первым. Он лежал на полу лаборатории, освещенной неонам, с едва слышимым гудением генераторов. Мир вернулся. Но он уже не был прежним.

Крис сидел у стены, сжимая кожаный свиток, на котором еще теплился отпечаток печати. Он не говорил. Только смотрел перед собой, будто сквозь стекло времени.

— *Šul az... innam*, — прошептал Вейр. — «Свет... вернулся».

В тот же день лаборатория была заперта. Все данные — сканы, отпечатки, переводы, реконструкции — зашифрованы и вынесены в изолированное хранилище. Вейр действовал с холодной решимостью, как человек, держащий в руках не знание, а судьбу.

Он отправил одно письмо. Только одно. Адресовано было в Международный центр по изучению древних языков и цивилизаций, под грифом «экстренное научное сообщение». Внутри — копия таблицы, сопровождаемая записью:

«Переведено из языка позднего эламского. Источник: неизвестный ритуальный архив. Текст содержит элементы астрономической и техногенной символики. Вероятность искусственного происхождения знаков — высокая. Ключе-

вая фраза: «*Simash hutta šetira. Šigiz hallime šenniki.* — «Знак есть Звездный путь. Печать говорит Истину»».

Прошло несколько недель. Вейр восстановил архив временного модуля, провел замеры и проверку. Показания подтвердили: в момент запуска зафиксированы временные искаженные поля, совпадающие с координатами Древнего Элама. Возврат был идеальным.

— *Tuš az šegul,* — сказал Вейр. — «Он остался в тени».

— И его имя будет там, — ответил Вейр, вспоминая Энлилу-Намру. — Мы вернемся, если придет время.

Он сел за рабочий стол. На нем лежала табличка-копия. Рядом — амулет, который вернул ему Хранитель. Профессор провел пальцем по символу кольца и звезды.

— *Giriš šul nam. Ummatu piš,* — прошептал он. — «След есть свет. Народ жив».

Снаружи ветер шевелил сухие листья. Где-то в коридоре зазвенели шаги. Мир жил своей жизнью, не подозревая, что в его ткани теперь вплетена древняя песнь.

И быть может, однажды в другом времени, в другой пыли кто-то снова скажет:

— *Šaneggi innam. Pištu giriš.* — «Печать говорит. Истина ведет».

Так закончилась их одиссея — но началась история, которую уже нельзя будет стереть.

Потому что она написана не только на глине. Но и в памяти людей.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

История, рассказанная в этой повести, завершена — но не исчерпана. Как и сама табличка, с которой все началось, она хранит в себе больше, чем кажется на первый взгляд. Одни загадки рождают другие, каждая разгадка ведет к новым вопросам. Так бывает всегда, когда мы приближаемся к границе между известным и неизведанным.

Элам остается для нас не только географическим и историческим понятием, но и символом утраченного знания — цивилизации, которая, возможно, знала больше, чем сумели сохранить ее потомки. Быть может, они пытались передать нам послание, но не были уверены, что мы сумеем его прочесть. Быть может, и мы однажды оставим такие же следы — фрагменты смысла, которым предстоит ждать своих читателей тысячи лет.

Среди археологических находок и культурных мифов Элама особенно выделяется один мотив — «небесные врата». Символические ли или вполне реальные, они воспринимаются как возможные переходы в иные миры. В орнаментах храмов, в пропорциях сооружений, в загадочном расположении табличек исследователи видят намеки на знание, превосходящее земной уровень той эпохи.

Какую роль играла элита Элама — жрецы, астрономы, хранители тайн — в этих возможных контактах? Быть мо-

жет, они были посредниками между человеческим опытом и тем, что мы пока относим к внеземному. В одних преданиях говорится о лучах света, спускавшихся с неба, в других — о днях, когда замирало время. В некоторых упоминаются фигуры, пришедшие «из-за хребтов, где нет пути».

Фантастика? Возможно. Но именно в подобных гипотезах оживает связь между древним мифом и современным воображением. Вопрос о «космических вратах» — это не только вопрос перемещения, но и вопрос восприятия, внутренней готовности выйти за пределы известного. Мы не знаем, что скрыто в символах линейного эламита. Но возможно, среди них есть карта, схема или приглашение к тем, кто однажды решится заглянуть в эту древнюю бездну.

Контакт, описанный в повести, — художественная гипотеза. Но за ней стоит нечто большее: ощущение, что человечество никогда не было одиноко. И что не все знание родилось на Земле. Астрономические системы, музыка, архитектура, календарные циклы — все это вновь и вновь возвращает нас к мысли, что мы — не начало и не центр.

Если эта повесть пробудила в вас интерес к древним культурам, к темам межзвездного наследия и к тайным нитям, связывающим цивилизации, — значит, она выполнила свою задачу. Потому что ее главная тема — не прошлое. Ее тема — будущее, которое мы начинаем понимать, только заглянув вглубь времени.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Расшифровка эламского языка и линейного эламита

В 2017 году французский археолог Франсуа Дессе из исследовательского центра Archéorient (Лион) сделал прорыв в области дешифровки древних письменностей. Ему удалось расшифровать линейный эламит — уникальную и до недавнего времени неразгаданную систему письма, использовавшуюся на территории Ирана более четырех тысяч лет назад.

Линейный эламит в своей древней версии — прото-эламская письменность, появился приблизительно в 3300 году до н.э. и развивался параллельно с протоклинописью шумеро-аккадской Месопотамии. Это означает, что вопреки прежним представлениям письменность возникла не исключительно в Месопотамии, а одновременно на Иранском плато и в междуречье Тигра и Евфрата.

Протоэламские и линейно-эламские надписи были впервые обнаружены еще в 1901 году в городе Сузе, столице древнего Элама. Однако дешифровка этих текстов долгое время казалась невозможной. Система письма оставалась загадкой более ста лет — наравне с письменностью долины Инда и критским линейным письмом А.

Линейный эламит представляет собой чисто фонетическую письменность: каждый знак обозначает звук, слог или гласную /согласную. В отличие от месопотамской кли-

нописи, сочетающей фонограммы и логограммы, эламская система была значительно более прямолинейной. Это делает ее уникальной для бронзового века, а также свидетельствует о самостоятельной интеллектуальной традиции на территории Ирана.

Расшифровка стала возможной благодаря анализу восьми серебряных ваз из Марв-Дашта (ок. 2000–1900 гг. до н.э.) с повторами имен правителей и божеств. Ключевыми оказались упоминания царей Шилхахи и Эбарти II, а также верховного бога Напирише. На основании этих повторяющихся структур Дессе смог определить звуковые значения знаков и сопоставить их с грамматикой известного эламского языка.

Сегодня известно около сорока линейных эламитских текстов, происходящих из разных регионов: Суз, Фарса, Шахдада, Джирофта. Эти надписи, как правило, представляют собой официальные формулы, включающие имена царей, божеств и краткое описание подношения.

Линейный эламит относится к эламскому языку, который является лингвистическим изолятом — то есть не связан ни с одной из известных языковых семей. Подобно баскскому в Европе, он существует вне привычной картины индоевропейских или семитских языков.

Одним из ключевых результатов расшифровки стало понимание, что термин «Элам» — это экзоним, введенный месопотамцами. Сами носители этой культуры называли свою страну Хатамти. Благодаря открытиям Франсуа Дессе стало возможным впервые услышать голос самой эламской цивилизации — изнутри, а не через призму ее соседей.

Таким образом, эламская письменность (а особенно линейный эламит) не только изменила научные представления о происхождении письма в Древнем мире, но и позволила приблизиться к пониманию одной из старейших цивилизаций Ближнего Востока.

ФРАЗЫ НА ЭЛАМСКОМ ЯЗЫКЕ

«Fundamenta Elamiticae» –
Professor Ivor G. Leffingwell, Oxford University Press.

kikki nam-me. giriš ummiš kiš-eli

Кикки нам-ме. Гириш уммиш киш-эли.

Знак жив. След ведет к истине.

šeh en-nam. ummu ašti

Шэх эн-нам. Умму ашти.

Пусть будет свет. Народ слушает.

innam. giriš šetme

Иннам. Гириш шётме.

Он пришел. След закрыт.

šul-šiminki innam ašti

Шуль-Шиминки иннам ашти.

Свет с неба пришел к народу.

iggid-tumai

Иггид-мумай.

Рука предательства.

šaneggi ummi

Шанэгги умми.

Печать народа.

šukimi šul-girru. šum piš az

Шукими шуль-гирру. Шум пиш аз.

След ведет к свету. Но свет слепит тех, кто боится.
šel-hu ammu innam. šip tuš
Шэль-ху амму йнна. Шип туш.
Свет знает, кому служишь. Он защитит.
šarru šul-hu. ezzun-šu šumki
Шáрру шúль-ху. Эззун-шú шумки.
Царь есть свет. Его свет — с неба.
giriš šumtu. anni šegul. namru šiptu
Гíриш шумту. Ённи шéгул. Намру шипту.
След истерт. Песок укрыл. Язык тьмы хранит.
innam šul? šum pištu?
Йнна́м шúль? Шум пишту?
Он несет свет? Или яд?
anni urhu! Šip nam! Giriš lugal az!
Ённи урхú! Шип нам! Гíриш лугáл аз!
Пусть придет бедствие! Голос — имя!
След — царский путь!

ПРИМЕЧАНИЕ

В повести использованы реальные исторические события и имена. Однако сюжет, диалоги и интерпретации, указанные в повести, являются художественным вымыслом.

ТАЙНА АДМИРАЛА

ПРОЛОГ. ТАЙНА ДЕСЯТИ КОЛЕН

«И увел Израиля царь Ассирийский в Ассирию, и поселил их в Халахе и при Хаворе, реке Гозан, и в городах мидийских».

Четвертая Книга Царств, 17:6

История двенадцати колен Израилевых начинается с двенадцати сыновей Иакова, внука Авраама. Их потомки положили начало народу, прошедшему путь от египетского рабства к созданию царства и возведению Храма в Иерусалиме. Однако после смерти царя Соломона единое государство распалось: десять северных колен образовали Израиль с центром в Самарии, два южных — Иудея и Вениамин — остались верны Иерусалиму.

В 722 году до н. э. Ассирия покорила северное царство. Десять колен были уведены в плен и исчезли с исторической арены. С тех пор их судьба породила множество легенд: одни говорили, что они растворились среди народов Востока, другие — что они живут за рекой Самбатсион, которая бурлит шесть дней и замирает в субботу. В Средние века особенно популярной стала идея, что десять колен ушли на край обитаемого мира — в таинственную Индию, отделенную от остального человечества невидимой преградой.

Прошли века. На рубеже эпох один человек – мореплаватель Христофор Колумб – вдохновился древними пророчествами и трудами еврейских и арабских мудрецов. Он поверил, что путь к потерянным коленам лежит не через пустыни Азии, а через океан, в направлении Запада. Под знаменем испанской короны он отправился в плавание, надеясь найти не только Индию, но и исполнение ветхозаветных предсказаний.

И только много лет спустя, в иной эпохе, профессор Вейр – ученый и путешественник во времени – встретился с Христофором Колумбом на склоне его дней. Лишенный званий, забытый королевским двором и обществом, адмирал признался, что начал свои плавания не ради золота и не ради славы, а ведомый надеждой отыскать исчезнувшие десять колен Израилевых.

Эта повесть – история странствия, в котором великий мореплаватель, исполняя волю испанской короны, искал путь в Индию, но на деле стремился подтвердить древнее пророчество, растворенное в волнах времени. Это рассказ о заблуждении, которое обернулось открытием мира. Об ошибке, ставшей вратами в новую эпоху.

ГЛАВА 1. СВИТОК С ПЕЧАТЬЮ СОЛОМОНА

Севилья медленно погружалась в вечер. В узких улочках старого квартала зажигались редкие фонари, издали доносился звон колоколов, и в этом полумраке, среди запаха пыли, ладана и свежей рыбы, шагал человек в темном плаще с капюшоном, закрывавшим его лицо. Он свернул в переулок у синагоги, недалеко от площади Пласа-Майор, и постучал трижды в неприметную дверь без ручки.

Ему открыл старик с белой бородой, в простом темном кафтане. Он не спросил имени — лишь едва заметно кивнул и отступил в сторону.

— Ты пришел, как мы надеялись, дон Кристобаль, — прозвучал голос из полутени.

— Я пришел, как обещал, — тихо ответил Колумб, откинув капюшон. — Мне сказали, вы храните карты, которых нет ни в одном королевском архиве. И знания, которые боятся произносить вслух.

— Мы не торгуем легендами, — отозвался старший из собравшихся, человек с глубокими морщинами и пронизательным взглядом. — Но ты не обычный моряк. Ты ищешь не золото. Ты ищешь что-то древнее.

Колумб кивнул. Он медленно подошел к столу, уставленному свитками. Свет лампы колебался, отбрасывая те-

ни на грубую кладку стены.

— Я слышал о десяти коленах Израиля, — начал он. — О тех, кто исчез после падения Самарии. Говорят, их увели в Ассирию... но есть легенды, будто они ушли дальше. На край востока. Одни — за реку Самбатсион. Другие — за горы меди¹. Вы верите, что они живы?

— Мы не верим, мы знаем, — сдержанно ответил другой мудрец, положив ладонь на старинный пергамент. — Эти свитки — копии с трудов рабби Моше из Кордовы. А эти — переводы с арабских текстов аль-Масуди и аль-Идриси. Они говорят об «обитателях пределов» — светлокожих племенах, исповедующих единобожие, отделенных морем от мира.

— И вы думаете, это они?

— А ты разве не думаешь? — вмешался третий, моложе других, с огненным взглядом. — Ты плывал у берегов Ирландии, видел земли, что скрываются за горизонтом. Ты знаешь, что Запад — это не конец.

Колумб медленно провел пальцем по карте, разложенной на столе. Она была нарисована рукой человека, обладавшего многолетним опытом плаваний. В этих линиях чувствовалась точность, рожденная знанием течений, ветров и небесных ориентиров. Каждая отметка имела значение, каждый изгиб был результатом наблюдений и расчетов. За столбом Геркулеса, за пустотой океана, был изображен материк — «Terra Incognita», с припиской на иврите: «Земля, отделенная от братьев».

— Это копия с карты, принесенной из Каира, — пояснил старик. — Там утверждают, что однажды один моряк,

¹ Саргон II в своих анналах называл эти земли «Далеко за Аншаном» (Аншан — эламский город, позже Персеполь). В Нимрудской надписи (713 г. до н.э.) он хвастался, что получал дань «от царей далеких гор, где добывают медь», возможно, имея в виду Керман.

гонимый бурей, достиг этой земли и встретил людей, говорящих на языке, близком к арамейскому. Он не выжил, но его слова дошли до наших ушей.

Колумб молчал. Его губы были плотно сжаты, взгляд напряжен.

– Если это правда, – прошептал он, – то путь к Индии – не только путь к золоту. Это путь к пророчеству.

Старший кивнул.

– Именно. Но если ты расскажешь об этом королю – ты погибнешь. Им нужно золото, не пророки. Они ждут их блеска, а не ветхозаветных тайн. Потому ты должен говорить одно, но думать другое. Тебе придется хранить молчание. Как и мы его храним.

Колумб взглянул на них и тихо произнес:

– Я умею хранить молчание. Но скажите: почему вы выбрали меня?

– Потому что ты не один из них, – ответил старик. – Потому что в твоей крови та же искра, что и у нас. И потому что ты веришь не глазам, а горизонту.

Он встал, подошел к Колумбу и вложил ему в руки свиток.

– Ты отправишься на запад, но искать будешь восток. И если найдешь их – знай, ты не ошибся.

– А если не найду?

– Тогда мир узнает, что ошибся он сам.

Колумб вышел в ночь, держа свиток под плащом. Над крышами домов вставала звезда. Она сияла одиноко, как знак. И где-то в глубине его души раздавался отзвук древнего завета: «И отведу их из среды народов, и соберу их из стран...»

Он еще не знал, что эта звезда приведет его к другому краю мира – к той самой ошибке, которой суждено было изменить все.

ГЛАВА 2. ПРИДВОРНЫЙ АВАНТЮРИСТ

Во дворце Алькасар, среди мозаичных стен и шороха шелковых одежд, в присутствии инквизиторов, чиновников и приближенных Христофор Колумб стоял перед тронами католических монархов – Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской. Его одежда была скромна, лицо – усталое, но глаза горели.

– Итак, дон Кристобаль, – произнес король, развернув пергамент и пробежав глазами строки, – Вы утверждаете, что путь в Индию короче, чем полагают наши картографы?

– Не утверждаю, Ваше величество, – ответил Колумб, склоняя голову, – я в этом уверен.

– Но вы предлагаете идти не на восток, как это делают караваны, а на запад, через океан, в котором нет ничего, кроме вод и страхов, – вмешалась королева. – Вас не смущает бездна, в которую вы ведете корабли?

Колумб выпрямился.

– Ваше величество, в древности говорили: тот, кто ищет истину, не спрашивает, где берег. Я видел карты, слышал свидетельства. Там, за океаном, – земля. Там, где кончается запад, начинается восток. Я верю: путь в Индию лежит через Атлантику. И если вы позволите мне, я открою его во имя короны.

В зале на мгновение воцарилась тишина. Королева изучающе посмотрела на него. Затем подняла взгляд на мужа.

— А если ты ошибаешься?

— Тогда я погибну в море. Но если я прав — Испания обретет золото, земли и славу.

Король откинулся на спинку трона.

— Слишком дерзко. Слишком смело.

— Но именно так завоевываются империи, — тихо сказала Изабелла.

Позднее, в узкой комнате за тканым пологом, двое мужчин в простых темных одеждах переглянулись. Один был чиновником из королевской канцелярии, другой — писцом, учившимся в Толедо. Их позвали не ради совета, а ради наблюдения.

— Он одержим, — сказал первый, наматывая нитку на палец. — Говорят, он бывал на ночных сборах маранов. И что-то там слышал о коленях Израиля.

— Сказки.

— Может быть. А может — мания. Он ищет не Индию, а пророчество. Золото — только предлог.

— И что ты предлагаешь?

— Я ничего не предлагаю. Предлагает Его Величество. Он хочет, чтобы мы сопровождали дона Кристобаля. Как писцы. Как свидетели. Чтобы, если что — знать правду. Настоящую.

— Хроника?

— Да. Только не для истории. А для трона.

Они обменялись взглядами и более не сказали ни слова.

На следующий день королевская канцелярия издала указ. Христофору Колумбу было даровано право на три корабля, команду, припасы и титул адмирала морей океанских — в случае успеха. Формально он отправлялся искать западный путь в Индию, источник пряностей и злата.

Неофициально за ним закреплялись два писца — дон Алонсо де Вилья и брат Игнасио, доминиканский монах, обладающий недюжинной памятью и склонностью к расшифровке древних текстов.

Колумб подписал указ без возражений. Но, подняв глаза, заметил в углу темный взгляд. Игнасио наблюдал за ним так, как смотрит дозорный на путешественника, идущего не туда, куда велит карта.

— Вы умеете вести корабли, дон Кристобаль, — сказал Игнасио, подходя ближе. — Надеюсь, вы не собьетесь с курса.

— А если собьюсь?

— Тогда вы станете легендой. Или приговором.

Колумб усмехнулся.

— Иногда это одно и то же.

И, склонившись в поклоне, вышел в коридор, где уже ждали его корабли, его судьба — и та ошибка, которая изменит историю.

ГЛАВА 3. ЗА КРАЙ КАРТЫ

Океан простирался как безмолвная вечность. Месяц за месяцем три корабля — «Санта-Мария», «Пинта» и «Нинья» — скользили по поверхности неизведанных вод. Паруса звенели под небом, как струны, натянутые ожиданием дальнего пути, и даже созвездия иногда будто меняли свои привычные очертания. Чем дальше они уходили от берегов Европы, тем больше возрастало напряжение. Некоторые матросы молчали сутками, другие шептались в тени мачт о бездне, которая, быть может, поглотит их всех.

Великие предприятия редко совершаются в одиночку. В первом плавании Колумба важную роль сыграли не только карты, ветры и звезды, но и люди, готовые рискнуть всем ради мечты. Среди них особенно выделялись братья Пинсон: Мартин, Висенте и Франсиско.

Выходцы из знатной морской семьи Палоса, они обладали опытом дальних плаваний, знали Атлантику и пользовались уважением среди моряков. Именно влияние Мартина Пинсона помогло Колумбу набрать команду, когда отважных не хватало. Братья не были идеалистами — они верили в золото, неведомые земли и возможность разбогатеть. Их интерес был практическим, но именно это придало экспедиции устойчивость.

Мартин Пинсон командовал «Пинтой», Висенте — «Ниньей». Их корабли шли рядом с «Сантой Марией», разделяя тяготы и опасности пути. В моменты сомнений и почти открытого бунта братья сохраняли порядок, зная цену дисциплине в океане.

Колумб стоял на носу флагманского судна, вглядываясь в горизонт. Ветер трепал его плащ, губы были сжаты, но взгляд оставался ясным. Он не говорил о страхе, хотя знал, что многие из его команды уже мысленно прощались с жизнью. В ушах у него звенели слова древнего пророка: *«И поведу их путем, которого они не знали»*. Он считал — и хотел верить, — что ведет корабли не в бездну, а к великой цели. Индия, как он говорил официально, или земля за океаном, в которой могут жить потомки исчезнувших колен Израиля, — как он говорил себе.

— Адмирал, — обратился к нему Алонсо де Вилья, один из сопровождающих, приставленных ко двору, — нам следует подумать о возвращении. Третья неделя, как исчез ветер. Люди стали бояться не шторма, а его отсутствия. Они говорят, что это проклятое море. Что корабли здесь застывают навеки.

— Пусть бояться, — ответил Колумб, не отрывая взгляда от горизонта. — Страх удерживает слабых от ошибок. Мы не такие.

Алонсо замолчал. Он снова занес перо над листом и записал в свою хронику: *«Адмирал проявляет уверенность, возможно — фанатичную. Говорит во сне о „земле за водами“, в которой живут потомки исчезнувших. Все более явно отходит от упоминаний об Индии»*.

На следующий рассвет, когда небо только начинало светлеть и в воздухе еще держался морской туман, с мачты «Пинты» прозвучал крик:

— Земля!

Матросы ринулись к бортам, забыв об усталости и страхе. На горизонте проступила тонкая зеленая полоса.

Это был один из островов ныне известного Карибского архипелага. Тогда же Колумб был уверен — это Ципанго, упомянутое в «Книге Марко Поло». Земля, где реки полны золота, а храмы украшены самоцветами.

Колумб снял головной убор и встал на колени. За ним повторили движение остальные. Только Игнасио, второй сопровождающий, наблюдал сдержанно. Он не кланялся земле. Он изучал лицо адмирала.

Они высадились на остров и были встречены людьми с темной кожей, почти нагими, с ожерельями из костей и перьев. Те улыбались, несли плоды, листья, странные корни. Они не имели оружия, не выказывали враждебности, не знали металлов. Их язык был мелодичен и совершенно непонятен. Через жесты и первых переводчиков удалось выяснить, что они называют свой остров Гуанакани.

Колумб, несмотря на приветливость, был сосредоточен. Он просматривал орнаменты на сосудах, внимательно изучал рисунки на камнях, обращал внимание на ритуалы. Когда местные танцевали перед ним, он не наблюдал за их телами — он прислушивался к словам песен.

— Смотри, — сказал он как-то вечером Игнасио, указывая на вырезанные на дереве знаки, — семь кругов, соединенных линией. Это может быть символом недель, может быть — число племен. Или десять — если учесть то, что повторяется дважды. Они могут что-то помнить...

— Вы хотите, чтобы это были следы древнего народа, — устало ответил Игнасио. — Но это просто резьба. Просто украшение.

— А если не просто?

Они перешли на другой остров. Там, в глубине леса, под тенью деревьев, стояло поселение. Колумб настоял на визите к старейшине — человеку в мантии из птичьих перьев, с лицом, покрытым белой глиной. Через переводчика тот рассказал легенду о бородатых людях, пришедших с севера. Они были высоки, говорили на странном

языке, приносили огонь, несли железо. Но пришла болезнь, и они начали умирать. Последние из них были погребены у подножия горы. Легенда гласила, что они придут вновь — с неба, с громом, в дни великого ветра.

Колумб застыл. Соглядатаи записывали каждое слово. Он попросил показать ему место, где были погребены эти пришельцы. Они дошли до древнего холма, покрытого травой и мхом. Там лежали каменные плиты, поросшие мхом, но на одной из них он заметил нечто похожее на руны. Они были выщерблены временем, но линия и наклон напоминали ему символы, которые он видел в молодости в Исландии.

В ту ночь он не спал. В каюте он разложил карту и, по памяти, прикинул путь от Исландии к Гренландии, оттуда — вдоль побережья до Карибского моря. Он знал рассказы о таинственном исчезновении норвежских поселений. А если они ушли не на север, а на юг? Если те, кого он искал, были не евреи, но другие изгнанники — те, что стали легендой?

Но он не говорил об этом вслух. Он продолжал говорить: Индия. Золото. Торговля.

Только наедине с собой он шептал: *«Где вы? И если вы больше не здесь — значит ли это, что не стоит искать?»*

Судовой журнал пополнялся. Игнасио записал: *«Разговоры о потомках пришельцев повторяются. Адмирал убежден, что находит следы великого народа. Не упоминает прямо Израиль, но я думаю — он верит именно в это».*

И когда «Санта-Мария» снова пошла вдоль берега, с юга налетел горячий ветер, и парус заполнился с новой силой, Колумб стоял на мостике, глядя в пространство — туда, где на старых картах были пустые поля с надписью: *«Терра инкогнита».*

Теперь он знал: за этой надписью не просто земля. За ней — вопрос, на который он еще не нашел ответа.

Колумб не нашел обещанных сокровищ. Золота было мало, и те немногочисленные дары, что удалось собрать, не могли оправдать ожиданий, вложенных в экспедицию. Он тщательно отобрал все, что могло произвести впечатление: яркие перья, незнакомые растения, странные украшения, а главное — несколько аборигенов, которых надеялся представить при дворе как доказательство нового мира. С этими скромными трофеями он покинул заморские берега и взял курс на Испанию.

Плавание домой было бурным, но удачным. Весной 1493 года корабль Колумба вошел в гавань Севильи. Так завершилось его первое путешествие. Он открыл Новую землю — но вернулся не с золотом, а с загадками и надеждами. Королевская чета встретила его с почестями, но в их взглядах уже сквозила тень сомнения.

ГЛАВА 4. УБЕЖДЕНИЕ И ЛОЖЬ

Севилья встретила Колумба не торжественным звоном колоколов, а глухим шорохом осеннего дождя. Его корабли вошли в гавань утомленными, как и их капитан. Тела были целы, но мечты — надломлены. Вместо обещанных гор золота — лишь корзины с бусами, перьями, несколькими фигурками из темного металла и рассказами о земляных хижинах. Впрочем, главное — была земля. И, быть может, надежда.

Во дворе королевского дворца в Барселоне все выглядело иначе. Здесь об оценке экспедиции судили не по штурманским журналам, а по блеску, по весу металла на столах.

В тронном зале Колумб стоял перед Фердинандом и Изабеллой. Он держался прямо, но голос выдавал усталость. Взгляд короля был холоден.

— Итак, дон Кристобаль, — произнес Фердинанд, перебирая редкие трофеи, — это все?

— Это начало, Ваше Величество, — спокойно ответил Колумб. — Я достиг суши, которую не описывал ни один из наших картографов. Там есть люди. Много людей. И, как утверждают они сами, дальше на запад — на материке — живут племена, владеющие большим золотом.

— Золото, которого вы не привезли, — с легкой усмешкой добавил король.

— Потому что я еще не дошел до него, — не дрогнув, сказал Колумб. — Но могу. И сделаю это, если вы позволите мне организовать вторую экспедицию — более широкую, с большей флотилией, с людьми, способными не только искать, но и утверждать власть короны.

Изабелла молчала. Ее глаза — спокойные, наблюдательные — были прикованы к лицу Колумба. Он почувствовал это и выдержал паузу.

— Это не было поражением, — добавил он тише. — Это была разведка. Первый шаг. Я видел земли, где человек может пройти неделю и не встретить моря. Это материк. А если есть материк — есть города. А где есть города — есть сокровища.

Король перевел взгляд на жену.

— А если за этим — только песок?

— Тогда мы потеряем корабли, — ответил Колумб. — Но если за этим — империя? Мы будем первыми.

Изабелла медленно поднялась с трона.

— Письма приходят из Мадрида, — сказала она. — Говорят, вы интересуетесь древними пророчествами. Что вы расспрашивали жрецов. Что искали не золото, а людей, исчезнувших в Ветхом Завете.

Колумб сдержал дыхание. Ее голос был мягким, но в нем слышался металл.

— Я говорил с шаманами, — ответил он. — Только потому, что они — носители памяти. Они знают, что есть за холмами. Я спрашивал о реках, горах, знаках. Но искал я — золото.

— Вы верите в десять колен Израилевых? — спросил Фердинанд внезапно, глядя в упор.

Колумб посмотрел на него спокойно.

— Я верю в то, что каждый народ оставляет след. И если колена исчезли — они могли уйти далеко. Очень дале-

ко. Может быть, в те земли, куда теперь ведет мой компас. Но я не ищу их. Я служу вам, не легенде.

Королева не сводила с него глаз.

— Ваша правда звучит как ложь. И все же в ней — настойчивость. А Испания всегда нуждалась в тех, кто умеет идти на риск.

Она подошла ближе и протянула руку к пергаменту.

— Вам будет позволено снарядить новую экспедицию. Больше кораблей. Больше людей. Но с вами вновь отправятся писцы. Не только для хроник, но и для наблюдения. Мы хотим знать, куда ступает каждый шаг, оплаченный из казны.

Колумб склонил голову.

— Я не обману ваше доверие.

— Уже обманули, — прошептал король. — Вопрос в том, сколько еще лжи мы готовы принять ради новой земли.

Когда он покинул тронный зал, в коридоре его ожидали уже знакомые лица. Алонсо де Вилья и брат Игнасио, чьи пергаменты с записями уходили в тайные архивы. На этот раз к ним добавился еще один — молодой кастильский рыцарь по имени дель Риос, представленный как сопровождающий, но с глазами, в которых читалась не вежливость, а приказ.

— Вы снова с нами, дон Кристобаль, — с тонкой усмешкой произнес Алонсо. — История любит повторяться.

— Повторение — это способ приближения к истине, — ответил Колумб, проходя мимо. — Главное — идти дальше, чем карта.

Он шагал по мраморному полу, глядя вперед. Ложь — это был лишь инструмент. Убеждение — щит. А за ними все еще скрывался тот самый образ: племя, ушедшее за реку, за стену, за горизонт. Он не знал, найдет ли их. Но знал, что не остановится.

И теперь он был не просто мореплавателем. Он стал человеком, который пошел за легендой, зная, что отныне каждый его шаг — под надзором, каждое слово — под запись, каждая ошибка — приговор.

ГЛАВА 5. МЕЖДУ СЛAVOЙ И ТЕНЬЮ

Когда Колумб вновь ступил на берег Испании после своего первого плавания, толпа приветствовала его как пророка. Он раскрыл западный путь к новым землям, он доказал, что за горизонтом — мир. Но золотой песок, принесенный им, был лишь пылью по меркам дворца. Король Фердинанд и королева Изабелла вежливо улыбались, слушали его речи, принимали экзотические подарки — попугаев, хлопковые ткани, необычные украшения. Однако в их взглядах уже сквозил холод расчета. Им нужно было больше. Им нужны были доказательства, что эта земля стоит крови, времени и средств.

Второе плавание было назначено без промедления. Теперь флотилия насчитывала семнадцать судов, а сам Колумб был назначен губернатором всех вновь открытых земель. С ним отправились более тысячи человек — солдаты, ремесленники, священники. Они не плелись в неизведанное. Они шли за землей, богатством и властью.

— На этот раз мы вернемся с сокровищами, — сказал Колумб своему брату Бартоломео, стоя на корме флагманского судна. — Они думают, я ищу золото. Но я ищу знамения.

— Ты слишком веришь в звезды, Кристофоро, — ответил брат. — А я — в карты и сталь.

Путь лежал через Канарские острова. Оттуда — прямо на запад. Моря были благосклонны. В ноябре 1493 года флотилия достигла островов Доминика, затем Гваделупы, Пуэрто-Рико и, наконец, знакомой Колумбу Испаньолы. Но его надежды увидеть развивающийся форт Навидад разбились о пепелище. Построенное им поселение было сожжено, испанцы убиты.

— Что мы оставили — они стерли, — прошептал он, глядя на обугленные балки. — Значит, начнем заново.

Он основал новый форт — Изабеллу. Назвал его в честь королевы, надеясь, что она поймет: он действует ради короны. Но поселение стало очагом бедствий. Болезни, голод, внутренние распри разъедали колонию изнутри. Индейцы, сначала мирные, теперь смотрели на испанцев с ненавистью. В ответ Колумб ужесточил контроль. Он заставил индейцев добывать золото в реках, вводил наказания, требовал дисциплины от испанцев. Те, кто шел с ним за легкой наживой, начали роптать.

— Ты обещал сокровища, — бросил один из офицеров. — Вместо этого — гниль, дождь и смерть.

— Сокровища требуют времени, — отрезал Колумб. — А вы хотите чудес на третий день.

Он отправил корабль с дарами и рапортом в Испанию. Снова попугаи, странные плоды, немного золотого песка, ткань. Но настоящего богатства не было. А тем временем слава Колумба в метрополии меркла. Его уже не называли пророком. Его называли тираном.

В 1498 году Колумб отправился в третье плавание. Теперь он шел на юг, и звезды в небе вели его к новому рубежу. Он достиг острова Тринидад, затем — устья Ориноко. Широкая, бурная река указывала на великое: перед ним был материк.

— Это не остров, — сказал он с дрожью. — Это — земля, рожденная древним морем. Возможно, начало Нового Света.

Он не знал, что назовет ее Южной Америкой кто-то другой. Пока что это была просто земля.

Он вернулся на Испаньолу — и оказался в аду. Колония была на грани мятежа. Испанцы писали доносы. Индейцы восставали. Его обвиняли в жестокости, произволе, алчности. Владыка новых земель, он становился изгоем на своей собственной земле.

И вот однажды в гавань прибыл чужой корабль.

— Франсиско де Бовадилья, — представился человек в черном. — По приказу короны я наделен полномочиями. Адмирал Христофор Колумб — отныне вы отстранены.

— Это ошибка, — сказал Колумб тихо. — Я действовал ради Испании.

— Испания не терпит неудач, — ответил тот холодно. — Даже если они открывают континенты.

Цепи сомкнулись на запястьях. Колумб молча ступил на корабль, не бросив ни одного взгляда назад.

Он вернулся в Испанию узником. Его встретили сдержанно. Королева сняла с него цепи, приказала не трогать «человека, открывшего Империи Новый Свет». Но прежней славы не было. Его должности были отняты. Вокруг него — тишина, шепоты, забвение.

Колумб сидел в своей комнате в Севилье и смотрел на потемневшие свитки.

— Я дал им землю. Я дал им путь. И все, что они увидели — это мешки без золота, — произнес он однажды брату. — Но я еще не все сказал. Я еще не все нашел.

Он стал просить у короны разрешение на четвертое плавание.

И ему позволили — в последний раз.

ГЛАВА 6. НА ПОРОГЕ ПРОЛИВА

Королева Изабелла сдержанно, но твердо позволила ему еще одну попытку – без титулов, без почестей. Он отправлялся как простой мореплаватель. Формально – искать проход в Индийский океан. Неофициально – он надеялся найти то, что искал всю жизнь: ту землю, где могли укрыться изгнанные потомки Израиля.

Колумб сидел в пустой каюте, перебирая старые бумаги. Карта, помеченная собственноручно, была покрыта следами соли и времени. Ее края обуглились от свечи. На ней не было ни проливов, ни точных берегов – только догадки и расчеты.

– Гондурас, – проговорил он вслух. – Если где и будет пролив, ведущий в восточные воды, то там.

– Или – то, чего вы ищете, – тихо сказал Игнасио, входя без стука. Он вновь был с ним. Его не пригласили – его отправили. Он сам это знал.

– Знаете, брат Игнасио, – сказал Колумб, – когда-нибудь вы запишете, что я сошел с ума. Но перед этим постарайтесь записать хотя бы одно: я дошел туда, куда не дошел никто.

Игнасио вздохнул. Он не спорил. Он уже понял, что в этой одержимости нет простого ответа.

Флотилия вошла в воды Карибского моря и пошла вдоль побережья. Начались дожди. Ветра становились тяжелее, волны — выше. Мачты скрипели, паруса рвались. Люди устали. Болезни поднимали головы. Тропики были красивы, но безжалостны.

Один из кораблей затонул у скал. Второй вышел из строя. Осталось два. Но именно тогда, когда путь казался потерянным, местный вождь, по имени Лаканах, встретил их на берегу — босиком, в ожерелье из зубов, с взглядом, в котором была и дерзость, и память.

— Он говорит, — перевел индеец, — что вы не первые. Давным-давно к их берегу пришли белые люди. Они были высоки, с бородами. Их кожа горела на солнце. Они были одеты в металл.

Колумб замер. Сердце у него сжалось.

— Что еще он сказал?

— Они жили с племенем. Обучали их. Но пришли лихорадки. Один за другим они начали умирать. Последний из них умер стариком. Но до сих пор жив тот, кто слышал от него язык.

— Где он?

— В глубине. В трех днях пути от побережья.

Колумб отвернулся, делая вид, что смотрит на море. Лицо его дрогнуло.

— Мы изменим маршрут. Будто бы из-за шторма.

— Адмирал, — тихо проговорил Игнасио, — вы понимаете, что это будет зафиксировано. Что вас вновь обвинят в том, что вы отклоняетесь от указа.

— Я больше не адмирал, брат Игнасио. И пусть фиксируют. Пусть пишут. Я — только человек, идущий за голосом.

Три дня шли они через леса, через болота, через жару и комаров. На третий день они достигли деревни.

Старейшина племени — мужчина с серебристыми волосами и узкими глазами — вышел вперед. Он говорил

медленно, словно знал, что каждое его слово будет переведено с предельной точностью.

— Много солнц назад к нам пришли люди с севера, — начал он. — Белые, с лицами, похожими на ваши, но иные. Они носили железные доспехи и мечи, которыми можно было срубить дерево одним ударом. Они говорили непонятно, ели странную пищу и все время глядели на звезды. Мы приняли их. Они были больны.

— Что с ними стало? — спросил Колумб, когда перевод был закончен.

— Они начали умирать. Один за другим. У них была священная книга — но никто не понимал ее. Старший из них умер последним. Его слова сохранил один из наших. Сейчас он старик. Он помнит язык пришедших.

Колумб потребовал встречи. Старика вывели чуть позже — согбенного, с кожей, как пергамент, с глазами затуманенными, но живыми. Он взглянул на Колумба и заговорил. Громко, уверенно, словно ждал этого всю жизнь.

Колумб замер. Он не понимал слов, но слышал ритм. Это был язык, который он знал. Язык, что хранился где-то глубоко, на границе сна и памяти. Он слышал его в юности — во времена северных плаваний, когда брался за любую работу, лишь бы попасть на корабль. Он слышал этот говор в рыбацких портах Исландии, на штормовых пристанях, где ветер выл в снастях, и в голландских тавернах, где стены были мокры от пива и тумана.

И вдруг он вспомнил давний разговор с купцом в одной из таверн Амстердама.

Поздняя осень. Таверна недалеко от пристани, в глубине узкой улочки, за рынком и складскими сараями. Ее фасад был потемневшим от дождей и дыма, с вывеской в виде выцветшего льва, свисающего на кованом крюке. Внутри царил полумрак. Свет исходил лишь от нескольких масляных ламп, подвешенных к низким балкам. Пламя плясало

в мутных стеклянных плафонах, отбрасывая на стены дрожащие тени.

Потолок был низкий, закопченный, с выступающими темными балками. В углу, ближе к очагу, где потрескивали дрова, стоял глиняный горшок с похлебкой – таверничик наливал ее прямо в деревянные миски.

Столы – грубо сколоченные, с глубокими зарубками от ножей и пятнами от пролитого вина. Скамьи скрипели под весом моряков в тяжелых шерстяных куртках. На стенах висели старые морские карты и обрывки гильдейских уведомлений. Где-то среди трещин мха на штукатурке просвечивала часть надписи на латыни.

В воздухе витали запахи копченой рыбы, теплого хлеба, влажной шерсти и пива. Из-за стойки тянулся грубый дубовый прилавок, на котором лежали кружки из олова и дерева.

Публика была пестрая – купцы с Фландрии в широких суконных плащах, моряки с севера, говорящие на грубых диалектах ганзейских городов, испанцы и португальцы, сидевшие в тени, в капюшонах, и – по слухам – шпионившие друг за другом.

Кто-то брэнчал на лютне у очага. Кто-то играл в кости, крича и проклиная на смеси языков. Он – молодой, упрямый, с усталыми глазами и наспех свернутым пергаментом в рукаве. И за одним из столов – фламандский купец, с сединой в бороде и тяжелой золотой цепью на груди. Тот спросил:

– Ты всерьез думаешь, что Индия – там, за морем, где закат?

Колумб тогда только кивнул. И показал линию – по карте, несуществующей. Линию, которую видел во сне. Купец долго смотрел, молча.

– Ты говоришь, как человек, слышавший северный ветер, – сказал он. – Ты помнишь голос тех, кто плыл прежде тебя.

И тогда Колумб услышал за соседним столом песню. На грубом, хриплом наречии. Слова были простые: «Море, лед, земля за облаками». Он не понял смысла — но запомнил звучание.

Теперь этот же язык звучал перед ним. Здесь. Через десятилетия.

— Он говорит, — прошептал Колумб, — о море. О холоде. О земле, покрытой снегом. И о переселении на юг.

— Старик один остался, — сказал переводчик. — Остальные умерли. Он хранит память. Но никто из местных не понимает его слов.

Колумб опустил голову.

— Это они... — прошептал он. — Потомки тех, кто исчез из Гренландии. Они пришли сюда. Они не вымерли — они растворились в тропиках. Это не колена Израиля... но это изгнанники. Из другого рода, но с той же судьбой.

Игнасио ничего не сказал. Он смотрел на старика, на Колумба, и только записывал. Его почерк был строг и ровен.

Закончив писать в свой журнал, Игнасио подошел ближе.

— Вы ошиблись?

— Я? — Колумб улыбнулся одними глазами. — Нет. Я открыл. Но не то, что хотел. А значит — это была не ошибка. Это была еще одна веха в моей жизни.

Они провели ночь в деревне. Старик пел под утро — что-то, напоминающее молитву, но незнакомую. Колумб слушал, не спал. Его лицо было спокойно. Когда наутро они вернулись к побережью, море было штормовым. Их ждали разорванные снасти, расшатанные борта и усталые, злые люди. Но Колумб был тих. Он знал: он приближался к концу пути. Не к земле обетованной, а к тому моменту, где дорога переходит в признание.

В последующие дни Колумб расспрашивал вождей. Некоторые из них знали о маршрутах на юг. Они говорили,

что можно дойти до места, где две воды почти касаются друг друга. Что там, где солнце встает и заходит за один день, есть реки, по которым племена веками переносили грузы — раковины, золото, какао. Они не говорили прямо, но было ясно: существовал путь через землю. Узкий, связующий два моря.

— Они говорят о перешейке, — произнес Игнасио однажды вечером. — Они знают, как перейти. По рекам, по тропам. Там всего два дня пути от одного моря к другому.

— Нет, — покачал головой Колумб. — Это не может быть то, о чем мы говорим. Они не различают залив и океан. Это должно быть море. Пролив. Истинный проход, как в книгах.

— А если он не морской? — тихо спросил Игнасио. — А если они говорят правду, но вы не слышите?

Колумб не ответил. Он не мог допустить мысли, что путь в Индию лежит по земле. Он был мореплавателем. Он верил в пролив.

В Панаме он вновь встретил вождя — из народа куна. Тот тоже говорил о белых пришельцах, живших среди его предков, но погибших в болотах. Он указывал на запад, к джунглям, туда, где река Белен впадает в Карибское море. Там, по настоянию Колумба, они основали форт Санта-Мария-де-Белен. Земля была влажная, трудная, но он верил — это последний рубеж.

Однако все пошло не так. Племя куна, сначала приветливое, стало враждебным. Торговцы, которых Колумб считал союзниками, замкнулись. Болезни свирепствовали. Люди умирали от лихорадки. Один из офицеров поднял мятеж, был обезоружен, но яд недоверия уже распространился. Пища заканчивалась. Река разлилась, форт затопило. Война с куна началась внезапно. Небо потемнело, будто само время отвернулось от них.

Колумб был вынужден отступить. Форт сожгли. Ветки, листья, хижины, тела — все растворилось в дождливом

воздухе. Он не дошел до «второго моря». Он слышал о нем. Видел направление. Чувствовал близость. Но не поверил до конца.

Уходя, он остановился на берегу, где речная вода сливалась с соленой. Он смотрел в джунгли. Где-то за ними, возможно, в шестидесяти километрах, плескались воды, которых он не достиг.

— Я был у самого края, — тихо произнес он. — Но искал проход в воде, а он был в земле.

Игнасио подошел. Его одежда была промокшей, лицо — усталым.

— Вы знали. Но не слышали.

— Я был воспитан слушать штурвал, — сказал Колумб. — А не тропу.

На закате он покинул Панаму. Сердце его было пусто. Он знал: он не нашел колен Израилевых. Не нашел Индию. Не открыл пролив. Он открыл только одно — предел собственной веры. И в этом тоже было открытие. Пусть и не то, ради которого его посылали.

ГЛАВА 7. ВОЗВРАЩЕНИЕ И ОПАЛА

Когда корабли Колумба вошли в гавань Севильи, никто не ждал их. Не было фанфар, ни почетного караула, ни толпы на причале. Море утихло, ветер стих, но на берегу не было ни одного поднятого знамени. Земля казалась равнодушной к его возвращению. Четвертое плавание завершилось. Он ступил на сушу старым, больным, обветренным и почти одиноким. Лишь немногие из команды остались с ним – остальные умерли в джунглях, на палубах, от лихорадки, от отчаяния. Его взгляд был пустым. Плечи ссутулились. И даже море больше не казалось ему бесконечным.

В порту его встретили чиновники. Без приветствий. Без церемоний. Один из них, сухопарый человек в черной рясе, объявил:

– Дон Кристобаль, вы обязаны немедленно явиться в Алькасар. По поручению Совета при дворе вам вменяются отступления от королевского указа и растрата средств казны.

Колумб не удивился. Он кивнул и, ничего не говоря, пошел за ним, опираясь на трость. Боли в ногах стали постоянными, тело ныло от усталости и старых ран, но он держался. Его молчание пугало даже тех, кто вел его.

В Алькасаре его не пустили к трону. Прием проходил в нижнем зале, за гобеленом. Там, на дубовом столе, лежали свитки, донесения, отчеты соглядатаев. Лица чиновников были каменными. Среди них был Игнасио. Он сидел в стороне с тем же пергаментом в руках, что вел все плавание.

— Дон Кристобаль, — начал главный советник, не поднимая глаз, — ваши действия в последнем плавании вызвали серьезные вопросы. По показаниям сопровождавших вас лиц, вы неоднократно отклонялись от маршрута, предписанного королевой. Вместо поисков морского прохода в Индию вы направлялись в области, не отмеченные в маршруте, руководствуясь личными соображениями, не имеющими отношения к интересам короны.

Колумб стоял молча.

— Вам вменяется, — продолжал советник, — что вы тратили ресурсы флота на преследование мифов, а не целей морской экспедиции. Из ваших слов и из записей сопровождающих ясно, что вы занимались поисками... — он сделал паузу, — колен Израилевых.

Наступила тишина. Один из молодых придворных усмехнулся. Кто-то хмыкнул. Только Колумб остался неподвижен.

— Я искал пролив, — спокойно сказал он. — И я искал след. След народа, о котором говорят пророчества. Не потому что верил в басни, а потому что знал: они ушли, и могли уйти далеко. В их исчезновении нет вымысла — только забвение.

— Вы не были посланы искать пророков, — резко прервал другой член Совета. — Вы были посланы найти золото. Земли. Морской путь. Вместо этого вы привезли сказки.

— Я привез карту побережья, — сказал Колумб, — я описал реки, гавани, я построил форт. Я доказал, что континент продолжается дальше. Я показал путь.

— Но не туда, куда приказывали, — последовал холодный ответ.

Игнасио, все это время молчавший, вдруг поднял голову.

— С позволения Совета... — сказал он негромко. — Он говорил правду. Он действительно верил в то, что искал. И, быть может, нашел больше, чем мы понимаем.

— Благодарим вас, брат Игнасио, — перебил советник. — Ваш отчет уже изучен. И мы знаем: вера — это не оправдание.

Колумб опустил глаза. Не в знак вины — в знак усталости. Ему больше нечего было сказать. Все, что он мог открыть, он открыл. Все, что хотел сказать — он сказал морю.

Решение вынесли в тот же день. Все его титулы отзывались. Финансирование прекращалось. Пенсия приостанавливалась. Он более не имел права называться адмиралом, не имел права распоряжаться землями, не имел даже средств, чтобы заплатить за жилье.

Он покинул дворец под морозящим дождем. Шел медленно, в плаще, который уже не был парадным. В Севилье никто его не узнавал. Он больше не был героем. Не был посланником Испании. Он был человеком, который ошибся — так думали другие.

Он поселился в скромной комнате при монастыре. Его видели в городе — сутулого, с тростью, в старом платье. Он больше не говорил о коленях Израилевых. Не потому что перестал верить. А потому что понял: не все поиски можно закончить при жизни.

По вечерам он сидел у окна, глядя на небо. Пальцы водили по старой карте. Где-то между Гондурасом и Панамой он делал новую пометку — не для географов, не для двора. Для себя. В том месте, где была его последняя надежда.

— Я не нашел то, что искал, — шептал он, — но нашел то, что больше поиска. Ограниченность мира. И то, как

легко разум может быть осмеян, если он идет дальше приказа.

Он знал: мир его забыл. Но где-то на другом берегу все еще шумел лес, и жил старик, говорящий на языке исчезнувших. И это значило, что след еще теплый.

Он не ошибся. Он просто родился в эпоху, где истину измеряли весом золота, а не мерой внутреннего пути.

ГЛАВА 8. ПОСЕТИТЕЛЬ ИЗ БУДУЩЕГО

Дождь, как и всегда в эти дни, лил без конца. Серые струи стекали по облупленным стеклам, пропитывали стены, проникали до самого нутра. В монастырской келье пахло сырой бумагой, старым воском и тлеющими углями. Колумб сидел в кресле у очага, закутанный в грубое одеяло. Его руки дрожали. Кожа на лице стала желтовато-серой, взгляд — тусклым, но сознание оставалось ясным. В комнате стояла тишина. Лишь ветер за окном не давал забыть о внешнем мире — он то и дело хлопал расшатанными ставнями, будто пытался прорваться внутрь.

Он не ждал никого. Те, кто раньше приходили — чиновники, студенты, купцы, — давно исчезли. О нем почти забыли. В последние месяцы ему приносили хлеб и теплое молоко из кухни монастыря, а молодой священник время от времени навещал его и тихо читал на латыни страницы из Жития святых. Иногда он открывал томик «О подражании Христу» и тихо произносил слова, которые звучали как исповедь самой души: «*Miserere mei, Deus, secundum magnam misericordiam tuam...*» — «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей...».

Но сегодня дверь отворилась иначе. Не скрипнула, как обычно, а открылась мягко, уверенно. И вошел человек, которого Колумб никогда прежде не видел.

Он был одет странно — в одежду, не похожую ни на монашескую, ни на испанскую. Черное, плотное, но легкое на вид пальто, туфли без пряжек, высокая рубашка, но без воротника. Лицо — спокойное, умное, с усталым выражением. Волосы немного растрепаны, но движения — точные, уверенные. Его голос был ровным, интонации сдержанными, движения — неторопливыми, будто он не спешил, хотя пришел издалека. Он сел напротив, снял перчатки, внимательно посмотрел на старика и тихо произнес:

— Мир вашему дому, дон Кристобаль. Простите, что вхожу без приглашения. Я... прибыл издалека... Я прибыл издалека, чтобы отдать дань уважения тому, кто первым пересек границу известного мира и открыл человечеству пространство, о существовании которого оно лишь смутно догадывалось.

— Издалека? — голос Колумба был хриплым. — С Востока или с Запада?

— Ни с того, ни с другого. Я пришел из будущего.

— Странно... я думал, первым ко мне явится священник. А пришел человек из будущего. Что ж — и это путь.

— Если ты из мира, что начался за моей спиной... садись. Места хватит, а времени у меня теперь много. Времена меняются, а человек все ищет дорогу. Проходи. Если ты и вправду из будущего — ты знаешь, что я не скрывал истины.

Колумб долго смотрел на Вейра. Губы едва заметно шевельнулись, но усмешки не последовало. Он лишь тихо кивнул, приветствуя гостя.

— Значит, настал момент. Я всегда знал, что кто-то придет. Чтобы спросить — не про карты и не про золото. А про то, зачем я на самом деле шел в море.

— Именно, — сказал незнакомец и сел на край скамьи. — Мое имя — профессор Вейр. Я историк. Вы искали десять потерянных колен Израилевых. Так ли это?

Колумб медленно выдохнул.

— Да. Искал. Не сразу. Сначала я только верил в возможность. Потом стал убежден. Потом стало поздно отступать. Я знал, что не могу сказать этого вслух, иначе мне не позволили бы идти.

— Почему вы поверили?

— Потому что все складывалось. Не с точки зрения точной науки, а по внутренней логике. Пророчества, карты, расстояния. Согласно Ветхому Завету, десять колен исчезли с лиц земли, будучи уведёнными ассирийским царем. Но не уничтожены. Пророки — Иезекииль, Осия — говорили, что они будут возвращены. И некоторые древние источники указывали: ушли они на восток. На самый край обитаемого мира.

Он закашлялся. Вейр подал ему кувшин с водой. Колумб сделал глоток и продолжил:

— Я изучал сочинения Марко Поло, летописи арабов, сведения иудеев. Если сопоставить все это, выходит, что земля, где они могли скрыться, лежит где-то за Восточной Азией. Но путь туда по суше был невозможен. Тогда я подумал: если обогнуть землю — не проще ли достичь Востока, двигаясь на Запад?

— Вы рассчитывали, что окажетесь в Азии?

— Да. Или на ее пороге. Но я надеялся на другое. Что в этой земле, до которой почти никто не добирался, я найду их. Племя, что отделено от всех. Племя, сохранившее свою древность. Я искал не просто золото. Я искал народ, что забыл этот мир — и сам был забыт им.

Вейр слушал молча.

— И что вы нашли?

— Я нашел след. Людей, похожих. Язык, похожий. Я нашел племя, говорившее о пришельцах, о бородатых, в до-

спехах, что жили среди них и умирали от болезни. Я нашел старика, говорящего на языке, который я слышал в Исландии. Не иврит. Не арамейский. Но язык другого исчезнувшего народа — северян, ушедших из Гренландии.

— Потомки викингов.

— Да. И в этом была моя ошибка. Я был так близко... но искал не то. Я шел туда, где должна была быть легенда. А нашел другую. Я открыл не колена Израиля — я открыл предел человеческого поиска. Океан ничего не скрывает — он просто равнодушен.

Колумб замолчал. Рука его дрожала. Он смотрел в огонь, словно различал в нем силуэт корабля, с которого так и не сошел. В пламени мерцали мачты, качались канаты, скрипела палуба — и он снова был там, в безбрежном океане, среди звезд и ветров, гонимый верой и сомнениями.

— Я отдал им все. Знания, карты, путь... А что осталось мне? Только этот огонь. Только память, что греет и жжет одновременно, — задумчиво произнес он.

— Вас осудили, — тихо сказал Вейр. — За то, что не привезли золота. За то, что не нашли Азии. Хотя вы открыли целый континент.

— Но я шел не за этим, — ответил Колумб. — И именно этого они не могли простить. Я не был их слугой. Я был их мечтой. А потом — напоминанием о том, чего они не захотели увидеть.

Профессор медленно достал из кармана лист бумаги. Там была карта — современная. Он развернул ее и показал Колумбу очертания Америки. Север, юг. Море. Перешеек. Панама.

— Вы были здесь. Всего в нескольких днях от тонкого перешейка между двумя океанами. Вы были на самом пороге. Если бы вы знали, что стоит лишь пройти через джунгли...

Колумб коснулся карты дрожащими пальцами. Он кивнул.

— Я чувствовал. Местные говорили о «другом море». Но я не поверил. Я думал, это залив. Я ждал пролив. Морской путь. А он был — на земле, через этот перешеек. Простой. Близкий. Как истина, которую ты не замечаешь, потому что ищешь ее слишком далеко.

Он закрыл глаза. Веки у него дрожали, дыхание стало прерывистым, едва заметным.

— Адмирал, — мягко произнес Вейр. — Вы совершили ошибку. Но в этой ошибке — ваше величие. В ней был ваш путь. И голос, которого не хватало этому миру.

Колумб улыбнулся.

— Иногда ошибка — это всего лишь шаг туда, куда другие не осмеливаются ступить. Именно тогда, когда путь скрыт во мраке.

Он замолчал на мгновение, глядя в угасающие угли. Голос стал тише, он произнес почти шепотом:

— Я покидаю этот мир не капитаном... не адмиралом... а странником. И, может быть, именно так и должен уходить тот, кто искал, но не нашел...

Пламя в очаге погасло окончательно. За окном все так же шел дождь. Вейр медленно поднялся, склонил голову в знак прощания и неспешно вышел, оставив в келье человека, который однажды открыл новый мир — но не нашел в нем то, что искал. И стал тем, кого будут славить веками и чьим открытием будут восхищаться вновь и вновь.

СВЕТ ЛУНЫ
В ПУСТОЙ ЧАШЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Те, кто ищут истину, идут не туда, где громко,
а туда, где долго звучит эхо.*

*Надпись на стене
одного из монастырей эпохи Тан*

Пусть читатель, открывший эту повесть, не ищет в ней шума подвигов и грома сражений. Пусть не ожидает он ни славы героев, ни конца, что расставит все по местам.

Здесь рассказано о чаше, что пуста — и все же наполнена светом. О луне, что светит в минувшее. О встрече, которую не зовут, но которая приходит сама.

В старинные времена говорили: «Когда путь исчезает, мудрец идет по теням». И еще: «Истина не любит слов, но слышится в тишине между строк». Мир велик, но нить времени тоньше шелка. Есть те, кто прошел по этой нити сквозь века.

В этой книге вы встретите двоих путников из будущего: ученого, знающего древность и хрупкость памяти, и женщину, что слышит язык, давно ушедший из уст людей. Судьба приводит их в эпоху золотого века Китая — во времена династии Тан.

С неба сходил теплый свет, и дыхание земли становилось мягким, время замедлило свой ход — и наступил час цветения. На склонах зацвели сливы, и весь воздух напол-

нился светом лепестков. Под цветущими сливами собрались поэты, философы и странники духа на праздник Цветения — праздник красоты, вина и поэзии.

И среди поэтов, музыкантов и мудрецов путники встретили его — Отшельника Зеленого Лотоса, Ли Тайбо. Одного из величайших поэтов, каких знало человечество. Его называют бессмертным. Его стихи звучат на сотнях языков, хранятся в книгах, музеях и человеческой памяти. Как горные ручьи, они ускользают от попыток удержать их — но именно в их течении живет дыхание поэзии мира.

Но он был не просто поэтом — он был голосом самой природы, странствующим сквозь века. Он смеялся так, как смеется тот, кто давно понял: истина не любит слов, истина тихо дышит между строк.

Читайте эту повесть так, как идут по бамбуковой роще в час безветрия — неспешно, вслушиваясь в тишину. Не ищите поучения. Пусть слово само коснется вас — как отражение, что не исчезает в воде... как свет, скользящий по краю чаши...

ГЛАВА 1. ЗЕРКАЛО ВРЕМЕНИ

Лаборатория экспериментальной хроноархеологии при Институте изучения древних цивилизаций находилась в глубине университетского комплекса, скрытая от посторонних глаз за матовыми стеклянными дверями и двойным уровнем допуска. Там не было окон. Свет исходил от потолочных панелей, ровный, слегка золотистый, как в музее, где хранят ценные артефакты древности.

На стенах — карты временных контуров, распечатки текстов на забытых языках, магнитные схемы, осциллограммы, чертежи устройств, напоминающих произведения кинетического искусства. В центре зала — металлическая платформа, инкрустированная символами, — объект, известный в протоколах как Модель АΩ. Впрочем, между собой сотрудники называли ее проще: Зеркало времени.

Профессор Эдвард Вейр стоял у командной панели, сдвинув на лоб очки. Высокий, с короткими седыми висками и усталым, но живым взглядом, он был человеком, чья репутация давно перешла границы академии. Археолог, лингвист, специалист по структурам древнего знания, он не столько изучал прошлое, сколько разговаривал с ним — спокойно, уважительно, без иллюзий.

Рядом с ним — профессор Эвелин Чжан. Молодая, но уже признанный лингвист, тонкая, собранная, в ее движениях ощущалась легкость — та особая уверенность, что свойственна людям, владеющим искусством разрешать самые сложные задачи. Работы Эвелин Чжан по реконструкции грамматики раннекитайских диалектов считались беспрецедентными в научных кругах.

— Профессор, вы уверены в координатах? — негромко спросила она, глядя на голографическую проекцию временного узла.

— Уверен настолько, насколько можно быть уверенным в показаниях приборной консоли, — ответил Вейр. — Тем не менее давайте еще раз проверим наши расчеты.

Профессор Вейр провел указательным пальцем по голографической шкале консоли управления и включил вспомогательный интерфейс — модуль хронологического прогноза, экспериментальную надстройку к Зеркалу времени, разработанную для оценки культурной насыщенности временных участков.

— Хотите еще раз проверить? — спросила Эвелин с легким удивлением. — Вы ведь уже определили сезон и место.

— Да, — кивнул он. — Но сейчас мне важно не просто время цветения. Мне нужен тот год, когда эти цветы могли увидеть глаза Отшельника Зеленого Лотоса. Я хочу попать в момент, когда он мог быть на Празднике весны.

Он ввел параметры: Чанъань, эпоха Тан, весенние месяцы, годы активной жизни великих поэтов. Модуль замер на несколько секунд, обрабатывая исторические данные, фрагменты переписки, упоминания в хрониках и биографиях.

На экране всплыла рекомендация:

Рекомендуемый временной сегмент: 742 н. э.

(30-й год эры Кайюань, начало правления императора Сюань-цзуна, культурный расцвет, время совпадения присутствия Ли Бо в столичной области.)

*Праздник мэйхуа¹ – вероятное совпадение: высокое.
Уровень исторической насыщенности: максимальный.
Риск временного конфликта: минимален.*

Вейр молча всмотрелся в цифры.

– Сорок второй. Именно он, – произнес он тихо. – Год, когда расцветают не только сливы, но и сама эпоха – в своей славе и могуществе.

Пока система окончательно фиксировала координаты, Вейр вызвал на экран консоли краткий исторический свод по выбранному временному узлу.

– Семьсот сорок второй, – произнес он с уважением. – Это не просто год. Это вершина эпохи.

На экране возникли строки справки, и голос интерфейса негромко озвучил ключевые события:

742 год н. э. – период наивысшего расцвета Танской империи. Население достигает почти 50 миллионов человек. Чанъань – величайший мегаполис своего времени с населением более миллиона, культурный, административный и духовный центр Восточной Азии.

Через Чанъань проходит Великий Шелковый путь – великая артерия торговли и культурного обмена, связывающая Китай с Персией, Самаркандом, Индией, Тибетом, Кореей, Аравией и Византией. Открыты посольства более чем 70 иностранных государств. Расцвет дворцовой культуры, изысканной живописи, танцев и музыкальных школ.

¹ Праздник мэйхуа – один из древнейших весенних праздников в Китае, приуроченный к началу цветения сливы мэйхуа, которое приходится на рубеж зимы и весны. Слива мэйхуа – зимний цветок, распускающийся вопреки холоду и нередко цветущий под снегом, что делает ее символом стойкости, достоинства, скромности, постоянства и вечной любви. Родной мэйхуа считается долина реки Янцзы. В китайской культуре цветы мэйхуа, покрытые снегом, стали выражением национального духа – настойчивости в преодолении трудностей. Пять лепестков сливы символизируют пять благодатей: радость, счастье, долголетие, удачу и мир.

В это время происходит реформирование управления по линии Даоцзунов и усиление конфуцианского кодекса, сохраняется синкретизм трех учений – конфуцианства, буддизма и даосизма. Ли Бо официально приглашен ко двору и начинает период своей самой яркой поэтической деятельности.

– Поразительно, – тихо сказала Эвелин, следя за текстом. – Как будто само время собралось в один узел. Государственный расцвет, дипломатические миссии, поэтический гений...

– И все это – под лепестками слив, – кивнул Вейр. – Именно здесь они встречаются: власть, дух и слово.

Он снова активировал основную панель и перешел к точной установке координат. На этот раз – с чувством полной уверенности в своем выборе.

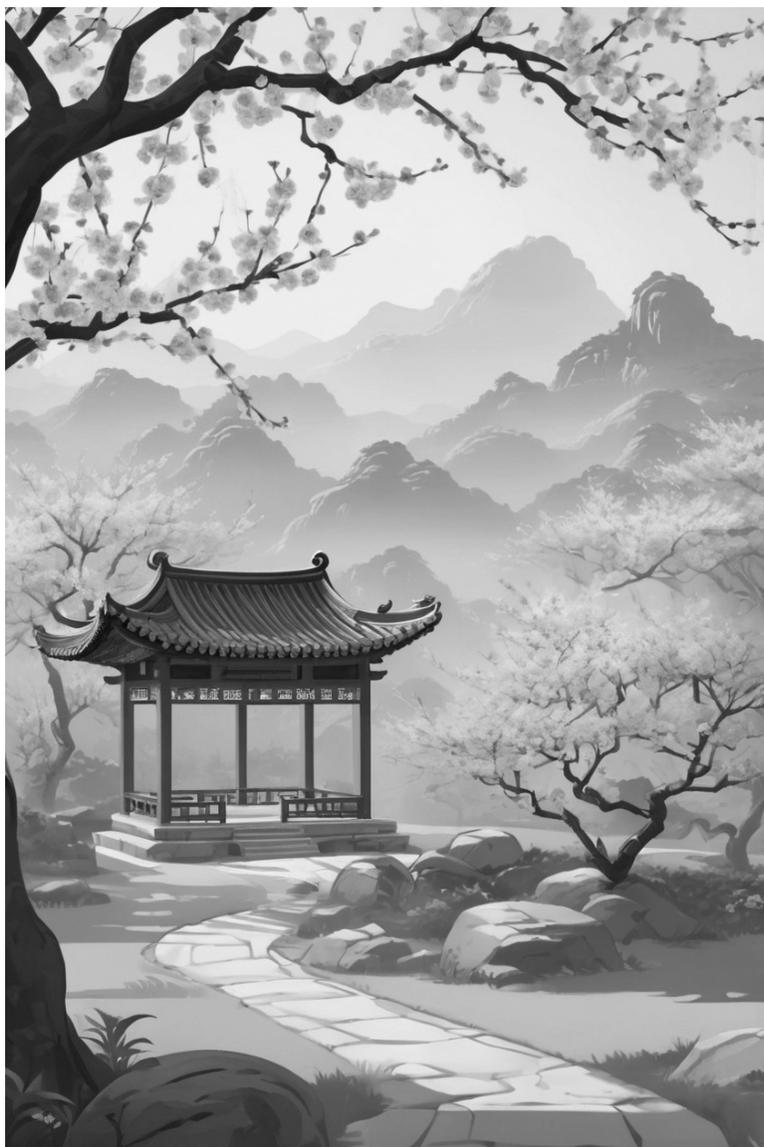
– Готовы? – спросил он, не поднимая глаз.

– Готова, – откликнулась Эвелин. – Теперь – действительно готова.

Он медленно подошел к консоли модуля телепортации. Несколько движений – и защитное поле над панелью отступило, открывая матовую поверхность с тонкими линиями координатной сетки. Он активировал центральный модуль, касаясь сенсорной панели, и голографический интерфейс вспыхнул мягким синим светом. На прозрачном экране проступили координаты: геопривязка, временной вектор, дата по древнекитайскому летоисчислению.

– Координаты установлены, – сказал Вейр, сверяя показания. – Геопривязка: Чанъань, южный склон павильона Сливы и Лунного Света; широта 34.265, долгота 108.954; временной вектор: Кайюань, 30-й год, второй месяц весны, двенадцатый день; Жэнь-у – год Водяной Лошади. Начало праздника мэйхуа.

Вейр пристально взгляделся в показания, как будто сверял не только цифры, но и саму судьбу.

– Все совпадает. Мы перемещаемся в эпоху Тан.

На секунду повисла тишина, и в ней, словно сквозь ткань времени, профессор Вейр вспомнил первую встречу с Эвелин...

Это было полгода назад, на научной конференции по сравнительной поэтике, где Вейр читал доклад о символах звука и пустоты в древнекитайской лирике. После выступления к нему подошла молодая женщина с внимательным, спокойным взглядом.

– Профессор Вейр? Простите... Я давно слежу за вашей работой. Меня зовут Эвелин Чжан. Я занимаюсь танской поэзией, в частности – ее переводами. Ваши идеи о времени как носителе поэтического ритма совпадают с моими наблюдениями.

Он запомнил Эвелин не столько по словам, сколько по интонации. Она говорила как человек не просто знающий, но тонко чувствующий красоту смысла за пределами поэтических строк. Несколько дней спустя она пришла к нему в лабораторию и сказала:

– Если вы и правда готовы отправиться в эпоху Тан – возьмите меня с собой. Я всю жизнь искала голос этой поэзии. Я знаю, как звучат ее образы, как строится ее дыхание, но... я хочу услышать их там, где они были рождены.

Он попытался объяснить, какому риску она себя подвергает:

– Путешествие во времени – это не экскурсия, профессор Чжан. Это риск. Здесь нет гарантии возвращения, нет инструкции, что делать, если культура не примет вас. Вы попадете в мир, где любое ваше движение, слово, взгляд может быть понято иначе. Там нет ни архивов, ни университетов, ни переводчиков. Только вы – и они.

– Именно поэтому я должна быть там, – твердо сказала Эвелин. – Потому что я не боюсь непонимания. Я жила в этих текстах. Я видела эти горы в снах. Если

шанс есть – даже один – я буду настаивать на своей просьбе.

Он долго молчал тогда. А потом кивнул.

– Вы умеете слушать и настаивать на своем. Этого достаточно.

...Теперь, стоя рядом с ним у Зеркала времени, Эвелин улыбнулась и, повернувшись к Вейру, тихо произнесла, словно вспоминая не строки, а дыхание старого свитка:

На углу дома несколько веток сливовых,
Озябшие, одиноко цветут.
Издалека узнаешь – это не снег,
Оттого, что доносится тонкий аромат.

– Превосходно! – отозвался профессор. – Кому принадлежат эти строки?

– Ван Вэю¹, – мягко ответила Эвелин. – Это его стихи... «Зимняя слива». Только он мог бы так точно выразить поэзию этого праздника.

Вейр кивнул, и на его лице мелькнула почти незаметная улыбка. Он чувствовал: они действительно идут не только сквозь время, но и навстречу тому, что когда-то называлось вдохновением.

– Итак, уходим в Тан? – уточнила Эвелин.

– В Чанъань. Весна. Праздник цветущих слив. 742 год нашей эры.

¹ Ван Вэй (701–761) – выдающийся китайский поэт, художник и музыкант эпохи Тан.

Приверженец буддизма Чань, Ван Вэй прославился своими короткими, образными стихотворениями, передающими глубокую связь между человеком и природой. Он умел выражать медитацию и внутреннюю ясность средствами минимального языка. Современники называли его «поэтом, в чьих стихах слышна живопись» и «художником, в чьих картинах звучит поэзия».

Он прикоснулся к поверхности устройства. В ней отразился его силуэт — но будто на долю секунды сдвинутый, как в другом свете.

Свет в лаборатории начал дрожать. Не мерцать — а именно дрожать, словно волны пространства начали расходиться от центра, как рябь по воде. Воздух сгустился. Пространство потянулось — и свернулось.

ГЛАВА 2. ШУМ СОСЕН НАД ТИШИНОЙ

Шум ветра. Дальний запах сандала, смешанный с горьковатой свежестью сосновой хвои и дыма. Воздух стал влажным и мягким, как ткань, покрытая росой. Легкая дрожь прошла по коже. Эвелин открыла глаза первой. Она лежала в высокой траве, среди ветвей и тишины. Сквозь игольчатые кроны сосен пробивалась луна — круглая, неестественно ясная, будто вырезанная из серебра..

— Мы... здесь?

Вейр сел, медленно оглядываясь вокруг. Их окружал сосновый лес. Стволы деревьев уходили ввысь, словно колонны храма, и казались почти одинаковыми. Над ними шумел ветер — ровно и протяжно, как музыка флейты, звучащая в пустом зале.

— Ну да, это не лаборатория, — проворчал он. — И не XXI век.

Они поднялись. Трава под ногами была свежа и прохладна от росы. Между деревьями проходила тропа, выложенная камнями, покрытыми мягким мхом. Вдали слышался еле уловимый звук текущей воды.

— Похоже на сад, — прошептала Эвелин. — Или храмовый склон...

— Что-то говорит мне, — отозвался Вейр, — что мы не одни.

Они пошли по тропе, и вскоре впереди показалась беседка из темного дерева, почти сливающаяся с деревьями. Внутри беседки, на низкой деревянной скамье, укрытой плетеной циновкой и уставленной мягкими шелковыми подушками, сидел человек в просторных одеждах. Его лицо было спокойно, глаза закрыты. Он не спал — он слушал едва слышный шепот ветра в сосновых ветвях.

Профессор Вейр застыл, не решаясь заговорить первым. Незнакомец открыл глаза — медленно, будто пробуждаясь от долгого сна — и повернул голову в их сторону. Затем поднялся со скамьи с непринужденной грацией человека, привыкшего к созерцанию. Его голос прозвучал тихо, но со странной уверенностью:

— Вас сюда не вела тропа. Ни одна из тех, что я знаю. Вы пришли издалека, но не из гор. Не с побережья. Не из других провинций. Ваши глаза — как зеркало, в котором отражается что-то, что еще не случилось.

Вейр перевел взгляд на Эвелин. Та ответила едва уловимым кивком, в котором профессор прочел одобрение и обещание поддержки. Он сделал шаг вперед и проговорил с легким волнением:

— Мы пришли не по дороге. Мы пришли — из времени. Из одного из его будущих берегов.

Хозяин беседки плавным движением руки указал на противоположную скамью в беседке — этот жест, исполненный ровно той степени непринужденности и утонченности, что отличала просвещенных мужей эпохи Тан. Его пальцы сложились в изящный илань — жест, которым конфуцианские ученые приглашали к дискуссии:

— Прошу разделить со мной скромный покой этого павильона, — произнес он, и в этих словах звучала вся ритуальная формульность, смягченная легкостью даосского отшельника.

Гости опустились на широкую скамью для гостей, сделанную из хуанхуали — драгоценного красного сандала, чьи плавно изогнутые подлокотники напоминали очертания далеких горных хребтов. Перед ними, на низком столике из черного цзытаня (палисандра), стоял керамический чайник, покрытый изумрудно-зеленой глазурью. Из его изящного носика еще поднимался легкий пар, а петлеобразная ручка сохраняла тепло недавнего кипятка. Рядом, в почтительном полукруге, располагались пустые чаши — нефритового оттенка фарфоровые чавани, ожидающие своей очереди.

Теплый весенний воздух, напоенный ароматом цветения слив, обволакивал беседку. Смолистый запах сосен смешивался с запахом сливового цветения и легкой сыростью от ближайшего ручья. Где-то вдали кричала цапля — ее голос, похожий на скрип бамбуковой флейты, растворялся в вечерней тишине. По небу, окрашенному в цвета циньских шелков — розовато-золотистые у горизонта, лиловые над головой — медленно плыли белоснежные облака.

Профессор Вейр слегка поклонился, сложив ладони у груди в традиционном танском жесте гуншоу:

— Простите, что не знаю вашего почтенного имени... Как мне следует к вам обращаться?

— Ши Лин, — ответил человек. — Когда-то я был хранителем одного из литературных павильонов, потом учителем. А теперь я просто сижу среди сосен. Я слушаю шепот ветра. Иногда — говорю с ним.

Взгляд у него был спокойный, но в этом спокойствии ощущалась пронизательность, как у человека, привыкшего видеть и понимать суть вещей. Его темно-синий халат (пао) был скроен просто: узкий перекрестный ворот с застежкой под правую руку стягивался под горлом, широкие рукава были собраны у запястья, а завязки на плече едва удерживали ткань, сотканную из простого, но добротного

шелка. Скромный покррой лишь подчеркивал изящество рук, привыкших держать свиток или кисть. Его волосы, собранные в небрежный узел, были перехвачены деревянной шпилькой, темная повязка на лбу защищала от солнца. За его спиной сквозь бамбуковую рощу проступал силуэт небольшого павильона.

— Ваш облик и речь выдают странников, верно? — повторил он, едва уловимой интонацией скорее утверждая, чем спрашивая. — Полагаю, вы не родом из этих мест.

Профессор Вейр слегка склонился в почтительном поклоне, сложив ладони у груди в традиционном танском жесте гуншоу.

— Вы правы, почтенный господин Ши. Мое имя Ай-Дэ, — произнес он, выбрав то имя, которое могло быть принято в этой земле. — Я родом из далекой западной страны, где хранятся книги, написанные на звездах. Я — человек, ищущий следы древнего знания.

Ши Лин кивнул, не отводя взгляда.

— Кто идет за знанием, не всегда доходит. Кто слушает — бывает найден¹. А ваша спутница?

Эвелин, стоявшая рядом, спокойно шагнула вперед. Ее речь — мягкая, с округлой интонацией столичного диалекта — вызвала на лице Ши Лина тень уважения и легкую улыбку.

— Достопочтенный господин Ши, меня зовут Юйлинь. Я занимаюсь стихами — не только как искусством, но и как дыханием того, что было сказано прежде. Я слушаю слова, которые люди давно перестали слышать.

— Тогда все ясно, — сказал Ши Лин. — Вы прибыли из далека. И принесли с собой не товар, не легенду — но вопрос. А значит, вам стоит задержаться.

¹ Парафраз в духе Лао-цзы.

Он налил чай в три чаши. Его аромат был легким, дымным, с оттенком хвои и цветущих трав.

— Что вас привело сюда из вашего времени?

Эвелин взглянула на Ши Лина.

— Мы ищем ответ, — просто сказала она. — Почему мир не становится счастливее, несмотря на все старания?

Ши Лин поставил чашу и поднял взгляд к вершинам сосен.

— Тогда расскажите мне о вашем мире. Каким он стал?

Эвелин начала первой:

— Мир стал сложным. Мы создали технологии, которые могут менять саму природу. Но не стали мудрее.

— А власть, — тихо сказал Вейр, — стала не ответственностью, а привилегией. Нам говорят о равенстве, о свободе, но все делается для усиления контроля.

— Мы стали чужими друг другу, — прошептала Эвелин. — И, кажется, даже себе... мы стали чужими...

Ши Лин посмотрел на них внимательно. Долго. И медленно произнес:

— Все, что вы сказали, — как отражение в треснувшем зеркале. Я вижу в нем наш мир — и ваш. Страдание, стремление к власти, страх — все это болезни духа. Но скажите мне... что в вашем веке осталось светлого?

Они не ответили. Молчание стало откровеннее любых слов.

— Тогда, — сказал он, — быть может, вы пришли не за ответами. А за напоминанием. О том, что их все еще можно искать. И найти.

Легкий порыв ветра прошел по сосновым ветвям, и несколько хвойных иголок упали между чашками. Ши Лин слегка опустил голову, будто принимая молчание собеседников как знак уважения.

— Довольно на сегодня, — мягко сказал он. — Вопросов было слишком много, и день подошел к концу. Вас,

должно быть, утомила дорога... или путь, гораздо длиннее, чем кажется.

Он встал и жестом пригласил их следовать за ним.

— Позвольте предложить вам теплый ужин и ночлег. Здесь, в павильоне, всегда найдется место для тех, кто приходит не с мечом, а с вопросом. А завтра... — он остановился у поворота галереи и обернулся к ним, — завтра начнется Праздник весны. Праздник мэйхуа. Все поэты и философы соберутся у пруда Нефритовой Луны. Вы должны быть там. Возможно, вы даже услышите голос самого императора.

Эвелин и Вейр с благодарностью кивнули. Они последовали за Ши Лином под сенью деревьев, где уже сгустились сумерки, и свет от бумажных фонарей начинал дрожать в дыхании ветра.

За ужином, когда в воздухе уже стоял мягкий аромат жасминового риса и тушеных грибов, Ши Лин, отпив немного вина, с интересом посмотрел на Эвелин, а затем на Вейра.

— Простите мою наблюдательность, — сказал он, чуть прищурившись. — Но, госпожа Юйлинь, в вашей речи ясно слышна чистота столичного произношения: легкий подъем в голосе, мягкое окончание, и даже та едва заметная пауза перед завершающим словом. Так говорят лишь те, кто с юности впитал звучание Чанъаня.

Он перевел взгляд на Вейра.

— А вот у вас, уважаемый брат Ай-Дэ, фонетика другая. Более открытая, с короткими гласными и округлым zh — вы говорите, если я не ошибаюсь... на лоянском диалекте?

Профессор улыбнулся.

— Острый слух. Да, вы правы, достойный брат Ши. В университетские годы я посещал лекции одного выдающегося специалиста по древнекитайской филологии — профессора Цзян Хуэна, родом из Лояна, из Хэнани. Он преподавал не только теорию, но и говорил исключительно

но на своем родном диалекте. Я не мог не впитать это звучание. Оно прочно въелось в мой слух.

Ши Лин с интересом кивнул.

— Тогда у нас сегодня за столом собралось все, что нужно для поэтического диспута: голос столицы, голос восточной земли и голос будущего. И пусть эти голоса говорят разными тонами — суть, как всегда, между строк.

Эвелин чуть улыбнулась, а Вейр, подняв чашу, добавил:

— Главное — чтобы в этом споре не исчезла тишина.

Ужин протекал в теплой, почти семейной атмосфере. На низком столике из черного цзытаня один за другим появлялись изысканные блюда: прозрачные, как крылья цикады, пельмени цзяоцзы с начинкой из речного окуня; хрустящие побеги бамбука, тушеные с кунжутным маслом; тонко нарезанная утиная грудка, завернутая в рисовые блинчики с соусом из гранатового меда. И главное украшение стола — золотистый пирог хуагао, чья слоеная текстура напоминала страницы древнего манускрипта.

Беседа лилась легко, как вино из нефритового кубка. Ши Лин, умелый рассказчик, оживлял истории о своих странствиях, а Эвелин удивляла хозяина точными цитатами из «Чжуан-цзы»¹. Даже профессор Вейр, поначалу скованный, расправил плечи, сравнив даосские парадоксы с квантовой физикой.

Когда последние лучи солнца окрасили беседку в цвет спелой хурмы, Ши Линь медленно поднялся со своего места, его шелковый халат мягко шуршал, словно шепчась с вечерним ветерком.

¹ «Чжуан-цзы» — даосская книга притч, написанная в конце периода Сражающихся царств, приблизительно в 300 г. до н. э., и названная по имени автора. Наряду с книгой Лао-цзы «Дао дэ цзин» она является основополагающим текстом даосизма.

– Небесные ступени уже усыпаны нефритовой пылью звезд. Позвольте проводить вас в комнату для гостей.

Он указал тростью на соседний павильон, где уже горели бумажные фонари:

– Комната для гостей готова. Вы найдете там свежие танпу (шелковые одеяния) и воду с лепестками хризантемы для омовения ног.

Сложив руки в гуншоу, он произнес прощальные слова, смешав учтивость с дружеской теплотой:

– Спокойной ночи, благородные друзья. Пусть сны принесут вам горы, покрытые цветущей сливой. До утра.

Его фигура растворилась в синеве сумерек, а гости, оставшись одни, еще долго слышали, как где-то в саду перекликаются ночные птицы.

ГЛАВА 3. ЧАЙНАЯ ТРОПА ШИ ЛИНА

Утро пришло неслышно — сквозь занавеси, на кончиках света, через дыхание садовой влаги.

Профессор Вейр и Эвелин проснулись почти одновременно. За тонкой шелковой перегородкой доносился хруст сухих веток и глухой стук — будто кто-то раскалывал дрова на плоском камне. Они вышли на террасу.

Там, под навесом, обращенным в цветущий сад, их уже ждал Ши Лин. Он сидел у невысокого очага, аккуратно выкладывая в огонь мелкие сосновые ветки, источающие легкий смоляной аромат. Рядом глиняный чайник, украшенный узором лотоса, стоял на нагретом камне. Рядом на низком столе, застланном рисовой салфеткой, были выложены рисовые лепешки, сушеные сливы, паровые булочки (мантоу), миски с теплым рисом, подслащенным медом, и чаши с солью и кунжутом.

Ши Лин, обернувшись к путешественникам, приветствовал их:

— Утро доброго ветра, госпожа Юйлинь, почтенный брат Ай-Дэ. Время встречаться с тишиной. Посмотрите, какое чудесное утро!..

Он подбросил в огонь еще несколько веток, и чайник издал тихий звук, будто в нем вздохнула вода.

— Завтрак скромнен, — добавил он, указывая на стол, — но приготовлен с сердцем. Я обычно встаю рано, поэтому свой утренний прием пищи уже окончил.

Путешественники поблагодарили Ши Лина и принялись за завтрак. Увидев, что они уже закончили завтракать, Ши Лин сказал:

— Перед тем как вы отправитесь на праздник, я бы хотел предложить вам короткую чайную церемонию. — Вы готовы к дороге? — продолжал он, не поднимая взгляда.

— Готовы, — тихо ответил Вейр. — Но, думаю, нам нужно еще немного времени, чтобы... настроиться.

— Именно для этого и существует чайная церемония, — сказал Ши Лин. — Чтобы вернуть время.

Он поставил чайник на стол, и от его горячего дна по поверхности стола разошлось мягкое тепло.

— Чайная церемония — это Путь¹, — начал Ши Лин, расставляя перед собой изящные фарфоровые чаши. — Не напиток, не вкус, не утоление жажды. Это движение души, которое течет медленно, как вода, и очищает тишиной.

Он достал чайные листья из шелкового мешочка. Они были тонкими и скрученными, как письма на древней бумаге.

— Эти листья собраны весной на склонах гор Уишань. Их сушили на солнце, и теперь в них живет утро — каждое, что было и будет.

Он положил несколько листочков в глиняный сосуд, не спеша, с вниманием. Затем залил воду, дав ей слегка остыть, и прикрыл крышку.

¹ Понятие Пути — или Дао (道) — является центральной категорией даосизма. Оно охватывает не только метафизику, но и образ жизни, мировоззрение, способ существования в согласии с природой и Вселенной. Следовать Пути — значит: жить в простоте, умеренности и созвучии с природой. Слушать мир, а не заставлять его подчиняться.

— Первый настой — для очищения. Второй — для вкуса. Третий — для духа. А четвертый — для прощания.

Пар поднялся над чашами, и его движение напоминало дым древнего благовония. Все в этом ритуале происходило без спешки, как будто даже само время должно было склониться в поклоне перед покоем.

— Удивительно, — прошептала Эвелин. — Я столько читала о чайной церемонии... но никогда не понимала, насколько тишина важна.

— Потому что чай пьется сердцем, — сказал Ши Лин. — Если ты торопишься, он станет горьким. Если тревожен — он станет мутным. Только спокойствие делает его прозрачным.

Они пили в молчании. Каждый глоток был мягок, как шелест листа.

— Почтенный брат Ай-Дэ, ты хотел спросить, — обратился Ши Лин к Вейру, — почему, зная, что жизнь скоротечна, мы занимаемся такими «пустяками», как завариваем чай?

— Да... — кивнул Вейр. — В нашем мире каждое утро — борьба. Мы измеряем эффективность в секундах. Нам некогда ждать, пока закипит вода на сосновых углях.

— Но ведь именно в этом и содержится вся мудрость, — сказал Ши Лин, — если ты не можешь позволить себе ждать, пока закипит вода... значит, ты уже потерял самое главное. Способность быть.

Вейр молча следил за его движениями, изредка переводя взгляд на Эвелин. Она сидела тихо, прислушиваясь к их беседе. Несколько сосновых иголок упали на раскрытую ладонь Ши Лина, словно подавая знак к началу разговора.

— Вам не кажется, — наконец сказал Вейр, — что сосны знают о времени больше, чем мы?

Ши Лин поднял голову, слегка улыбнувшись.

— Сосна не знает времени. Потому что она в нем не участвует. Она просто стоит. Люди же бегут по течению

времени, пытаюсь его победить, — но чем быстрее они бегут, тем меньше помнят, зачем начали Путь.

— И все же, — сказал Вейр, — разве не в природе человека — стремиться? Идти вперед?

— Стремиться, да, — ответил Ши Лин. — Но не торопиться. Есть разница. Даос¹ сказал: «Мудрый не стремится достигнуть. И потому достигает». Потому что то, что ты преследуешь — убегает. А то, что ты принимаешь — раскрывается.

Эвелин склонилась к чаше с чаем, в которой отражались белоснежные облака, плывущие по небу.

— Но если ничего не добиваться... как построить что-то? Как изменить мир?

Ши Лин кивнул, будто ждал этого вопроса.

— Позвольте рассказать вам притчу, — произнес он спокойно. — Один юноша пришел к мудрецу и сказал: «Я хочу изменить мир». Мудрец посмотрел на него и ответил: «Пока ты держишь меч, мир перед тобой превращается в врага. Пока ты держишь книгу — мир перед тобой превращается в текст. Пока ты держишь зеркало — он становится отражением. Что ты хочешь увидеть?»

— И что выбрал юноша? — спросил Вейр.

— Он... начал слушать дождь. И тогда мир стал другим. Профессор на мгновение задумался.

— Значит, смысл — в отказе от формы?

— Нет, — возразил Ши Лин. — Смысл — в том, чтобы не путать форму с сутью. Смысл не в чаше, а в чае. Не в словах, а в тишине между ними.

Он провел кистью по свитку. Там возник один единственный иероглиф — «風» — ветер².

¹ Даос — адепт, посвятивший себя даосизму, это может быть отшельник, учитель, настоятель храма, даосский монах (в монастырских школах), член семьи даосов.

— Все, что может сделать ветер, — это пройти сквозь кроны деревьев, — тихо произнес Ши Лин, глядя на дрожащие в свете листья. — Он не ломает ветви, он просто проникает сквозь листья, как мысль проникает сквозь слова. Ветер не обрушивает гору. Он не спорит с ней, не стремится победить. Но он касается ее снова и снова — легким движением, почти незаметным. И через тысячу лет гора уже не та.

Ши Лин сделал паузу, как будто пытаюсь услышать шепот ветра.

— Так действует не только ветер. Так действует и мысль. Она не доказывает. Не ломает. Она меняет. Постепенно. Через касание.

Он поднял чашу чая и провел пальцем по ее краю.

— Поэты прошлого называли ветер ритмом великого Пути. Он несет в себе стиль эпохи, течение времени, дух, который нельзя удержать, но можно узнать. Тот, кто открыт ему, не сопротивляется. Он становится частью его звучания.

Эвелин, смотревшая на резной свод беседки, тихо сказала:

— В нашем мире почти все измеряется. Каждый шаг, каждый звук, каждый вздох. Мы живем в цифрах.

— И в страхе, — добавил Вейр. — Потому что если ты не можешь посчитать — ты теряешь контроль.

— Контроль — это иллюзия человека, который боится плыть. Ты не управляешь ветром, но можешь поставить парус. Знание — не в контроле, а в согласии. Человек будущего ищет безопасность. Но смысл — не в безопасности. А в подлинности.

² Иероглиф, обозначающий ветер, — это 風 (fēng) — в традиционной форме — ветер; поток воздуха. Также может означать: стиль, манера (в литературе: «поэтический стиль» — 詩風), направление, в переносном смысле — влияние, течение, дух времени.

Ши Лин поднял чайник и медленно разлил последнюю порцию в их чаши.

— Это чай прощания, — сказал он спокойно. — В нем нет грусти, но есть глубина. Потому что прощание — не конец, а лишь тихий поворот на новый круг пути.

Ши Лин собрал чаши, обернул их в ткань.

— Идите. Путь открыт, — вдруг произнес он. — У пруда Нефритовой Луны вы услышите голос, который поет не в стихах, а в тишине между ними. Вы встретите Ли Тайбо. Он пьет с луной и своей тенью, потому что не нашел собеседника среди людей. Но сегодня он будет говорить. С вами. Потому что вы пришли из другого берега. И, возможно, он услышит в вас отголоски будущего, которое он предчувствовал, но не мог назвать.

— Достопочтенный господин Ши, а вы придете на праздник? — спросила Эвелин.

— Мудрец не приходит туда, где будет пир. Но его тень — может пройти мимо. Посмотрите на нее — может быть, она заговорит.

Затем добавил:

— Конечно, я приду, но немного попозже. Когда начнут читать стихи и слушать музыку у пруда Нефритовой Луны. А сейчас я укажу вам дорогу к павильону Орхидей.

Они последовали за ним по тенистой тропе, пролежавшей вдоль ручья, по обе стороны которого, склонившись своими ветвями к воде, росли ивы. Ши Лин вдруг замедлил шаг. Он обернулся, жестом предложив остановиться. Перед ними раскрывался вид на долину, утопающую в легкой дымке: вдали виднелась изогнутая крыша павильона, скрытая в орхидейной роще.

— Вон там, — негромко произнес он, указывая в сторону холма, — за излучиной ручья и тенью каменной арки находится павильон Орхидей. А за павильоном Орхидей находится пруд Нефритовой Луны, музыканты и поэты собираются там после официальных речей

и празднеств. Когда речи смолкнут и гости разойдутся, приходите к пруду Нефритовой Луны — там, в тени орхидейных куш, я буду ждать вас с чашей вина и новыми строфами.

— Музыканты уже готовят струны цини¹, — тихо добавил Ши Лин, словно напев. — А мы... мы будем любоваться отражением луны в воде и слушать, как шепчутся между собой тени деревьев на поверхности пруда.

— И как мы узнаем, что пришли к пруду вовремя? — спросила Эвелин.

Ши Лин улыбнулся едва заметно.

— Даже если вы пришли вовремя — вы не увидите этого по часам. Вы почувствуете: тишина в этом месте станет живой. Лист шевельнется не от ветра, а от мысли. Кто-то заговорит — и вы поймете, что слушали его всю жизнь.

— Значит, мы будем слушать и тени? — удивленно спросил Вейр.

— Тень — это то, что остается от света, если ты не за-слоняешь его собой, — сказал Ши Лин. Он вновь поднял взгляд на небо. Лучи солнца прорывались сквозь ветви сосен, оставляя тонкие полосы света на земле.

— Мир — не вопрос. Он — ответ. Только не тот, которого ты ждал.

Он взглянул на Вейра и продолжил:

— Вы услышите стихи, музыку, беседы, звуки флейт и шелест рукавов. Но все это — только форма. Суть же — между строк. Слушайте не ушами, а сердцем. И, быть может, тогда вы поймете, зачем вы здесь. Я буду ждать вас у себя дома после окончания праздника. Разговор наш еще не окончен — пусть следующая встреча станет его продолжением.

¹ Цитра цинь — общее название ряда струнных щипковых музыкальных инструментов, распространенных в Китае.

ГЛАВА 4. СРЕДИ ЦВЕТУЩИХ СЛИВ

Чайная церемония осталась позади, как утренний сон. Вейр и Эвелин шли вдоль ручья по тропе, которую указал им Ли Шин. Над головами звенели цикады, в траве блестели капли росы, а между стволов сосен мелькали первые отблески города.

— Мы идем туда, где царствует искусство, — тихо сказал Вейр, придерживая полы своего халата. — Но я чувствую, будто вступаю в храм.

— Возможно, это и есть храм, — отозвалась Эвелин. — Храм, где слово — священнодействие.

Тропа вывела их к узкой дороге, по обеим сторонам которой расстились поля с молодыми чайными кустами и цветущими сливами. Их лепестки — белоснежные, розоватые, почти прозрачные — сыпались с деревьев, ложась на землю, как благословение. Порой, когда налетал порыв ветра, лепестки поднимались вихрем и кружились в воздухе, словно воспоминания о тех, кто когда-то здесь проходил.

— Удивительно... — прошептала Эвелин. — Они цветут не по времени.

— Время здесь течет иначе, — ответил Вейр. — Или, может быть, именно здесь — оно и есть настоящее.

По мере того как они приближались к городу, дорога становилась шире. На ней появились повозки, странствующие монахи с четками, дети в цветных жилетах, торговцы с коромыслами. Один седой старик с лицом, как древний свиток, остановился и взглянул на Вейра.

— Ты не из наших мест, да? — спросил он, поклонившись. — Но в глазах твоих — знание гор.

— Я издалека, — кивнул Вейр. — Очень издалека.

Старик улыбнулся:

— Тогда Чанъань примет тебя, как ветер принимает птицу.

Он пошел дальше, не обернувшись, оставив после себя запах сушеных трав.

Впереди, в легкой дымке, среди волн цветущих деревьев, уже угадывался силуэт павильона Орхидей — изящного строения с резной кровлей, притаившегося на окраине большого императорского сада. Но, прежде чем свернуть к нему, Вейр остановился.

— Мы могли бы обойти город, — сказал он, всматриваясь вдаль, — но, быть может, стоит хотя бы на мгновение пройти сквозь него. Увидеть, как он живет. Почувствовать его пульс.

Эвелин кивнула. В ее взгляде не было спешки.

— Я хочу услышать, как звучит речь на улицах, — тихо произнесла она. — И увидеть, как текут обычные дни в сердце Тан.

Они свернули на восточную тропу, спускающуюся к торговым кварталам. Город раскрылся постепенно — сначала колокольным звоном в храме, потом запахами с базарных улиц и наконец многоголосьем людей, у которых каждый жест казался выверенным, как строка в каллиграфии.

Чанъань раскинулся как огромный живой свиток, расписанный по канонам Дао¹. Улицы — прямые и величавые, дома — резные, белокаменные, крыши — словно

волны под лунным светом. Над крышами поднимались пагоды, а между кварталами струились каналы, по которым скользили узкие лодки. Сверху доносились удары гонга и звон колокольчиков.

— Это похоже на сон, — сказала Эвелин, замирая. — Я читала, как выглядела столица Тан... но видеть ее — совсем другое.

— Здесь, — отозвался Вейр, — все еще верят, что порядок мира начинается с красоты.

Они вошли в город через западные ворота. Город жил в преддверии праздника. По обеим сторонам улицы висели бумажные фонари: с изображениями журавлей, черепашек, цветов лотоса, морских волн. Люди спешили, но без суеты — будто время здесь знало меру каждому шагу. Молодые ученики каллиграфов несли свитки, на которых были начертаны стихи. Музыканты прямо на улице настраивали гучжэны². Женщины в пестрых платьях держали в руках корзины с фруктами — в том числе круглые, как луна, персики и айву.

На перекрестке у колодца стоял высокий мужчина в одежде, окрашенной в красную охру, с длинным бамбуковым шестом. Он обратил на путников внимательный взгляд.

— Вы идете в сад? — спросил он.

— Да. На праздник у павильона Орхидей.

¹ Слово «дао» в переводе с китайского означает «путь» или «дорога». Однако в контексте философии оно имеет гораздо более глубокий и абстрактный смысл. В даосизме, основанном на учениях Лао-цзы и других мудрецов, Дао считается первоисточником и основой всего существующего. Оно представляет собой универсальный принцип, который лежит в основе всего мироздания, но при этом остается неопределимым и неосязаемым.

² Гучжэн — традиционный китайский инструмент. Принадлежит к семейству цитры.

— Тогда держитесь к юго-востоку. Сегодня весь город — как музыкальный инструмент. Те, кто умеет слушать, найдут нужную мелодию.

Он кивнул и исчез в переулке.

Вейр остановился у старого книжного лотка, где на деревянных дощечках были выставлены свитки с поэзией. Один из них он медленно развернул: строки Ли Бо, написанные красноватой тушью, будто свежим дыханием.

Эвелин ловила на слух интонации: за прилавками, в чайных лавках, у городских стен. Улыбки, жесты, фразы — все это казалось ей не просто речью, а живым языком времени, который не угас, а дышал в каждом движении.

На одном из перекрестков сидел мальчик на плоском камне и играл на флейте. Мелодия была проста — несколько повторяющихся нот, без украшений, без усилия. Но в ее чистоте звучало что-то, что отзывалось в самом сердце.

Каждый прохожий, услышав эти звуки, будто невольно замедлял шаг. Кто-то оборачивался, кто-то улыбался в сторону музыки — а кто-то просто шел дальше, не меняя выражения лица. Казалось, сама улица на миг становилась тише, пропуская эту мелодию сквозь себя, как ручей — свет луны.

Чуть дальше мужчина в остроконечной шляпе рисовал тушью на ткани, рисовал без карандаша — сразу кистью, четко, без колебаний. Он не поднимал взгляда на прохожих, лишь продолжал рисовать, словно кисть сама знала, куда вести. А потом вдруг произнес:

— Мы не создаем красоту. Мы лишь даем ей место проявиться. Как лотос поднимается из ила. Как Путь проступает из забвения.

Сад императорского дворца начал проступать сквозь городской шум, как образ сквозь утренний туман. Вокруг были установлены шелковые ширмы с изображениями

гор, волн и сосен. Стража в зеленых мантиях, украшенных золотом, безмолвно наблюдала за входящими. За ними начинался иной мир — мир, где время сгущалось в мгновение, где красота была законом, а слово — действием.

Эвелин прижала ладони к груди. Ее дыхание стало тише, почти прозрачным, как будто и оно подчинялось ритму окружающего мира.

— Я чувствую... — прошептала она, не отрывая взгляда от плывущих в пруду лепестков, — как будто сама становлюсь частью этого мира. Все во мне замирает... но не угасает. Напротив — как будто просыпается что-то, что всегда было.

Вейр остановился рядом. Он посмотрел на нее — и в ее лице, озаренном мягким светом, вдруг увидел ту самую гармонию, о которой писал Ван Вэй: тишину, в которой рождается река.

— Вы слышите дыхание эпохи, — произнес он тихо. — Мы в самом ее центре. Здесь не нужно доказывать свое присутствие. Достаточно — быть.

Они стояли на границе сада, где шум улиц уже растворялся в шелесте ветвей и журчании воды. Ветер донес запах весны и еле уловимый перезвон колокольчиков в глубине павильона. В этот момент время действительно казалось неподвижным — не потому, что остановилось, а потому что приняло их в свое течение, не требуя ни шагов, ни слов.

Они подошли к широким воротам, за которыми раскинулся Императорский сад. В это время года он был сплошным цветением. Деревья стояли в легкой тени облаков, дорожки были посыпаны лепестками, а воздух звучал как музыка без нот.

В глубине сада, у излучины пруда, стоял павильон Орхидей — изящный, словно построенный из дыхания и дерева. Его стены отражались в воде, где уже дрожало серебро будущей луны.

— Нам будет о чем продолжить нашу беседу, — тихо сказал Вейр, глядя на террасу павильона.

— И будет кому ее услышать, — ответила Эвелин.

Они пересекли сад, не торопясь, словно боясь потревожить невидимую симфонию, что звучала между лепестками, тенями и ожиданием. Позади оставались улицы, смех, разговоры, цветы. Впереди — павильон Орхидей, окруженный прудами и деревьями, чья тень хранила ожидание будущих встреч и голос того, кто умеет говорить с луной.

ГЛАВА 5. СЛОВО, ПЛЫВУЩЕЕ К ЛУНЕ

Сад открылся перед ними, как медленно раскрывающийся свиток. Каждый шаг вглубь был шагом в другой ритм – мягкий, уравновешенный, отрешенный от суеты. Здесь царило дыхание искусства: оно было в каждом изгибе дорожки, в изгороди из бамбука, в аромате чайных цветов, в тихом звоне струн, долетающем издалека.

Павильон Орхидей возвышался над водной гладью, словно корабль, привязанный канатами к пристани времени. Его деревянные стены украшали резные панели с изображениями журавлей и сосен, а крыша изгибалась, будто в танце. На фоне заходящего солнца он казался живым существом, застенчивым и гордым одновременно.

Вейр и Эвелин остановились у края моста, ведущего к большой каменной террасе. На поверхности воды дрожали отражения фонарей, подвешенных к роговым балкам – красных, оранжевых, лазурных, как лепестки странных цветов.

– Это не просто место, – прошептала Эвелин. – Это... дыхание эпохи. Я чувствую его всей своей душой. Оно проходит сквозь меня, как ветер сквозь листву.

– И мы внутри него, – тихо сказал Вейр. – Будто почувствовали суть стиха... еще до того, как он был произнесен.

По обе стороны моста стояли поэты. Кто-то читал строки под нос, кто-то вел неспешные разговоры, держа чашу с вином, кто-то рисовал тушью иероглифы прямо на воде — они растекались, исчезали, но оставляли за собой всплеск света.

Музыкант в одежде из тончайшего шелка перебирал струны гучжэна. Его руки скользили по ним, как ветер по траве. Звук был почти невесомым, но обволакивал все пространство. В глубине павильона группа девушек исполняла танец — их движения напоминали движение воды в сосуде: круговые, мягкие, без начала и конца.

Один седобородый каллиграф читал строки вслух, выводя их прямо на длинном свитке:

*Луна плывет над водой —
не зная, что отражена.
А человек, смотрящий на нее,
думает: это он — в ней.*

Толпа начала перешептываться. Чьи-то лица озарились ожиданием, кто-то встал, кто-то прижал к груди свиток. С той стороны павильона, где тропинка вела от водоема, появился мужчина средних лет, высокий и легкий, как облако. На нем был длинный халат (рао) из тонкого светло-голубого шелка, с широкими свободными рукавами. Ткань лежала легко, не стесняла движений. Пояс был широкий, с простой пряжкой. На голове — черная шелковая шапочка, слегка сдвинутая набок. На ногах — легкие кожаные туфли с загнутыми вверх носками, удобные для ходьбы и длительных прогулок. Он шел спокойно, с ровной осанкой. Волосы небрежно собраны, а за поясом — кувшин с вином, свисающий на ремешке. В его походке не было ни тени заботы, но была уверенность, не требующая подтверждений.

— Это он, — прошептала Эвелин. — Ли Тай-бо¹.

Вейр молча кивнул. Он сразу узнал его широкий халат из светлого шелка, свободный пояс, к которому был прицеплен небольшой кувшин — все это Вейр однажды видел на старинном свитке, хранившемся в Музее восточных культур в Лейдене. Там, в зале Танской живописи под стеклом висело изображение поэта в тот же момент — в движении, на границе между тенью и светом, с кувшином вина у пояса и легкой небрежностью в осанке.

Ли Бо поднялся на помост и оглядел собравшихся. Его губы тронула легкая усмешка — почти детская.

— Я пришел, потому что луна велела. Она сказала: «Ветер принесет тех, кто меня еще не слышал».

Он замолчал, собираясь с мыслями. Затем медленно вынул свиток из-за пояса, развернул и, не глядя, начал читать:

*Тысячи чаш — и ни одного спутника.
Лишь луна и тень — мои гости.
Я пою — и луна дрожит.
Я танцую — и тень повторяет.
Мы трое — на время друзья,
до тех пор, пока не прольется
свет на Реку Вечности².*

Он опустил свиток, и наступила тишина.

— А теперь, — сказал он, — я хотел бы поговорить...
С теми, кто пришел оттуда, где меня еще нет.

¹ Ли Бо (李白), также встречается написание Ли Бай — один из величайших поэтов Китая, представитель золотого века танской поэзии. Он известен под псевдонимом (号, hào) Цинлянь цзюйши (青莲居士, «Отшельник Зеленого Лотоса»). Иногда его называют Ли Тай-бо (李太白), так как Тайбо — это его цзы (字, взрослое имя).

² В литературном и философском смысле: Река Вечности — это образ потока времени, не знающего начала и конца. Она символизирует непрерывное течение бытия, в котором исчезают и рождаются судьбы, растворяются имена и возвращаются смыслы.

Он смотрел прямо на Вейра и Эвелин.

— Да, с вами, благородные странники. Мой давнишний друг Ши Лин рассказал о вас. Вы пришли не за вином и не за рифмой. Вы пришли за ответом, который не может быть сказан.

Толпа расступилась, и их двоих будто вынесло вперед, к краю помоста. Вейр чувствовал, как сердце бьется в ритме, которого не существует в его веке. Эвелин молчала, но в ее глазах было сияние лунного света.

Ли Бо устроился за столом у самой кромки террасы и мягким жестом пригласил их сесть рядом.

— Господин Ай-Дэ, муж великих знаний, госпожа Юй-линь, чей дух ясен, как осенняя луна! Что за ветер принес вас в мои скитания?

Он налил вино в чаши Вейру, своей тени и себе. Затем молча поставил кувшин с вином перед профессором, давая понять, что тот должен налить вино в чашу Эвелин. Эвелин кивнула Вейру в знак согласия, понимая, что так соблюдаются приличия и дух веселья не теряется.

— Ай-Дэ цзюнь! Ты — мудрость без тени опьянения, а я — поэт, пьянеющий от одной капли лунного света. Неужели откажешься разделить со мной этот кубок? Или в твоих жилах течет не вино, а звездный свет?

— О, Цинлянь цзюйши¹! — произнес Вейр, почтительно склонив голову. — Я пил вино из плодов, что еще не родились, и видел луны, которые не взойдут многие сотни лет. Но ничто не сравнится с этим кубком, ведь в нем — вечность, которую ты наполнил своими великими стихами! И я сделаю глоток этого вина во славу твоих бессмертных творений!

¹ Цинлянь цзюйши — это литературный псевдоним Ли Бо, означающий «Отшельник Зеленого Лотоса».

Ли Бо замер на мгновение, его брови взлетели вверх, а глаза расширились — будто перед ним явился не человек, а дух из древних даосских преданий. Затем его лицо озарилось восторженной ухмылкой, и он громко расхохотался, хлопнув себя по колену:

— Ха-ха-ха! Так ты, выходит, не просто ученый муж, а странник из времен, где реки текут вспять? Ну что ж, тогда этот кубок — наш мост между эпохами!

Он театрально поднял свою чашу и продолжил, уже с притворной серьезностью, подмигивая:

— Ты говоришь, будто видел луны грядущего... Но скажи-ка, в том далеком времени хотя бы вино осталось настоящим? Или его тоже делают из чисел и звездного света?

Тут он резко наклонился вперед, сверкнув глазами, и прошептал с интригующим любопытством:

— А стихи мои там еще читают? Или механические птицы распевают их на крышах хрустальных пагод?

Не дожидаясь ответа, Ли Бо откинулся назад, махнул рукой и провозгласил:

— Ах, неважно! Если в будущем нет места пьяным безумствам под луной — то я рад, что живу здесь и сейчас!

И с этими словами он опрокинул кубок одним глотком, а затем снова налил в него вино из кувшина и обратился к Вейру:

— Ну что, путник из грядущего, осмелишься выпить с безумным поэтом? Или твои «реки, что еще не родились» учат лишь трезвости? Пей. И скажи — из какого мира ты пришел.

Вейр еще раз почтительно поклонился поэту и осушил свою чашу до дна.

— Из того, — произнес Вейр, — где о тебе, почтенный Тайбо, пишут книги и называют бессмертным гением поэзии. Где поэты учатся у Цинлянь цзюйши говорить с луной.

Ли Бо удивленно взглянул на Вейра. Потом рассмеялся — звонко, свободно, как ручей в горах.

— Значит, я прожил свою жизнь не напрасно?

— Нет, не напрасно, — вступила в беседу Эвелин. — Ваши творения — как свет. Его трудно удержать, но он меняет все, чего касается. Мы знаем вас. В нашем времени вы — один из величайших поэтов. Вас считают бессмертным. Ваши слова переведены на сотни языков. Ваши строки — в музеях, в книгах, в сердцах.

Поэт молчал. Луна отражалась в чаше с вином. Он поднял взгляд на нее, и в его глазах промелькнуло что-то очень тихое, почти детское.

— Я... бессмертный? — медленно произнес он. — В будущем?

— Да, — ответил Вейр. — Вас читают студенты, ученые, влюбленные. Ваши стихи — мост между временами.

— Но если я бессмертен, — сказал он задумчиво, — почему мне все еще бывает так одиноко?

Он взглянул на Эвелин:

— Скажи, почтенная госпожа Юйлинь, в вашем времени... есть ли место таким, как я?

— Есть, — сказала она. — Но век наш — век скоростей, шума, точных расчетов. Люди забыли, как смотреть на луну. Или не успевают. Но именно поэтому, когда кто-то читает ваши строки, это как глоток чистого воздуха. Люди ищут в поэзии то, чего недостает вокруг — тишины, глубины, правды.

— Значит, вы пришли из мира, где все быстрее, но душа все еще помнит о слове? — тихо сказал он. — Тогда может быть, вы — доказательство, что поэзия сильнее времени.

Он посмотрел на Вейра:

— Скажи, философ, есть ли разница между нашими эпохами, если люди везде ищут смысл?

— Разница в том, как ищут, — ответил Вейр. — В вашем веке истина — как отражение в воде: ее видят и боятся коснуться, чтобы не расплескать. В нашем веке истину

ищут с приборами, измерениями, обозначают формулами. Но чем дальше идут, тем чаще обнаруживают, что истина — все то же отражение.

— Значит, мы оба живем в мирах, где мудрость — это искусство сохранять ясность взгляда, даже когда все вокруг становится туманом, — произнес Ли Бо.

Он снова поднял чашу:

— Я не знаю, почему мне выпала честь быть услышанным через века. Я не знаю, кто послал вас сюда. Но если мои слова живут, значит, что-то во мне оказалось сильнее времени...

Сумерки окончательно уступили место ночи. Музыка вновь зазвучала. На террасу вышли танцовщицы, одетые в одежды цвета лунного света. Они кружились, медленно и величаво, как облака. Сверху капала роса, будто сама луна плакала от красоты момента.

Ли Бо наклонился вперед и сказал:

— Когда вы вернетесь, скажите им: поэт жил. Он пил с луной и танцевал с тенью. Он не знал ответов, но задавал вопросы. А иногда — просто смотрел на небо. Этого достаточно?

— Больше чем достаточно, — ответил Вейр.

— Тогда пусть мы встретимся снова, — тихо сказал Ли Бо, — там, где сходятся все реки времени — на берегу Небесной Реки¹.

И в тот миг показалось, что и сам он был уже тенью, растворяющейся в сиянии фонарей, в аромате цветов, в музыке флейты, в вечной чаше под луной.

¹ Поэтическое обозначение Млечного Пути. Небесная река считалась божественной границей, разделяющей миры или судьбы. Часто упоминается в поэзии, мифах и философских трактатах как символ вечности, расстояния, разлуки и стремления.

ГЛАВА 6. В ПАВИЛЬОНЕ ОРХИДЕЙ

Когда над садом опустилась вечерняя синева, а отражения цветов начали дрожать в прудах, Ли Бо медленно поднялся с деревянной скамьи и, оглянувшись на Вейра и Эвелин, с доброй улыбкой жестом пригласил их внутрь павильона:

– Наступила ночь. Это час, когда образы становятся точнее, чем слова. Пойдемте – покажу вам, как рисуют тишину.

Они уже собирались войти, когда с дальнего поворота сада появился знакомый силуэт – легкая походка, складки одежды, тонкая шелковая повязка на голове. Это был Ши Лин.

– А вот и Ши-гун, – сказал Ли Бо, с улыбкой раскрыв объятия. – Ты приходишь, когда сад уже поет стихами. И, как всегда, вовремя. Рад встрече под этими ветвями.

– Наконец я нашел вас, – сказал Ши Лин с улыбкой. – Сад так велик, а ночь так быстро сгущается... Я не хотел пропустить эту встречу.

– Ты пришел вовремя, – ответил Ли Бо. – Сейчас – тот час, когда краски и смыслы сходятся в одно.

Они вошли в павильон вместе. Внутри было прохладно и спокойно. В мягком свете масляных ламп, отбрасываю-

щих золотистые отблески на стены, на шелковых свитках оживали пейзажи: туманные горы, написанные Ван Вэем, в которых растворялись очертания троп и деревьев; свитки с фигурами буддийских святых, вышедшие из-под кисти У Даоцзы; и кони Хань Ганя – стремительные, полные движения, будто они вырвались из границ изображения и неслись навстречу ветру.¹

Они остановились у одной из работ Ван Вэя – туман над горным перевалом, где еле угадывались контуры путника с посохом.

– Это не просто пейзаж, – сказал Ли Бо. – Это стих, написанный кистью. В поэзии ты ждешь строку, в живописи – пространство между мазками. А в музыке... ты ждешь тишину, в которую входит звук.

Эвелин, рассматривая один из свитков, воскликнула:

– Удивительно... Ваши художники пишут не красками, а дыханием мира. Видите, как мазки туши у Ван Вэя словно тают? Это же почти музыка!

Ли Бо рассмеялся, поправляя широкий рукав своего халата:

– А разве поэзия, живопись и музыка – не одно целое? Ветер в соснах – это мелодия, горный поток – ритм, а лунный свет... о, лунный свет – это тишина между нотами.

¹ Ван Вэй (699– 759) – китайский поэт, живописец, каллиграф, музыкант. Наряду с Ли Бо и Ду Фу является представителем китайской поэзии эпохи Тан.

У Даоцзы (ок. 680 – после 758 г.) – считается одним из величайших художников эпохи Тан. Использовал черную тушь без цвета, но линии были настолько выразительными, что цвет казался лишним.

Хань Гань – выдающийся китайский художник эпохи Тан, прославившийся своими изображениями лошадей. Он считается одним из основоположников анималистического жанра в китайской живописи.

Эвелин чуть улыбнулась. Она расстегнула поясную сумку и, нащупав что-то внутри, вдруг замерла.

— Вот это — настоящее чудо, — сказала она, вытаскивая небольшой аудиоплеер со встроенными динамиками. — Я совершенно забыла, что положила его туда перед отъездом.

— Это инструмент? — удивленно спросил Ли Бо, глядя на гладкий прямоугольник в ее руке.

— Это... способ сохранить музыку, — ответила Эвелин. — Почтенный Тайбо, хотите услышать, как звучит народная музыка моего времени?

Она включила запись. Первой прозвучала современная китайская народная песня — голоса, похожие на ветер в тростнике, и отдаленные звуки струнного инструмента, похожего на гуцинь.

*На бегущем коне по склону горы
Плывет облако,
Луна освещает город Кандин,
Любовь расцветает под ее светом...*

Ли Бо слушал, не мигая.

— Это странно и знакомо, — произнес он. — Как будто дух гор все еще жив, но говорит другим языком.

Затем Эвелин прокрутила список — и включила «Лунный свет» Клода Дебюсси.

Когда первые аккорды коснулись тишины павильона, Ли Бо не сразу понял, что это — музыка. Он замер, прислушиваясь к тому, что исходило из этого странного для него предмета. Потом его глаза расширились. Он выпрямился, медленно встал и сделал несколько шагов по залу, будто ощупывая невидимую структуру звучащей мелодии.

Когда мелодия достигла середины, он закрыл глаза. Его губы шевелились — то ли в молитве, то ли в безмолвном стихе. Наконец наступила тишина. Он еще долго молчал,

словно дослушивал что-то внутри себя. Затем заговорил задумчивым голосом:

— Это... это не просто музыка. Это — внутренний свет воды. Так звучала бы луна, если бы умела говорить. Каждая нота — как отражение, не касающееся поверхности. Это не песня и не танец. Это — воспоминание о чем-то, что еще не случилось.

Он поднял взгляд на Вейра и Эвелин:

— Я думал, что слышал все, что можно услышать. Но эта мелодия — не из мира звуков. Она из мира божественного проявления. Она замирает в ожидании, как поэт притихает, прежде чем произнести свое последнее слово.

Эвелин молча протянула ему плеер. Он взял его обеими руками, как чашу с вином. Пальцы его слегка дрогнули, коснувшись гладкого металла.

— Если бы эти звуки настигли меня в одиночестве... на горной тропе... — голос его стал тише, будто прислушивался к эху внутри себя. — Я решил бы, что это голос самого Дао. Или... голос женщины, которая ушла и не вернулась, но осталась в отражении воды.

Порыв ветра из окна шевельнул занавеси, залитые лунным светом, и их тени скользнули по полу павильона.

Резким движением, будто опасаясь, что вдохновение ускользнет, Ли Бо схватил кисть. Чернила брызнули на шелк, иероглифы ложились стремительно, как капли дождя:

*Серебряные капли падают в бездну,
Лунный свет — не свет, а сон.
Кто этот демон, что связал
Звуки с вечностью?*

Последнюю черту он вывел с таким нажимом, что бумага едва не порвалась.

Эвелин улыбнулась:

— В следующий раз будет звучать музыка Рахманинова. Уверена, она напомнит бурю в горах Хуаншань.

Ли Бо откинулся назад, заливаясь смехом:

— Если в династии Тан будут рождаться такие же безумцы, то ей суждено продлиться еще тысячу лет!

Павильон наполнился шумом обсуждений, а за окном луна, будто подхватив настроение Дебюсси, заиграла бликами на поверхности пруда. Когда последние слова стихли, Ли Бо направился к выходу. Ветер чуть приподнял край его халата.

— Пойдемте, — сказал он, — ночь не заканчивается в стенах. Есть еще воздух, звезды и время для беседы...

Ли Бо и Ши Лин вместе с гостями вышли на террасу. Снаружи было прохладнее. Луна поднялась выше, отражаясь в гладкой поверхности пруда. Ветви деревьев отбрасывали сложные переплетающиеся тени на бамбуковый настил. Все вокруг казалось одновременно безмолвным и внимательным.

Они расположились вокруг низкого стола на террасе, продолжая беседу. Стол был щедро заставлен угощениями и напитками. Все — в духе праздника цветения слив, где вкус, аромат и красота были неотделимы.

Ли Бо говорил о тишине, как о четвертом искусстве, рядом с поэзией, живописью и музыкой. Ши Лин делился историями из трактатов, где тень дерева в разное время дня трактовалась как мерило присутствия духа.

— Слова приходят не к тем, кто их ищет, — проговорил Ли Бо, — а к тем, кто умеет вовремя замолчать. Поэт — это тот, кто знает, что тишина и есть начало песни.

— Тогда, — произнес Вейр, — может ли быть поэтом историк?

— Только если он не требует, чтобы история была правдой. Потому что правда — это вода. Каждый смотрит в нее и видит себя.

— Но ведь история — не зеркало, — возразила Эвелин. — Она — дорога.

— А дорога отражается в лужах, — с улыбкой ответил Ли Бо.

Они засмеялись — тихо, искренне, как смеются те, кто на миг оказались по одну сторону времени.

К ним подошел один человек. Он появился почти незаметно, словно вышел из самой ночи. На нем была черная мантия, расшитая тонкими лоскутами ткани чернильного оттенка. При каждом движении они переливались — то в синеву, то в темно-серый. Его глаза были узкими и внимательными, с тем выражением, которое бывает у человека, привыкшего наблюдать молча и сосредоточенно.

Возраст его определить было трудно. Он был явно в годах, но держался прямо и уверенно. Его голос звучал спокойно, с гибкостью и внутренней силой, как у человека, чьи мысли давно обрели ясность.

Он слегка склонился вперед, не выказывая ни робости, ни высокомерия.

— Простите, что вмешиваюсь, — сказал он, — меня зовут Ду Цзун. Я пишу трактаты. В основном о времени... и о тени власти, которая, как вы знаете, всегда больше, чем кажется.

Он перевел взгляд с одного на другого, задержавшись на Эвелин.

— А вы, путники, говорили о зеркалах. Позвольте задать вопрос?

Ли Бо чуть улыбнулся, кивнув:

— Вопрос — это уже начало зеркала. Присаживайтесь с нами, почтенный господин Ду, — сказал Ли Бо, сделав жест к свободному месту у стола. — Беседа только начинается, а ночь щедра на мысли.

Вейр повернулся к Ду Цзуну:

— Мы слушаем вас, почтенный господин Ду Цзун.

— Скажите: если вы пришли из будущего... значит ли это, что судьба уже написана?

На миг все стихли.

— Нет, — сказал Вейр. — Будущее не написано. Оно предчувствуется, предсказывается, строится... но всегда остается изменчивым.

— Тогда зачем вы пришли сюда? — спросил Ду Цзун.

— Чтобы задать вопрос, — ответила Эвелин. — Который не может быть задан в нашем времени.

— И что же это за вопрос?

Ли Бо посмотрел на нее, как будто уже знал, что она скажет.

— Может ли поэзия изменить мир?

— Нет, — ответил Ду Цзун. — Только мечи и указы.

— Да, — возразил ему Ши Лин. — Но только в душе.

Ли Бо посмотрел на Вейра.

— А ты что скажешь, человек из будущего?

— Я скажу, — медленно произнес профессор, — что в нашем мире поэзия почти исчезла. Она есть, но как отзвук. Мы изменили мир силой. Технологией. Системами. Мы преодолели болезни, измерили звезды, переписали генетический код. Но мы не стали счастливее. И мы не научились говорить с тенью.

За столом повисла тишина.

— Значит, — сказал Ли Бо, — вы пришли сюда не за знанием, а за забвением. Чтобы снова стать полными.

Музыка сменилась. Теперь это была медленная, меланхоличная мелодия — звучание пипы¹, одинокое и в то же время широкое, как степь под луной.

И вдруг на помосте у подножия террасы императорского сада появился человек, облаченный в темно-золоти-

¹ Пипа — четырехструнная щипковая лютя с грушевидным деревянным корпусом. Существовала в Китае с III–IV веков и к эпохе Тан (в том числе 742 год) уже была классическим инструментом придворной и поэтической музыки.

стый халат с узором из облаков и журавлей. Его лицо было скрыто тонкой вуалью. Но как только он появился, весь павильон затих.

Все встали. Даже Ли Бо опустил голову в знак уважения.

– Император, – прошептали одни.

– Его Тень, – сказали другие.

Он не говорил. Он просто сел на возвышение и кивнул, как будто разрешая продолжить.

Ли Бо сделал шаг вперед и опустил голову в поклоне, как того требовал дворцовый этикет. Лишь после этого он заговорил – спокойно, с легкой улыбкой в голосе.

– Смиранный слуга приветствует Сына Неба! И приносит слова, не достойные золота трона, но чистые, как вода из горного ручья.

Император выслушал первые слова Ли Бо молча. Его лицо оставалось неподвижным, как и подобает Сыну Неба, но в глубине взгляда промелькнуло едва заметное смягчение. Легкий кивок головы стал знаком позволения продолжить.

Ли Бо выпрямился, сложил руки в приветственном жесте и торжественно произнес:

– Да будет долог век Вашего Величества. Да будут Ваши дни ясны, как осеннее небо над Чанъанем, и деяния Ваши – как корни сосен: прочны и живут дольше времени. Да сияет слава Императорского рода, как звезды Небесной Реки.

Он сделал шаг в сторону, указывая на Вейра и Эвелин.

– И позвольте представить Вашему Величеству странников, что пришли издалека – не ради золота, не по повелению чужой державы, а по зову сердца. Они принесли с собой не дары, а почтение. И от всего сердца желают Вам, Государь, долголетия, могущества и славы, что не меркнет в веках.

Император не спешил отвечать. Он посмотрел на путников внимательно, с тем молчаливым вниманием, в котором уже заключался ответ. Потом чуть склонил голову — жест едва заметный, но достаточно ясный, чтобы быть знаком признания, и начал говорить.

Он говорил негромко, но его голос был глубок и спокоен — как вода в пруду на заре.

— Поэт, чье перо подобно мечу, — ты вновь среди нас. Ты идешь в ногу с луной и говоришь с соснами. Государь слышит твой голос.

Он перевел взгляд на стоящих рядом гостей.

— Друзья, идущие рядом с человеком, в чьих строках отражается Небо, достойны быть выслушанными. Сад открыт. Слова — как вино: пусть текут свободно.

Ли Бо, не поднимая головы, ответил:

— Ваш слуга — лишь струя в реке Писания¹, и если хоть одна капля радует слух Повелителя, я счастлив до конца дней.

Император чуть кивнул и снова сделал жест рукой, позволяя им продолжать праздник. Собеседники вернулись за свой стол, и Ли Бо произнес свой очередной тост:

— Сегодня, — сказал Ли Бо, — мы не ищем ответа. Мы ищем вопрос, который выдержит тысячу лет.

И поднял чашу.

— За тех, кто умеет слушать. И слышать. Даже сквозь века.

¹ Река символизирует поток смысла, непрерывное течение мудрости или божественного откровения. Под «Писанием» подразумеваются священные книги: Библия, Коран, буддийские сутры, даосские каноны и др. «В реке Писания» — значит внутри живого, текущего пространства священного слова, где истина не статична, а раскрывается постепенно, как течение воды.

ГЛАВА 7. ДИАЛОГ С ПОЭТОМ

Полная луна, тихая и неподвижная, сияла высоко в ночном небе, заливая серебристым светом гладь воды, где все еще дрожали отблески фонарей и их отражения в воде пруда.

Праздник еще не завершился, но голоса стали тише. Шум веселья отдалился, как будто растаял в ночном воздухе, уступая место неспешным разговорам и задумчивым взглядам.

Почти все гости покинули террасу. Музыка теперь доносилась из глубины сада, где танцовщицы продолжали свой медленный круг под сводами деревьев. А в павильоне и на террасе, под светом фонарей и в аромате цветущих ветвей, остались те, кого привлекали поэзия и размышления, а не суета праздника.

Ли Бо, как и прежде, сидел за столом вместе со своими собеседниками. Теперь он был спокоен, немного задумчив, словно уловил в себе какую-то мелодию, которую пока не мог разложить на строки. Он поманил Вейра и Эвелин ближе, и они сели рядом, уже без смущения — как старые собеседники, которым не нужно искать форму разговора.

— Вы видите меня из будущего, — сказал Ли Бо, не глядя на них, — и, наверное, думаете, что я был ве-

лик. Что я стал кем-то. А я просто устал. Устал быть один.

Эвелин осторожно ответила:

— В будущем тебя считают бессмертным.

— Я знаю, — усмехнулся поэт. — Вы уже говорили.

Но знаешь... это не утешает. Потому что бессмертие — это не то, что остается, а то, чего не хватает. Вечность — холодна, если рядом нет живого голоса. Мое одиночество — не в том, что меня не понимают. А в том, что никто не спрашивает.

— Тогда мы спрашиваем, — сказал Вейр. — Зачем ты пишешь?

Ли Бо замолчал. Его взгляд скользил по поверхности воды, будто выискивая там недостающий слог.

— Потому что слово — единственное, что не умирает вместе со мной. Я живу в паузе между вдохом и выдохом. Там, где человек еще не заговорил, но уже чувствует. Стихи — это попытка поймать этот миг. Они не спасают. Но они делают боль красивой. А красота — это уже утешение.

— Но может ли искусство изменить мир? — спросила Эвелин. — Ты веришь в это?

Ли Бо усмехнулся.

— Искусство — не клинок и не указ. Оно не меняет мир быстро. Оно капает — капля за каплей — в сердце. И когда оно наполняется до краев — человек сам идет и меняет мир. Не потому, что должен, а потому что больше не может иначе.

Он откинулся назад, подставив лицо лунному свету.

— В поэзии нет цели. Только Путь. Конфуций хотел построить идеальное общество, упорядочить все. А я хочу просто плыть. Даос учит: «вода мягка, но побеждает камень». А я лишь ее звук.

— Но твой голос слышали сквозь века, — мягко сказала Эвелин. — Мы слышали.

Он посмотрел на нее с благодарностью – не как великий поэт, а как человек, которому вдруг стало легче дышать.

– Тогда скажите мне: в вашем веке... поэты все еще пьют под луной?

– Нет, – сказал Вейр. – Но они все еще ищут ее. Кто – в окне небоскреба, кто – в экране телефона, кто – в музыке. Иногда кто-то находит.

– Этого достаточно, – ответил Ли Бо. – Чтобы знать: все не напрасно.

Он вынул маленький свиток из-за пояса. На нем было несколько строк. Он протянул его Эвелин.

– Прочти. Своим голосом. Я хочу услышать, как мой стих звучит в другом времени.

Она аккуратно развернула свиток. Почерк был свободным и летящим, словно сам ветер вел кисть по шелку – ни следа колебания, только уверенность и дыхание строки.

Эвелин прочитала вслух – ясно, без спешки, с той сосредоточенной выразительностью, с какой читают не просто текст, а голос другого времени. Слова ложились мягко, но точно, будто она давно знала их наизусть:

*Я мечом рассекаю тьму –
и нахожу в ней свет.
Я падаю в реку –
и нахожу в ней небо.
Если ты ищешь Путь,
не забудь: он начинается с паузы
между двумя глотками вина.*

Наступила тишина. Но это была уже не та тишина, что в начале – это была тишина согласия. Понимания. Родства.

Эвелин бережно свернула свиток и с почтением вернула его Ли Бо. Но, прежде чем передать, заговорила:

– Пройдет пятьдесят зим после этой ночи цветущих слив. На берегу Дунтина, в Ланчжоу, другой великий по-

эт — Лю Юйси — напишет строки. Он не знал тебя, но говорил с тобой, как с братом. Вот его слова:

*Вчера на башне Весну я встречал,
Сегодня же ей вослед посылаю взгляд...
Орхидеи увяли... в росе, как в слезах,
Ивы ветвями машут в закат.
У зеркала — лик, но нет прежних черт,
У реки — изгнанник, чья мечта не сбылась.
Тысячи зим — все та же печаль,
И только вино эту боль укротит.*

Слова повисли в воздухе, как перо, которое не решается упасть.

Ли Бо взял свиток, но не сразу ответил. Он смотрел не на них — он смотрел куда-то сквозь фонари, сквозь воду, сквозь луну. Будто в этом далеком голосе он вдруг услышал эхо своего одиночества и одновременно родственный, созвучный ему голос.

— ...Он чувствовал, — наконец прошептал он. — Как я. Как будто мы сидели за одним столом, но с разницей в полвека. Он видел весну, когда ее уже не было. И все равно — поднимал чашу. Это... правильно.

Он медленно опустился на колени, сложил руки на груди и поклонился — не перед Эвелин и Вейром, а перед только что прозвучавшими словами. Перед их точностью. Перед их печалью, тихой и светлой, как утро после долгой ночи.

— Передай ему, — сказал он, поднимаясь, — если где-нибудь, в иной реке времени вы его встретите... что я слышал его. И под лунным деревом мы выпили вместе.

Он улыбнулся — той тихой, глубокой улыбкой, в которой было все: одиночество, признание, благодарность и прощание.

Затем, не повышая голоса, произнес:

— Завтра я вновь приду сюда, в сад, к этому павильону. Второй день праздника — это еще один круг возлияний и бесед, где вино и слово текут медленно, как вечерний свет.

Он снова улыбнулся — по-доброму, без тени торжественности.

— До новой луны, — сказал он, склонившись с ладонями, сложенными в приветственном жесте. — А может, и раньше... если ветер снова приведет нас к одному столу. Ведь подлинная беседа не требует завершения — она продолжается, пока сердце открыто.

За его спиной шелестели цветущие ветки слив. Он задержался на шаг, словно вслушиваясь в дыхание сада.

— Если мы встретимся снова — пусть даже в других телах, в других мирах — вы узнаете меня. Я буду рядом с лунной. Или с тенью, что повторяет танец.

Эвелин и Вейр медленно склонились в знак уважения перед поэтом — не как перед великим именем, а как перед человеком, в чьих словах отозвались их собственные мысли.

— Мы обязательно встретимся, — сказала Эвелин, глядя ему прямо в глаза взглядом, полным восхищения.

Ли Бо кивнул, словно это было самым простым и самым важным, что можно было сказать в этот час.

— Тогда... пусть произнесенные строки станут мостом между нами.

И он ушел — легко, бесшумно, как дым. Его силуэт растворился среди фонарей и деревьев. А луна осталась — в том же положении, как будто ничего не изменилось.

ГЛАВА 8. МУЗЫКА НАД ПРУДОМ

Когда шаги Ли Бо затихли среди деревьев и вечер окончательно уступил место глубокой ночи, Ши Лин пригласил своих гостей в павильон Орхидей:

— Через несколько мгновений в павильоне начнется концерт, — сказал он негромко. — Императорские танцовщицы исполнят танец под звуки пипы и циня. Если хотите, я с радостью проведу вас туда.

Вейр и Эвелин поблагодарили его за приглашение, но вежливо отказались. Все, что произошло за этот день — встреча с Ли Бо, слова, тишина, музыка, лунный свет — было настолько насыщенным и глубоким, что теперь они не стремились к новым впечатлениям.

Им хотелось просто немного побыть в тишине, у воды, под звездами — наедине со своими мыслями и чувствами.

— Мы немного посидим здесь, — тихо сказал Вейр. — Хочется просто... ничего не говорить и смотреть, как звезды отражаются в воде.

— Это тоже поэзия, — мягко улыбнулся Ши Лин. — Тогда после завершения концерта я найду вас. Мы вместе вернемся домой, ночь должна быть завершена покоем. Завтра будет новый день праздника, и пусть он встретит вас отдохнувшими.

Он поклонился и скрылся в направлении павильона, где уже слышались первые звуки струн, легкие, как прикосновение ветра. Вейр и Эвелин остались на берегу пруда, сидя на деревянной скамье среди теней деревьев и отражений звездного неба.

Пруд Нефритовой Луны лежал перед ними, как гладкое зеркало, в котором отражалась ночь. Лунная дорожка, дрожащая, светлая, как дыхание воды, скользила по глади пруда и мягко касалась берега прямо у их ног, будто безмолвно приглашая пройти по ней вглубь ночи. На поверхности пруда плавали лепестки сливы, ставшие похожими на звезды, упавшие с неба в воду. Из павильона доносилась музыка — медленная, полная тихой печали.

Ночь, опустившаяся на сад, мягко, почти незаметно размывла очертания предметов, сгущая тени и стирая границы между звуками и тишиной. Им не хотелось говорить — не потому, что нечего было сказать, а потому что каждое слово казалось бы лишним, чужим в этом спокойствии. В такие минуты молчание было честнее любого разговора.

Сад жил своей ночной жизнью. Где-то вдалеке вскрикнула птица — коротко, тревожно, словно напоминая о чем-то забытом. Едва слышно скрипнула сухая сосновая ветка. Послышался шелест шагов по гравии, легкий, почти неведомый. Танцовщица проскользнула мимо, и ее шелковый халат шуршал, как страницы книги на ветру.

Все эти звуки складывались в единый узор, как тонкие нити, вплетенные в ткань ночи. Они не нарушали тишину, а были ее продолжением. Здесь ничто не было случайным — даже молчание. Оно дышало вместе с садом, с ветром, с луной, скользящей по воде. И в этомдыхании звучала истина, которую не нужно было объяснять. Достаточно было просто быть ее частью.

Наконец Эвелин нарушила молчание.

— Я понимаю теперь, — тихо сказала она, не поворачивая головы, — почему Ли Бо не искал покоя. Он был частью этого ритма. Он не хотел его нарушить. Он жил в нем.

Вейр ответил после долгой паузы:

— А мы... мы все измеряли, искали форму для всего: для красоты, для истины, для самой жизни. Пытались выстроить гармонию — по линейке, по формуле. Но в итоге... построили только структуры. Порядок, в котором нет места для настоящей свободы, о которой нам говорил сегодня Ли Бо.

Из темноты, почти беззвучно, к ним подошел Ши Лин и сел рядом на скамью. Он выглядел немного уставшим.

— Я знал, что найду вас здесь, — сказал он. — Вы еще не ушли.

— Почтенный Ши Лин, как прошел концерт? Остались ли вы довольны выступлением? — спросил его Вейр.

— Все прошло хорошо, — ответил он. — Сначала были танцы, потом музыка. Танцовщицы выступили первыми, их было трое. Они двигались в такт музыке, все было точно отрепетировано. Музыка была живая — флейта, барабан и струнный инструмент. На флейте играл молодой ученик из провинции. Сыграл хорошо, уверенно.

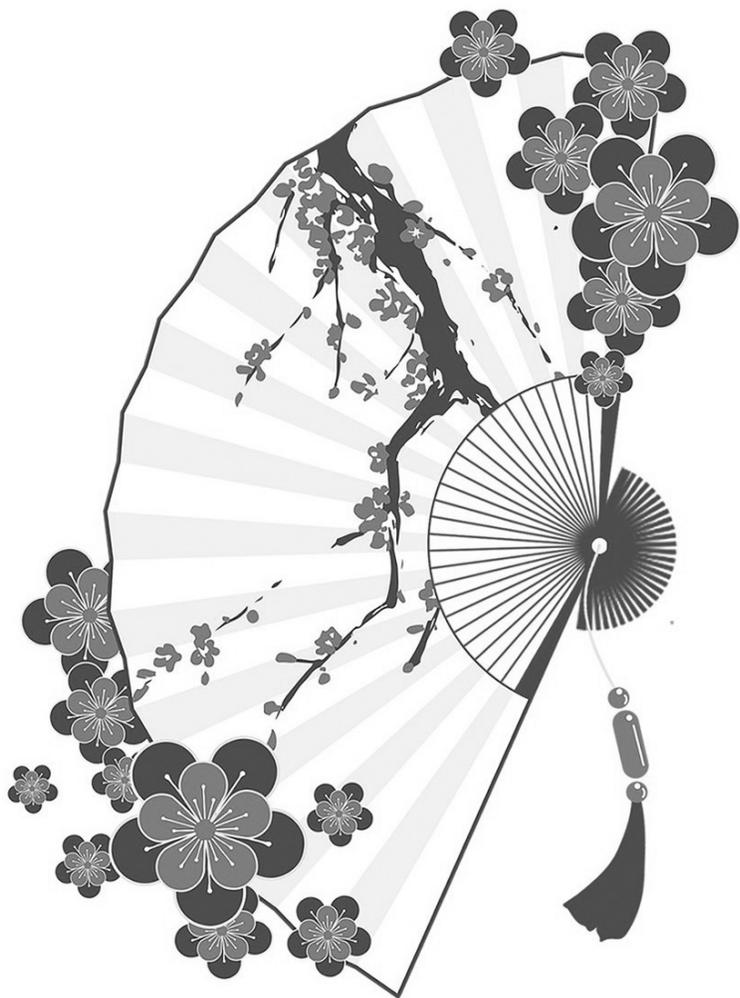
А потом я вышел на сцену. Сначала поприветствовал публику. А потом читал стихи — про весенний дождь, про старый храм... а затем рассказал одну притчу.

— Пожалуйста, расскажите эту притчу и нам, почтенный Ши Лин, — попросила Эвелин.

— Хорошо, я с удовольствием расскажу ее моим благородным гостям, — кивнул Ши Лин.

Он сделал глубокий вздох, помолчал немного... а затем начал рассказывать свою притчу:

— Один правитель захотел создать идеальное государство. Он построил прямые улицы, выровнял поля, установил строгие законы, назначил мудрых чиновников. Но че-

рез год — начался бунт. Он спросил даоши¹: «Почему? Я же все упорядочил». А даоши ответил: «Ты выпрямил реку. Но люди — не тростник. Они не гнутся одинаково».

— Значит, порядок невозможен? — спросила Эвелин.

— Нет, — ответил Ши Лин. — Он возможен. Но не извне. Порядок, насаждаемый, как палка, вызывает страх. А порядок, рождающийся изнутри — ведет к доверию. Тот, кто настроен на ритм мира, не станет его нарушать — не из страха, а из внутреннего согласия с порядком вещей.

— Но ведь история говорит об обратном, — возразил Вейр. — Каждая империя, строившая гармонию, заканчивала разрушением. Даже Тан.

Ши Лин утвердительно кивнул головой.

— Потому что они строили ее из страха смерти. А не из уважения к жизни. Порядок, как музыка, живет не в нотах — а в паузах. Там, где слушают. Там, где чувствуют.

Он поднял взгляд на отражение луны в пруду.

— Истинный порядок — не в иерархии, а в соотношении. Не во власти, а в ответственности. Не в подавлении, а в понимании. Мир не должен быть правильным. Он должен быть живым.

— А как достичь такого порядка? — тихо спросила Эвелин.

Ши Лин взглянул на нее с улыбкой, в которой чувствовались доверие и спокойствие.

— Сначала — избавиться от внутренней суеты. Перестать повторять чужие желания. Найти свою паузу. А потом — жить так, чтобы твое дыхание не нарушало дыхания мира.

¹ Даосский мудрец, отшельник или посвященный, часто монах или философ, следующий учению Дао.

— Спасибо, — прошептала Эвелин. — Теперь я понимаю, почему вы сидите среди сосен.

Ши Лин снова улыбнулся.

— Я сижу не для себя. Я сижу, чтобы кто-то мог сесть рядом.

Луна поднялась выше. Флейта смолкла. Только звезды продолжали свой танец — медленный, неизменный, древний.

Ши Лин обернулся к своим гостям. Его голос был все таким же спокойным, в нем слышалась теплая забота.

— Спасибо вам, благородные гости, за внимание к моим речам, — произнес Ши Лин. — Праздник продолжается, и завтра, значит, у нас еще будет время для бесед. Сейчас же пусть вас встретит тишина и отдых. Мой дом — рядом, и он открыт.

Вейр и Эвелин с благодарностью приняли приглашение. День был полон впечатлений, и теперь им необходим был покой. Все, что они услышали и увидели — образы, слова, музыка, атмосфера праздника — оставалось с ними. Но сейчас требовалась тишина, чтобы все это пережить и осмыслить.

Они неспешно покинули террасу павильона. Фонари еще горели, но в саду было почти пусто: одни лишь танцовщицы вдалеке завершали свой круг, и музыка растворялась в ночном воздухе.

Поздно ночью они вернулись в дом Ши Лина. Сад у его дома и терраса были все еще освещены лунным светом, который уже тускнел, исчезая за темными кронами деревьев. Луна уходила в глубину западного неба, оставляя мир в ожидании рассвета.

ГЛАВА 9. ДАО, КОТОРОЕ НЕЛЬЗЯ НАЗВАТЬ

Утро было тихим и свежим. Сквозь легкий туман над прудом медленно поднималось солнце. На террасе Ши Лин неспешно накрывал стол с простой утренней едой: миски с отварным рисом, чай и блюдо с несколькими жареными рыбами — теплыми, с золотистой хрустящей корочкой.

— Караси из пруда, — сказал он, усаживаясь напротив. — Ловил сам, до рассвета.

Вейр взял палочки, попробовал — и удивился: вкус был насыщенным, с оттенком речной травы.

— Когда питаешься тем, что дал тебе свой сад, — сказал Ши Лин, — ты не противопоставляешь себя миру. Такая пища возвращает ощущение меры и связи с землей, с самим собой.

Он налил еще чаю и добавил:

— Рыба не спорит с водой. Потому и живет в ней свободно.

Наконец заговорил Вейр:

— Чем дольше мы здесь, тем менее уверенным я становлюсь. Раньше мне казалось, что знание дает силу. Что, зная больше, мы становимся ближе к истине. А теперь... чем больше я знаю, тем меньше уверен, что знаю что-либо.

Ши Лин чуть улыбнулся.

– Ты подходишь к границе. Это хорошо. Истинное знание начинается там, где исчезает уверенность. Потому что то, что можно выразить – всегда лишь оболочка.

– А что находится за границей? – спросила Эвелин. – Молчание?

– Дао, – произнес Ши Лин. – Но не то, что пишется тушью. Не то, что цитируется. Настоящее Дао нельзя назвать. «Дао, которое можно назвать – не есть истинное Дао».

– Но как мы можем понять то, что не имеет имени? – спросил Вейр. – Мы ведь люди науки. Мы структурируем, классифицируем, называем. Без названия нет понимания.

– Без названия есть ясность, – ответил Ши Лин. – Но не та, к которой вы привыкли. Вы живете в мире, где все должно быть определено. Вещи, чувства, даже люди. Но как ты назовешь ветер? Он может быть северным, теплым, резким... но ты все равно не скажешь, чем он был тогда, когда коснулся твоего лица.

Он помолчал и продолжил:

– Язык – как лодка. Он нужен, чтобы пересечь реку. Но тот, кто носит лодку на спине, когда уже на суше, – глуп. Так же и с понятиями. Они – временные мосты, а не дворцы.

Эвелин с интересом взглянула на Ши Лина:

– Но если ничего нельзя назвать... как тогда различать истину и заблуждение?

– По тишине в сердце, – ответил Ши Лин. – Дао – не в словах. Дао – в созвучии. Вода не различает, но она следует руслу. Свет не спрашивает, но он освещает. Истина – это не высказывание. Это – присутствие.

– Мы боимся тишины, – призналась она. – В нашем веке она пугает. Потому что в ней – слишком много правды.

Ши Лин посмотрел на нее и улыбнулся:

— Потому что вы живете вне ритма. Ваш мир — это бесконечное утверждение. Но в мире, где все утверждают, никто не слушает. А Дао — это не то, что говорится, а то, что слышится, когда все остальное умолкает.

Эвелин долго молчала. А потом сказала:

— Спустя века после нашей встречи... один великий поэт, из страны к северу от вас, скажет: «Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет — и выше».

Она посмотрела на Ши Лина, будто ожидая от него несогласия, отклика — хоть какого-то отрицания. Но он только отставил чайник и посмотрел в сторону воды.

— Значит, он искал ее там, где правды не бывает, — тихо ответил он. — В земных суждениях... или в небесных схемах.

— А где она тогда? — спросила Эвелин. — Где правда, если она не на земле и не на небе?

Ши Лин не ответил сразу. Он взял чашу, поднес к губам, вдохнул аромат чая — и только потом произнес:

— Правда не там и не здесь. Она — в том, чтобы перестать искать ее. Когда ты перестаешь делить мир на «ложь» и «истину», истина сама проявляется в естественном ходе вещей — в дыхании, в тишине, в простом согласии с окружающим миром.

Вейр закрыл глаза. Он не знал, как долго длился разговор. Может, час. Может, вся жизнь. Он вспомнил, как писал научные статьи, как читал лекции, как настаивал на терминах, на границах между мифом и реальностью. И теперь все эти границы показались ему натянутыми нитями — и струнами одновременно. Их можно оборвать. А можно — сыграть на них.

— В нашем мире, — возразил он, — если ты не можешь объяснить, значит, ты недостаточно понял. А здесь выходит — если ты пытаешься объяснить, ты уже потерял суть.

— Не обязательно, — мягко ответил Ши Лин. — Иногда слова — это ветер, который подталкивает лодку. Но если

ты забываешь, что лодка — лишь средство, ты становишься узником своего языка.

Он поднялся.

— Вы слышите больше, чем слышат многие. Но главное еще не сказано. Истина не приходит как дар — она раскрывается в прожитом: в движении, в паузе, в уходе.

Он взглянул на пруд, затем перевел взгляд на собеседников.

— Дао нельзя выразить, но можно воплотить. Живите так, чтобы ваше присутствие было словом, даже если вы молчите.

ГЛАВА 10. ИДЕАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК И РАЗБИТАЯ ЧАША

Они снова встретились в павильоне — на следующий день, ближе к закату. Сад был почти пуст. Лишь кое-где под ивами сидели поэты, беседуя вполголоса, или старцы, уставившиеся в воду, словно ожидая, что она подскажет им забытую строку.

Ветер касался поверхности пруда. Время шло неторопливо, как вечерний свет, задерживающийся на поверхности водной глади.

Вейр и Эвелин сидели с Ли Бо за столом у колонн, его кувшин с вином был отвязан от пояса и стоял на столе. На лице Ли Бо была улыбка человека, который уже ничему не удивляется и только радуется жизни.

Ши Лин присоединился чуть позже. Он нес чашу из черной керамики. Но когда он подошел к столу, где уже сидели собеседники, чаша вдруг выскользнула из рук и, упав на каменную плиту веранды, раскололась на три неравные части.

— Символично, — сказал Ли Бо, — разговор о порядке начинается с разбитой чаши.

Вейр усмехнулся едва заметно — с оттенком тихой иронии.

— Разбитая чаша — это и есть символ всех утопий. Сколько ни строй, все разобьется. История доказала это десятки раз.

Эвелин кивнула, соглашаясь с профессором. Вейр продолжал:

— Во многих эпохах люди пытались построить идеальный порядок. В моем времени мы писали конституции, заключали международные договоры, создавали идеологии. Мы говорили о равенстве, о справедливости, о мире. Но снова и снова получали войны, колонии, оковы вместо свободы. Почему так? Почему даже сейчас — когда у нас есть все, что когда-то казалось недостижимым — мы все еще не можем создать справедливый мир?

Ли Бо ответил первым. Он отодвинул от себя свою чашу и сказал:

— Потому что порядок — не то, что можно установить. Он возникает сам, когда человек не мешает Пути. Слишком много слов, слишком много правил, слишком много вмешательства — и люди совершают еще больше ошибок. Дао не требует законов. Оно не нуждается в декларациях. Люди же боятся пустоты и заполняют ее законами. Отсюда — беда.

Он замолчал на миг, затем добавил:

— Я много лет скитался, пил с пастухами, читал стихи ветру. Везде — один и тот же мир. Не он виноват, а мы. Мы хотим управлять тем, что не поддается управлению.

В беседу вступил Ши Лин. Его голос был спокоен, но тверд.

— Слова Ли Бо мне близки. Но все же я верю в усилие. Без него мир разваливается. Да, порядок нельзя навязать, но его можно воспитать. Не в других — в себе. Конфуций учил: начни с себя, исправь свою речь, свое поведение, свои мысли — и только потом иди к другому. Тогда порядок не будет внешним, он станет продолжением внутреннего.

Он внимательно посмотрел на Вейра.

— Может быть, в вашем времени слишком много думают о системе и слишком мало — о человеке. Порядок не начинается с договора. Он начинается с уважения, с доброты, с искренности. Без этого любое государство — пустая оболочка.

Вейр кивнул головой в знак согласия.

— Значит, ошибка — в нас самих. Мы хотим все изменить вокруг, не меняя себя.

— Именно, — тихо сказал Ши Лин.

— А порой и менять не нужно, — с легкой улыбкой добавил Ли Бо. — Достаточно не мешать.

На мгновение наступила полная тишина. Только ветер шевелил ветви, и лепестки продолжали падать — медленно, точно и без всякой спешки.

Эвелин посмотрела на собеседников и тихо произнесла:

— Может быть, истина — не в выборе между действием и покоем. А в том, чтобы чувствовать, когда наступает час для каждого из них.

Наступила пауза.

— Все потому, что мы люди, — задумчиво произнес Вейр. — Слишком сложные, слишком разные. Одному нужен порядок, другому — свобода. Одному — закон, другому — сострадание. И каждый считает свою правду единственной.

— Тогда, быть может, — сказал Ли Бо, — вы строили не для мира, а для себя?

— А разве это преступно? — спросила Эвелин. — Строить общество, в котором тебе и другим будет хорошо?

— Нет, — ответил Ши Лин. — Но преступно думать, что это «хорошо» можно навязать всем. Конфуций говорил: «Порядок Поднебесной начинается с правления сердца».

— Это звучит красиво, — сказал Вейр с легким вздохом. — Но сердце нельзя измерить. А без меры трудно строить законы.

— Именно потому, что вы пытались измерить, — ответил Ли Бо, — вы утратили ощущение меры.

Он поднял с каменной плиты кусок разбитой чаши, повернул в руке, посмотрел на скол.

— Даже разбитая, она не теряет своей сути. Если захотеть, ее можно собрать. Она не будет такой, как прежде, но в этом и есть подлинность. Трещины — не уродство. Это след времени, и его не нужно скрывать. Почему вы хотите порядок, в котором нет ни одной трещины?

Эвелин задумалась. Потом сказала:

— Наверное потому, что мы боимся хаоса.

— А вы уверены, что то, что вы называете хаосом, не является скрытым порядком? — тихо произнес Ши Лин.

Вейр откинулся назад. Он долго смотрел на куски чаши.

— А если мы допустим, что порядок возможен... каким он должен быть?

Ли Бо неспешно разлил вино по чашам.

— Порядок, в котором каждый может быть собой — и при этом не причиняет вреда другому. Порядок, где правило — не кнут, а ритм. Где правитель — не вершина, а узел, соединяющий потоки. Где право возникает не из страха, а из внутреннего согласия.

Ши Лин добавил:

— Такой порядок невозможен, если люди будут бояться тишины, в которой слышен их собственный голос. Он начинается с простого: научись быть. Потом — научись быть с другим. Потом — научись быть для других. Это не схема. Это Путь. И он долгий.

Эвелин взяла в руки один из осколков чаши, нагретый солнцем и все еще хранящий в себе тепло солнечных лучей.

— А если никто не захочет идти по нему?

— Тогда мир останется разбитым, — сказал Ли Бо. — Но в каждом осколке все равно будет отражение луны.

Наступила долгая, ясная тишина. Вейр, глядя на осколки, тихо произнес:

— Значит, идеальный порядок — не цель. Это способ идти. Даже если чаша разобьется снова.

Ши Лин склонил голову.

— Именно. Путь — и есть порядок. А все остальное — декорации.

ГЛАВА 11. ШАГ ЗА ПРЕДЕЛ

Знающий не говорит, говорящий не знает.

Лао-цзы

Свет уходил с каменных плит террасы медленно, как вода отступает от берега, когда утихает прилив. Небо становилось глубже, прозрачнее, и между ветвями сосен проступали первые звезды — крупные, яркие, будто ближе, чем обычно.

Собеседники сидели на том же месте, за столом у колонн.

— Мы должны возвращаться, — наконец произнес Вейр. — Система готова. Окно скоро закроется.

Эвелин не ответила сразу. Она смотрела на воду, и в ее взгляде было то, что нельзя перевести на язык будущего — тоска не по времени, а по внутреннему состоянию, которое уже никогда не будет прежним.

— Я боюсь, — сказала она наконец. — Не возвращения. А того, что все это станет воспоминанием. Что мы вернемся — и мир нас затянет. Суета, экраны, списки задач, новости, войны, спешка... Я боюсь потерять это чувство... утратить ощущение ясности, которое пришло ко мне за эти дни.

— Оно уже в вас, дорогая Эвелин, — сказал Вейр. — Если вы боитесь его утратить, значит, оно стало частью вашей души.

Ли Бо внимательно посмотрел на профессора и Эвелин, словно запоминая их лица.

— Когда приходит прощание, — тихо сказал он, — я не ищу новых слов. Достаточно тех, что уже были. Я однажды написал эти строки для друга. Он покидал Чанъань по указу императора и направлялся в Ханчжоу. Туда, где находится одно из самых прекрасных озер на свете — озеро Сиху. Сегодня — читаю его вам:

*На севере — горы, где кончается города тень,
На востоке — река у изгиба последней стены.
Мы стоим на дороге. Ты машешь рукой.
И уносит тебя в путь быстрокрылый конь.
В облаках — твои думы, в небесной дали — твой взгляд,
А во мне — только красного солнца прощальный свет.
Ты ступил за предел, не обернувшись назад —
И конь твой заржал в опустевшую даль.*

Затем Ли Бо слегка склонил голову в знак уважения и добавил почти шепотом:

— Лао-цзы сказал: «Знающий не говорит, говорящий не знает»¹. Так пусть ваш Путь продолжится — без слов.

Он повернулся и зашагал своей легкой походкой по тропе, теряясь в тумане среди высоких стеблей бамбука. Его шаги звучали все тише, пока не слились с дыханием ветра.

— Вы готовы? — тихо спросил Ши Лин.

— Мы не знаем, — ответил Вейр. — Но, наверное, никогда нельзя быть готовым по-настоящему.

¹ Это высказывание Лао-цзы является одним из самых глубоких и загадочных выражений даосской философии. Оно несет в себе критическое отношение к словам как способу постижения истины.

Ши Лин остановился напротив них.

— Тогда позвольте мне сказать, благородный Ай-Дэ.

Он достал из-за пояса небольшой свиток и нарисовал на нем фигуру наподобие подобие круга.

— Время — это не поток и не прямая линия, — сказал Ши Лин. — Его не измерить шагами. Время — как сад, раскинувшийся в круге. В нем нет начала и конца, есть лишь тропы, по которым можно идти. Есть павильоны, где мысли отстаиваются, как чай. Есть пруд, где отражения говорят больше, чем слова. Есть скамьи, где можно просто сидеть и слушать.

Ши Лин сделал паузу.

— И если ты спокоен и не торопишься бежать быстрее, чем нужно, — можно услышать, как одно мгновение отключается в другом. Тогда прошлое и настоящее не противостоят друг другу. Они существуют вместе.

Он посмотрел на Вейра и Эвелин.

— Вы не изменили ход своих мыслей — и в этом ваша мудрость. Вы шли к своей цели с пониманием сути происходящего, и Путь прошел через вас. Теперь он внутри вас — как сад, в котором вы уже побывали и который останется с вами навсегда.

Эвелин подняла глаза:

— А память? Она останется?

— Нет, — ответил Ши Лин. — Не в полной мере. Ваша эпоха слишком тяжела для памяти. Но не бойтесь. Все, что было услышано по-настоящему — остается. Может быть, в жесте. В интонации. В том, как вы помолчите в нужный момент. Вы станете теми, кто слышал сад.

— А можно ли... вернуться? — спросил Вейр.

Ши Лин покачал головой.

— Не в это же место. Не в эту же тишину. Дао не повторяется. Но сад будет ждать вас — в другой форме. Может быть, в старом человеке, которого вы встретите. Может быть, в книге. Или в чаше с простым чаем, если вы выпьете ее не торопясь.

Они молчали.

— И еще, — добавил он. — Когда вы вернетесь в свое время, не спешите говорить. Слушайте. Там, где говорят все — тот, кто умеет слышать, поймет вас.

— Учитель Ши, — произнес Вейр, склонив голову в знак уважения, — пусть мои слова будут кратки, но искренни. Благодарю вас за беседу, за молчание, за путь, который вы открыли перед нами. Мы уходим, но с нами — ваша ясность.

Он сделал шаг назад, сложил руки перед собой и тихо добавил:

— Да пребудет с вами мир Великого Пути.

Эвелин стояла рядом. Она не сразу заговорила, а лишь мягко поклонилась. Затем произнесла:

— Учитель Ши, за время, проведенное в этом саду, я многому научилась — не умом, а сердцем. Ваши слова останутся со мной, так же как и тишина между ними. Пусть ваши шаги будут легки, а ум — ясен, как вода в утреннем пруду.

Ши Лин кивнул молча, как человек, понимающий, что это не прощание, а продолжение Пути.

Вейр активировал через ручной манипулятор модуль перемещения во времени. Свет изнутри наполнил пространство — не яркий, но плотный, как вода, в которой отразились звезды. Воздух завибрировал. Все стало зыбким. Сосны, вода, лица — все словно поплыло. Граница между мирами снова сжалась.

Эвелин посмотрела на Ши Лина в последний раз:

— Мы узнаем тебя, учитель Ши... если встретим?

— Узнаете, — сказал он. — Я буду тем, кто сидит у края тишины. С чашей чая. И — не говорит. Но видит.

ГЛАВА 12. ПРИШЛО ВРЕМЯ СЛУШАТЬ

Воздух снова стал плотным, насыщенным и привычным, шелест сосен сменился равномерным фоновым шумом лабораторного зала, наступила пауза.

Вейр стоял, не двигаясь. Его ладони были сложены перед собой — как в момент, когда он прощался. Он даже не сразу понял, что вернулся. Просто исчез запах сосен. Исчез лунный свет. Просто исчез запах сосен. Лунный свет рассеялся. Остался только он — и едва ощутимое головокружение, как эхо пройденного пути.

Эвелин молчала. На лице ее застыло выражение, в котором смешались растерянность, покой и тихая печаль.

— Мы... вернулись, — произнесла она, но голос звучал непривычно глухо, как если бы говорил кто-то другой, не она сама.

Модули вокруг мигали синим. Стены были серыми. Все снова стало функциональным, привычным... обыденным.

— Сколько прошло времени? — спросил Вейр, глядя на экран.

— По счетчику — пятнадцать минут, — ответил лаборант.

— А у меня ощущение... как будто мы прожили там целую жизнь.

Он медленно снял с себя головной убор, сложил его, как ритуальный предмет. Затем — свой шелковый халат. Он свернул ткань бережно, как сворачивают рукопись.

— Я думаю, что все останется навсегда с нами, — сказал он, не глядя на Эвелин.

— Я уже начинаю забывать. Не имена — ощущения. Звук ветра в соснах. Вкус того чая. Даже голос Ши Лина... он как будто растворяется. Я ловлю его, а он — ускользает.

— Память живет не в словах... и не в ощущениях, — произнес Вейр. — Она — в том, кем мы стали, пройдя этот путь.

Профессор и Эвелин вышли из модуля. В коридоре светили неоновые панели. Где-то работал кондиционер. Раздался звук входящей почты на терминале.

Они молча прошли мимо стенда с новыми исследованиями, мимо постеров, мимо своих прошлых мыслей, застывших в графиках и формулировках.

— Мы слишком много говорим, — вдруг сказала Эвелин.

— И слишком мало слышим, — добавил Вейр.

Они остановились на лестничной площадке, откуда открывался вид на городскую вечер — стекло, улицы, светящиеся окна. Машины, спешка, вечно движущиеся силуэты.

— Что мы будем делать теперь? — спросила она.

— Жить тише. Слушать чаще. Возможно, писать.

— О чем?

Вейр улыбнулся.

— О тишине. О паузе между словами. О людях, которые умеют не отвечать сразу.

— Значит... не зря?

Он посмотрел на Эвелин.

— Не зря. Все, что мы пережили, — было настоящим. Даже если завтра мы не вспомним имен. Мы пронесем их, как внутренний свет. Как присутствие.

Эвелин кивнула. А потом достала из внутреннего кармана складной лист — старую записку, которую оставила в сумке перед отправлением. На ней было написано всего две строки:

Если истина молчит — значит, пришло время слушать. Если она говорит — значит, пора меняться.

Эвелин перечитала и улыбнулась. Они стояли в прозрачном мире, полном света и звука, — но уже умели слышать тишину.

ПУТЬ В ШАМБАЛУ

ПРОЛОГ. ТЕНЬ НАД ГОРИЗОНТОМ

Вечерний свет лениво скользил по книгам, разбросанным по массивному письменному столу. На полках, уходящих в тень, теснились тома по археологии, уфологии, древним культурам и исчезнувшим цивилизациям. Миры, в которые профессор Вейр входил и из которых возвращался, всегда оставляли в нем след — след вопроса, который не имел ответа.

Он сидел в кресле, сутулясь над пожелтевшими записями — обрывками полевых дневников, отчетами о телепортационных смещениях, странных энергетических всплесках, древних символах и вещих снах. Некоторые страницы были покрыты тонкими, нервными подчеркиваниями, другие — комментированы на полях: «повторяющийся мотив», «неизвестное поле восприятия», «анахроническая структура реальности». Все это он собирал, как монах собирает крупички света в монастырской тишине, надеясь, что из них выстроится истина.

Он закрыл глаза. Перед ним промелькнули образы: голос прорицательницы в шумерском храме; римский центурион, умирающий на песке под звездами; сожженная библиотека, из пепла которой поднимался свет; рыдающий старик в горах Армении, говорящий о древнем небе. Все

эти встречи, открытия, откровения — они должны были быть частью чего-то большего. Но чего?

Вейр прошел через эпохи и культуры, как путник через зеркальный зал. Он видел великое и ужасное, свет и разрушение. Но чувство было одно — он отражал истину, не приближался к ней. Как будто реальность — это не линия, а спираль, где каждый виток обещает конец, но оборачивается новым началом.

Он вздохнул. За окном сгущались сумерки. Внезапно среди обычных размышлений промелькнула мысль, острое, почти болезненное осознание:

«Что я искал на самом деле?»

Ответа не было. Было лишь ощущение пустоты — но не как небытия, а как неоткрытой двери.

Он встал, подошел к полке и вытащил пыльный свиток, принесенный когда-то с тибетского плато. На нем — символ, который он видел во снах, но не понимал. Тогда он отложил его как эзотерическую нелепицу. Теперь же этот знак будто дышал, пульсировал в воздухе.

И тогда он вспомнил: тот старец, в высокогорной долине, чей взгляд пронзал глубже всякой логики. Он сказал: «Ты — один из нас», и указал путь — не по карте, а вглубь бытия.

С тех пор Вейр больше не искал артефакты. Он читал не книги, а паузы между строками. Он готовился. Или, быть может, он просто наконец понял, что всю жизнь не искал ответ, а вопрос, который был достоин того, чтобы его задать.

Наутро он исчез.

Кто-то говорит, что он ушел вглубь Тибета. Кто-то — что в иной слой реальности. Некоторые утверждают, что видели его — не постаревшего — в снах, в трансе, у границ света. Но никто не может доказать ничего.

Только одно известно: он ушел туда, где наука становится озарением, где границы времени стираются, а истина — это не формула, а пламя.

ГЛАВА 1. ГОЛОС, ЗВУЧАЩИЙ СКВОЗЬ ВЕКА

Ветер Ладакха был сух и прозрачен, как дыхание иной реальности. Песок в узких ущельях напоминал пепел — будто здесь догорала не земля, а память о древнем мире. Профессор Вейр шел медленно, вдыхая разреженный воздух, поднимаясь по склону, усеянному черепками отвалившихся времен: куски обломанных чортенов, стертые ступы, надписи на камнях, полустертые иероглифы, выбитые безмолвными руками.

Экспедиция, ради которой он приехал, уже близилась к завершению. Все артефакты были описаны, геомагнитные аномалии зафиксированы, а спутниковые снимки местности отправлены в лабораторию. Но Вейр чувствовал, что что-то важное ускользает. Неуловимое, будто невидимая дверь, которая открывается только тогда, когда перестаешь ее искать.

Он свернул с маршрута, ведомый не логикой, а предчувствием. Далеко от лагеря, среди каменных обломков, он заметил что-то странное: в самой глубокой тени, у основания скалы, стояла хижина, которой не было на карте. Ее нельзя было заметить с воздуха или тропы. Она словно не находилась здесь в обычном смысле этого слова.

Дверь была приоткрыта. Внутри пахло дымом, шафраном и временем.

— Заходи, — раздался голос. — Я тебя жду.

Слова не испугали Вейра. Он не знал, почему, но чувствовал — этот голос он уже слышал. Не ушами — чем-то более глубоким. Он вошел.

В полумраке сидел старец. Лицо его было морщинистым, но не старым; в глазах не было возраста. Лоб пересекала тонкая вертикальная складка, как знак молчаливой силы. Одежда его была груба и проста, но вокруг него будто струилось иное пространство — словно сама ткань мира изгибалась, подчиняясь ритму его дыхания.

— Ты искал истину среди камней, среди звезд, в архивах и песке, — произнес старец. — Но все это — лишь отражения.

Вейр молчал. Он чувствовал, как в груди нарастает тревога, но не от страха, а от распознавания чего-то важного, давно забытого.

— Шамбала не на карте, — продолжал старец. — Она вне пространства. Вне времени. Она — внутри и вне. Ее не найдешь приборами, ее не покажут координаты.

— Вы говорите, будто знаете... — начал Вейр, но не договорил.

— Я был там. И я вернулся. Чтобы ждать тебя.

Старец встал. Пространство вокруг него будто замерцало, теряя глубину. Он подошел ближе и положил руку на плечо профессора.

— Ты — один из нас.

Эти слова не были признанием. Они были пробуждением. Вейр вдруг понял, что часть его всегда знала об этом. Он не был просто ученым, исследователем. Он был странным, пересекающим не только эпохи, но и пласты бытия.

— Почему я? — спросил он тихо.

— Потому что ты не поверил. Но продолжил искать. Потому что ты увидел чудо и не сделал из него догму. Потому что ты помнишь, хотя думаешь, что забыл.

Вейр ощущал, как все вокруг медленно пульсирует — стены, свет, его собственное тело. Все стало зыбким, будто реальность потеряла твердость. Но не исчезла — она просто стала... иной.

— Что мне делать? — спросил он.

— Принять то, что ты больше не ищешь внешнего. Шамбала — не место. Это переход. Это пламя в темноте. Это голос, звучащий сквозь века. Слушай его. Он ведет тебя.

Старец медленно сел обратно, как будто растворяясь в полумраке. Вейр вышел из хижины, и оглянулся — ее не было. Лишь скала, пыль и солнце, заходящее за горы.

Он стоял долго, всматриваясь в пустоту, которая впервые казалась наполненной. Его экспедиция закончилась. Но путешествие только начиналось.

ГЛАВА 2. КАРТА, НАРИСОВАННАЯ НЕ ЧЕРНИЛАМИ

Свиток лежал в ящике среди десятков других — покрытых пылью, шелестящих временем, выцветших от солнца и влажности. И все же именно этот — свернутый неровно, почти небрежно, перевязанный потемневшей шерстяной нитью — будто звал его.

Профессор Вейр осторожно развернул его, ощутив, как хрупкие слои пергамента дышат при каждом движении. Строки на нем не были каллиграфическими, наоборот — текст словно писался в порыве, без стремления к внешней ясности. Символы и знаки, неизвестные в академических каталогах, причудливо вплетались в строки, сменяя древние тибетские слоги и странные, почти пульсирующие пиктограммы.

Свиток назывался: «Дорога в тишину».

Слова, казалось, оживали, когда он их читал. Не как буквальный текст, а как внутренний опыт, который пробуждается в сознании читателя. Вейр чувствовал, как знакомые категории ускользают — пространство, направление, время. Он понимал: это — не карта, это — отпечаток. Не описание маршрута, а след сознания того, кто шел этой

тропой и оставил ее отпечаток — не чернилами, а вибрацией бытия.

«Кто ищет путь — не найдет. Кто растворится в тишине — войдет. Тот, кто читает глазами, увидит знаки. Тот, кто читает сердцем, увидит врата.»

Так гласила первая строка. Она не требовала интерпретации — она требовала внутреннего участия.

С тех пор Вейр изменил свой режим. Он перестал писать отчеты, отключил все приборы, закрыл ноутбук и выключил связь с внешним миром. Он снял номер в маленьком гестхаусе на окраине Леха, среди сосен и камней, и начал слушать — в первую очередь себя.

Каждое утро он садился лицом к востоку, в позе, описанной в тексте. Это была не просто медитация. Это было — проникновение. Он учился дышать так, как дышал автор свитка. Следовал указаниям, которые поначалу казались абсурдными: «смотри в точку, которая рождается между мыслями», «слушай не уши, а кожу», «замри не в неподвижности, а в растворенности».

Он записывал ощущения в дневник, не анализируя, а фиксируя, как свидетель, а не как исследователь:

День 3. Пространство распалось на прозрачные слои. Чувство тела исчезло. Мысль — как звук в пещере, отзывается многократным эхом, но не имеет источника. День 5. Внезапно — внутренний свет. Не снаружи, не в голове — везде. Он без формы, но дает чувство узнавания. День 8. Сон приснился, будто иду по дороге, но с каждым шагом дорога исчезает позади, и я стою в пустоте. Мне спокойно.

С каждым днем Вейр все яснее понимал: путь в Шамбалу — это не переход из точки А в точку Б. Это снятие слоев восприятия, разъятие иллюзий, очищение зеркала, в котором отразится вход. Эта «карта» не давала указаний, но она меняла того, кто ее читал. Он становился тем, кто способен войти.

Однажды ночью, проснувшись в тишине, он почувствовал, что не один. В комнате было спокойно, но воздух будто пел. Он взял свиток — и впервые увидел не текст, а путь, прорисованный не чернилами, а внутренним светом.

Он понял: дальше путь лежал не по земле — а через сознание.

ГЛАВА 3. ЧЕТЫРЕ ИСПЫТАНИЯ УМА

В ту ночь сон накрыл Вейра, как волна, скрывшая очертания берегов. Но это был не обычный сон, не игра подсознания. Все происходящее внутри него имело вес, глубину и ясность, превосходящую даже бодрствование. Он оказался на безвременном плато, где не было ни горизонта, ни неба, ни источника света, но все было видно. Пространство не имело границ, но было наполнено невыразимой тишиной – не пустотой, а осознанием.

Перед ним стояли врата, составленные из света и тени. Они не имели замков, но закрывались внутренней преградой. Голос – не внешний и не его собственный, а как бы в промежутке между «я» и «миром», – произнес:

«Ты готов войти, но должен пройти четыре испытания ума. Не для того, чтобы победить, а чтобы узнать, кем ты не являешься».

Первое испытание: Страх

Перед ним разверзлась бездна. Из нее поднялись образы его собственных смертей – утопление, задохновение в лавине, распад тела, одиночество, холод, беспомощность. Голос страха говорил:

– Ты умрешь, если пойдешь дальше. Ты разрушишь себя. Вернись.

Тело Вейра сковало. Он ощущал каждую вибрацию страха — как волна, накрывающая сознание. Но вдруг он сделал то, чего никогда не делал раньше: не боролся, не подавлял, не отвлекся — он просто смотрел в самую суть страха. И увидел: страх был пуст, как тень, лишённая предмета.

Все исчезло. Первая врата растворились.

Второе испытание: Сомнение

Вейр оказался в зале, где копии его самого — в разном возрасте, с разным выражением лиц — задавали вопросы. Они говорили:

— Что, если все это обман? — Что, если ты сошел с ума? — Что, если Шамбала — выдумка? — Что ты вообще знаешь?

Сомнение растекалось как яд — разум искал доказательства, аргументы, логическую опору. Но чем сильнее он пытался понять, тем менее устойчивым становился пол. В какой-то момент он отпустил. И произнес:

— Я не знаю. И это — свобода.

Сомнение исчезло. Вторая врата открылись.

Третье испытание: Гордыня

Он оказался в зале славы. Стены были увешаны его научными достижениями, дипломами, фотографиями с конференций, аплодисментами. В центре — трон, на котором он сам, блистающий, как символ победы.

Трон начал говорить:

— Ты открыл тайны времен. Ты — избранный. Ты — носитель истины. Люди ждут тебя. Войди в Шамбалу как владыка.

Это шептало сладко. Оно обещало бессмертие, славу, силу. Вейр почувствовал, как оно пытается вцепиться в него, как гордыня облачается в мантии «миссии». Но он рассмеялся — не от презрения, а от ясности:

— Все, что я знаю — ничто. Все, кем я был — пыль.

Трон растаял. Третья врата исчезли.

Четвертое испытание: Желание

Перед ним предстала женщина — образ, который когда-то был любовью, тоской, болью и надеждой. За ней — родные, потерянные друзья, уют, тепло, наслаждение, сбывшиеся мечты. Все, чего он когда-либо хотел — было здесь.

Желание не говорило. Оно обволакивало, как запах хлеба в голоде. Он чувствовал, как оно проникает в него: *останься, здесь хорошо, здесь ты любим, здесь ты целый...*

И он понял: желание не противоположность страха — это его брат. Оба привязывают. Оба создают «я», которое нужно защищать или удовлетворять.

Он закрыл глаза и сказал:

— Я — не то, чего хочу. Я — тот, кто видит.

Женщина, дом, образы — исчезли. Пространство осветилось мягким светом. Последние ворота открылись.

Вейр проснулся до рассвета. Слезы текли по щекам — не от горя, а от освобождения. Он не знал, что ждет впереди. Но впервые за много лет он не искал. Он шел.

Шамбала приближалась.

ГЛАВА 4. МЕСТО ВНЕ КАРТЫ

Путь начался на рассвете — без прощаний, без проводников, без карты. Только дневник, плотно обернутый в шерстяную ткань, был у Вейра за пазухой, как напоминание, что все, что нужно, он уже однажды записал. Или еще только запишет.

Гималаи встречали его не как странника, а как сновидца. Склоны становились все круче, тропы — все тише. Каждый шаг вел не просто вглубь гор, а все дальше от привычных координат. Солнце вставало, но не грело. Тени двигались, но не подчинялись времени. Пространство будто стало вязким — неуловимым и гибким, как воспоминание во сне.

Чем выше он поднимался, тем менее устойчивым становился сам мир. Пространство больше не подчинялось законам геометрии. Камни казались ближе, чем были на самом деле. Звук его шагов то затихал полностью, то отражался множеством эхов от гладких склонов. Время текло странно: день тянулся бесконечно, а затем исчезал мгновенно. Вейр чувствовал, что он идет не только по земле, но сквозь слои восприятия.

Он перестал ощущать голод. Не потому что насыщался, а потому что тело больше не диктовало условий. Иногда

он находил ягоды, воду, редкие пятна мха. Иногда — только ветер. Но в этом не было нужды. Его сопровождала тишина, и этой тишины становилось все больше.

За одной из осыпей, внезапно и без всякого перехода, открылось озеро. Оно лежало в ложбине, гладкое, черное, совершенно неподвижное. Ни ряби, ни отражения облаков. Вейр подошел ближе и заглянул в воду. Он ожидал увидеть свое лицо — усталое, обветренное, с серебристыми прядями в волосах. Но отражения не было. Вместо этого он увидел сцены своей жизни — не воспоминания, а возможности. Те выборы, что он сделал, и те, от которых отказался. Слова, которые остались несказанными. Лица, которые исчезли навсегда. Он стоял, не отводя взгляда, позволяя всему пройти через него. И постепенно озеро стало тускнеть, образы исчезать, пока не осталась лишь тьма — не пугающая, а очищающая. Тогда он понял: это было Зеркальное Озеро, но не для того, чтобы увидеть себя, а чтобы потерять все лишнее.

Он записал в дневник: *«Зеркало не отражает. Оно снимает маски — одну за другой, пока не останется ничто, кроме прозрачного „я“. Оно снимает все лишнее, пока не останется только суть.»*

Он продолжил путь. Сколько прошло времени — неизвестно. Дни ли? Часы? Он просто шел. Пространство растворялось в безмолвии, пока вдруг среди валунов не появился белый силуэт. Каменное здание, простое, как грубый набросок. Ни знаков, ни ступ, ни символов. Только вход. Он вошел — и оказался в Пустом Храме.

Внутри не было ничего. Ни алтарей, ни изображений, ни света — и при этом все было видно. В центре — гладкий камень. На нем едва различимая надпись: «Тот, кто наполняет храм собой, не войдет. Тот, кто опустошен — уже внутри.» Вейр сел у стены. Он не медитировал — не дышал особым образом, не пытался достичь состояния. Он просто был. Минуты или годы — ни-

кто не знает. Но когда он вышел, он знал, что стал легче.

Ночью он услышал голос. Не звук, а пульсацию, вибрацию, от которой резонировало все внутри. Она исходила не извне. Она была в камнях, в воздухе, в его теле. Вейр понял: Гора говорит. Она не произносила слов, но передавала состояния. Сначала пришел страх — голый, первозданный. Потом — прозрачная ясность. А затем — такая тишина, которая стирала грань между ним и всем окружающим.

Он стоял на краю хребта, обдуваемый ледяным ветром. Все было просто: небо, снег, дыхание. И вдруг в этой простоте он услышал то, что не нуждалось в объяснении:

— Здесь ты перестаешь быть наблюдателем. Здесь ты становишься Путем.

Он открыл дневник, дрожащей рукой записал: «Здесь нет дороги. Есть только ты. И если ты — чист, то путь проходит через тебя.»

Так он пересек границу, которую нельзя обозначить ни в координатах, ни на бумаге. Ни одна карта не могла бы указать, где он находится. Ни один прибор — зафиксировать его положение. И все же он не был потерян. Он приближался.

Место вне карты оказалось не где-то. Оно оказалось внутри сознания — там, где исчезает разделение между идущим и дорогой.

ГЛАВА 5. ВРАТА ШАМБАЛЫ

Они возникли внезапно — без предупреждения, без фанфар, без знака. Вейр вышел из-за каменного уступа, и перед ним открылась равнина, залитая мягким светом, не похожим ни на солнечный, ни на лунный. Воздух стал густым и прозрачным, как вода, в которой растворена музыка. Пространство больше не колебалось, не ускользало — оно стало совершенным, как молчание перед последним словом.

Посреди этой ясной безвременной тишины возвышались Врата. Не каменные, не деревянные, не из металла. Они не имели формы в привычном смысле — то ли две колонны, то ли вертикальные струи света, очерченные почти незаметным сиянием. Они не вписывались ни в одну культуру, не несли на себе ни одного символа, и все же в них чувствовалась сила древнее времени.

Вейр остановился. Его дыхание стало замедленным, не потому что он заставил себя, а потому что само тело замерло в благоговении. Врата не были охраняемы, но ощущались как рубеж — не физический, а онтологический, за которым прекращает существовать все, что определяется как «я».

Он сделал шаг вперед — и врата остались закрыты. Ни движения, ни звука. Не было замка, не было дверной

щели, не было барьера. И все же пройти было невозможно.

Тогда он понял: это не они не открываются. Это он — еще не открылся.

Он закрыл глаза. И начал отпустить.

Сначала — цели. Все стремления, которыми он жил: найти, понять, доказать. Исследования, открытия, экспедиции, за которыми стояла вера, что истина скрыта во внешнем. Он увидел, как эти цели — пусть даже возвышенные — были все еще привязками, все еще движением вовне. Он отпустил их — как птиц, которых больше не нужно держать в клетке.

Потом — мысли. Все, что он знал, чему учился, что накапливал как сокровища сознания. Термины, логика, схемы — все, что придавало структуру его восприятию. Он позволил мыслям пройти сквозь него, не удерживая ни одной. И вскоре осталась только тишина.

Затем — страхи. Страх потерять себя, страх ошибиться, страх умереть. Он увидел, как страх — это тень желания сохранить форму. И он отпустил даже страх — позволил ему раствориться, как дым над ледяным озером.

И, наконец — самого себя. Свое имя. Образ. Историю. Все, что называл «я». Все черты, которыми он определял себя с детства: голос, походку, стиль мышления, даже внутреннюю интонацию. Он отпустил это, как последнюю оболочку. И в тот миг, когда не осталось ничего — он остался.

Он остался — просто как присутствие, без центра, без имени, без вектора. Свет стал другим. Пространство не изменилось — он изменился в нем.

Тогда врата отозвались.

Сначала — легким теплом, прошедшим через грудь, как эхом. Затем — вибрацией, будто весь мир стал звучащей струной. Потом — беззвучным раскрытием. Не наружу. Вовнутрь.

Они не открылись — они перестали быть вратами. Исчезло само разделение между «здесь» и «там». Он не прошел сквозь них — он стал пространством, в которое они вели.

И тогда он понял: Шамбала — не цель. Шамбала — не место. Это состояние чистого присутствия, где границы исчезают.

Он сделал шаг — и больше не чувствовал, что идет. Земля под ногами была мягкой, как свет. Ветер не дул — он был дыханием. Все было — собой. Все было — одно.

Путь завершился. Путь начался.

ГЛАВА 6. ГОРОД СВЕТА

Он вошел — и все исчезло. Горы, камни, ветер, даже память о пути — словно были лишь оболочкой, сброшенной при пересечении порога. Не осталось ни понятий, ни времени, ни расстояний. И все же он не растворился в пустоте. Напротив — никогда еще Вейр не ощущал такой полноты.

Перед ним не раскинулся город в обычном смысле. Не было улиц, зданий, башен или стен. Не было направлений, углов, горизонта. И все же — все было.

Свет — не исходящий, но присутствующий повсюду, как дыхание бытия. Он не слепил, не отбрасывал тени, но пронизывал все — и его самого. В этом свете не существовало разделения на «я» и «вокруг». Все, что он видел, он одновременно чувствовал. Каждая форма была не внешней — она звучала внутри, как знакомый аккорд.

Город Света — не место. Это сознание, оформленное в бытие. Вейр не шел по улицам — он двигался сквозь состояния. Вокруг — движения без шагов, формы без материи, голоса без звука. Они не говорили — и он не слышал, но знал.

Он не удивился, когда начал узнавать тех, кто его окружал. Лица, образы, чувства — не из жизни, а из снов, из медитаций, из историй, которые казались когда-то вы-

мыслом. Мальчик, глядевший на него с балкона снов. Женщина, чье лицо он не мог вспомнить, но всегда чувствовал. Воин с алой перевязью, появлявшийся в медитациях, как знак пробуждения. Все они были здесь. И он понял: это не проекция его памяти — это было их настоящее. Они приходили к нему раньше — не как видения, а как отблески их подлинной реальности, которую он теперь мог воспринять.

Один из них подошел ближе. Не мужчина, не женщина — форма, отражающая саму суть покоя. Они не поздоровались. Но Вейр сразу понял:

— Ты звал меня, когда я был у Зеркального Озера. Ты был тем светом, который я увидел внутри.

— Мы звали тебя всегда, — прозвучал ответ, не через слова, но через сердце. — Но ты слышал нас, только когда замолкал.

Он не чувствовал восторга. И не чувствовал страха. Это было состояние, в котором чувства уже не были волнами. Они стали светом, различающим вибрации бытия. Город не был молчалив — наоборот, он звучал, но это было не то звучание, которое передают уши. Это была музыка смыслов, ритмы понимания, симфония прозрачных связей между всеми живыми и не-живыми формами. Все было связано. Все — сознание. Все — свет.

Он понял: здесь не задают вопросов, потому что все известно в момент намерения. Здесь не скрываются ответы, потому что нет двойственности между тем, кто знает, и тем, кто ищет.

Он вспомнил свой старый дневник. Страницы, полные гипотез, схем, догадок. Теперь он увидел: все это было только тенью того, что здесь сияло без слов и доказательств. В Шамбале знание — это свет. Истина — это форма света, совпадающая с внутренним ритмом существа.

Он стоял в Городе Света. И понял: он не «нашел» Шамбалу. Он вырос до нее.

И кто знает — может быть, Город всегда был в нем самом. И только теперь он открылся, потому что тот, кто шел, стал самим пространством, в которое шел.

И путь продолжился.

ГЛАВА 7. ПОСЛЕДНЯЯ ЗАПИСЬ

Тонкая тетрадь, завернутая в шерстяную ткань, которую он нес с самого начала пути, снова оказалась в его руках. Бумага чуть отсырела от перепадов высот и вечной прохлады горного воздуха, но каждая страница — живая, насыщенная дыханием странствий, размышлений и преобразования.

Он сидел на границе, где уже не было ни Шамбалы, ни мира, а только мягкое между. Все, что должно было быть сказано, — уже было прожито. Все, что должно было быть понято, — случилось без слов. Оставалось одно: зафиксировать последнее касание.

Он вынул карандаш. Линия на бумаге была едва заметной, как тень, как след облака на водной глади. И все же каждая буква рождалась с полной ясностью, как если бы они не писались, а вспоминались.

Я нашел то, что не искал, но всегда знал.

Он задержал руку, не спеша отрывать карандаш от бумаги. Слова остались неподвижными — но пространство вокруг них изменилось. Они светились изнутри. Не буквальный свет, а ясность, словно каждый знак был дверью в безмолвие. Тетрадь стала не страницей, а зеркалом.

Он взглянул на все, что было написано до этого: заметки, схемы, наблюдения, признания, тишина между строк. В них еще был след ума — честного, ищущего, благородного. Но теперь — это исчезло. Последняя строка стояла вне мысли. Она не подводила итог, а отменяла необходимость в итогах.

Внезапно он увидел, как свет — едва заметный вначале — начал медленно разливаться по странице. Сначала по краю строки. Потом между словами. Затем — по всей бумаге. Он не сиял, не слепил. Это был не свет лампы, не свет солнца. Это был свет узнавания, свет вне источника.

Карандаш выпал из руки. Но не потому что силы покинули его — напротив, все тело стало легким, как дыхание. Время остановилось. Или ушло — растворилось в этой тишине, где уже ничего не нужно было ждать или измерять.

Он улыбнулся — без напряжения, без лица. Он исчез — не как тень, а как граница, переставшая быть нужной.

А дневник остался. Закрытый, но светящийся изнутри. Говорят, его нашли спустя много лет — или мгновений. Те, кто открывал его, не видели текста. Только белые страницы и одно-единственное предложение, выжженное светом в самом центре:

Я нашел то, что не искал, но всегда знал.

И за этими словами — тишина.

Тишина, в которой звучит путь.

ЭПИЛОГ. КОГДА ОН ВЕРНЕТСЯ

Профессор Вейр исчез внезапно, без предупреждения, без следа. Он просто не пришел на утреннюю лекцию. Не открыл дверь своей лаборатории, не ответил на письмо коллеги, не вернулся в дом, где каждый предмет носил на себе отпечаток его упорядоченного ума. Ключи остались в замке изнутри. В чайнике — недопитый утренний настой. На столе — открытая книга по тибетским космологическим представлениям, на полях которой он аккуратно отметил: «переход без координат».

Поисков не было в привычном смысле — потому что он не был никому должен. Не было преступления, не было причины для паники. И все же его отсутствие становилось все более ощутимым с каждым днем. Вейр был тем, чье присутствие формировало пространство. Когда он исчез — возникла пустота.

Прошли годы. Его имя постепенно перешло в разряд полузабытых. Остались статьи, цитаты, редкие воспоминания. Некоторые утверждали, что видели его на фотографии в одном из журналов по восточной философии — среди монахов в непальском монастыре. Другие говорили, что его лицо мелькало на расшифровке космического снимка — на участке, где физически не могло быть людей.

Но все это было слухами. Официально он числился «без вести отсутствующим».

Ассистентка, недавно принятая на работу в кафедральный архив университета, нашла дневник почти случайно. Перебирая старые папки и коробки с полустертыми инвентарными номерами, она наткнулась на потемневший от времени конверт без маркировки. Внутри — тонкий блокнот в серой обложке, перевязанный шерстяной нитью.

На внутренней стороне обложки — едва различимая надпись: «W.» Почерк — четкий, без излишков, но живой. Страницы — исписанные и молчаливые. Не научные записи. Не отчеты. Это был путь.

Она читала всю ночь. Страница за страницей. Шаг за шагом. Вопрос за вопросом. Свет сквозь слова. И в какой-то момент ей показалось, что она слышит — не за окном, не в коридоре — где-то в самом архиве — едва уловимый звук: переворачиваемая страница.

Она дошла до конца. Последняя страница была чистой. Совершенно. Ни пятна, ни загиба, ни чернил. Только белизна. И — тишина, которую можно было слышать.

В этот момент она поняла: это не конец. Это ожидание.

Профессор Вейр не ушел. Он — перешел. И где-то, за гранью привычного пространства, он продолжает свой путь. Или — просто есть, вне времени, вне имени.

И, может быть, однажды, когда кто-то — не читатель, а искатель — откроет ту самую последнюю страницу, она не будет пустой. Она проявится. Словами. Светом. Присутствием.

Когда он вернется — мы будем готовы. А пока он — здесь. В тишине, между страницами.

ПРИМЕЧАНИЕ

В сборнике использованы реальные исторические события и имена. Однако сюжет, диалоги и интерпретации, указанные в сборнике, являются художественным вымыслом.

Обложка создана с помощью нейросети Freepik (<https://freepik.ai/>)

Иллюстрации к повести «Свет луны в пустой чаше» созданы с помощью нейросети Leonardo.Ai (<https://app.leonardo.ai/>)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Огненная Земля	5
Предисловие	7
Глава 1. Прибытие на край света	10
Глава 2. Тени древних связей	14
Глава 3. Предание шамана	20
Глава 4. Подготовка к экспедиции	23
Глава 5. Начало пути	26
Глава 6. На пороге Белой Земли	29
Глава 7. Затерянный мир	32
Глава 8. Тайны подземного мира	35
Эпилог	38
Ошибка центуриона	41
Пролог	43
Глава 1. Щит-Ω	45
Глава 2. Контакт в пустыне	48
Глава 3. Первая Когорта	52
Глава 4. Допрос у легата	56
Глава 5. Пыль и кровь Иудеи	60
Глава 6. Ошибка Центуриона	63
Глава 7. Прощание	67
Эпилог	71
Примечание	74
Союз на лезвии меча	75
Предисловие	77
Глава 1. Ветер с востока	79
Глава 2. Копье и слава	86
Глава 3. Тропа судьбы	97

Глава 4. Союз на лезвии меча	100
Глава 5. Полночная клятва	104
Глава 6. Каталаунские поля	110
Глава 7. Назад сквозь пепел	115
Эпилог	118
Круг Времени	121
Предисловие	123
Глава 1. Машина времени и антигравитация	125
Глава 2. Эпоха Джосера	130
Глава 3. Бог из будущего	133
Глава 4. Код звездного пути	138
Глава 5. Пир во дворце фараона	142
Глава 6. Тайна храма Птаха	146
Глава 7. Дары небес	150
Глава 8. Послание Каллимаха	160
Глава 9. Тайна дома Ка Хафра	165
Глава 10. Возвращение в настоящее	168
Эпилог: Круг замкнулся	170
Глиняная табличка из Элама	173
Предисловие	175
От авторов	177
Глава 1. След на глине	178
Глава 2. Песок и жар Сузианы	183
Глава 3. Храм и хранитель	188
Глава 4. Язык богов	192
Глава 5. Заговор под ливнем	195
Глава 6. Тайны на пергаменте	198
Глава 7. Клинья и кровь	201
Глава 8. Голос предков	204
Глава 9. Песнь затмения	209
Глава 10. Печать на глине	212
Глава 11. Побег сквозь песок	216
Глава 12. Возвращение с откровением	219
Послесловие	221
Историческая справка	223

Фразы на эламском языке	225
Примечание	227
Тайна адмирала	229
Пролог. Тайна десяти колен	231
Глава 1. Свиток с печатью Соломона	233
Глава 2. Придворный авантюрист	236
Глава 3. За край карты	239
Глава 4. Убеждение и ложь	244
Глава 5. Между славой и тенью	248
Глава 6. На пороге пролива	251
Глава 7. Возвращение и опала	258
Глава 8. Посетитель из будущего	262
Свет луны в пустой чаше	267
Предисловие	269
Глава 1. Зеркало времени	271
Глава 2. Шум сосен над тишиной	279
Глава 3. Чайная тропа Ши Лина	288
Глава 4. Среди цветущих слив	296
Глава 5. Слово, плывущее к луне	303
Глава 6. В павильоне Орхидей	312
Глава 7. Диалог с поэтом	322
Глава 8. Музыка над прудом	328
Глава 9. Дао, которое нельзя назвать	334
Глава 10. Идеальный порядок и разбитая чаша	339
Глава 11. Шаг за предел	345
Глава 12. Пришло время слушать	350
Путь в Шамбалу	353
Пролог. Тень над горизонтом	355
Глава 1. Голос, звучащий сквозь века	357
Глава 2. Карта, нарисованная не чернилами	360
Глава 3. Четыре испытания ума	363
Глава 4. Место вне карты	366
Глава 5. Врата Шамбалы	369
Глава 6. Город Света	372
Глава 7. Последняя запись	375

Эпилог. Когда он вернется	377
Примечание	379

Виктор Харемов
Сергей Харемов

Тайны иных миров
(Хроники профессора Вейра)

Сборник фантастических повестей о путешествиях сквозь время, тайные знания древних цивилизаций и грани реальности, которые не подвластны науке. Профессор Вейр — археолог, философ и путешественник во времени — раскрывает перед читателем забытые миры, в которых сплетаются история, миф и неизведанное. Его путь проходит сквозь лагерь римских легионов, тайны Элама, Каталаунские поля и тропы, ведущие в Шамбалу. Каждый рассказ — новое откровение.

Rideró

Rideró.ru — издай
книгу бесплатно!